

Российский Государственный Гуманитарный Университет

На правах рукописи

Марченя Павел Петрович

Крестьянство Поволжья и большевики

в 1917 году:

социокультурный аспект

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель-
доктор исторических наук,
профессор О. Г. Буховец

Москва – 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Крестьянский вопрос в Поволжье и деятельность большевиков в 1917 году	46
1.1. Крестьянский вопрос как фактор русской революции и его роль в политической жизни Поволжья.	46
1.2. Цели и средства партии большевиков в борьбе за крестьянские массы	68
Глава 2. Социокультурные параметры расстановки политических сил в поволжских губерниях.	99
2.1. Политическая и правовая культура поволжского крестьянства	99
2.2. Отношение крестьян к ведущим политическим партиям Поволжья.	131
Глава 3. Крестьянское движение и большевизм от Февраля к Октябрю	154
3.1. Политические настроения крестьянства и начало погромного движения в деревне весной-летом 1917 года	154
3.2. Аграрная анархия осенью 1917 г. и партия Ленина: дорога к власти	171
Заключение	191
Список источников и литературы	202

ВВЕДЕНИЕ

Изучение событий Февраля-Октября 1917 года не только не потеряло своей актуальности в наше время, но, напротив, продолжает оставаться одной из важнейших и, в то же время, сложнейших проблем отечественной истории; вызывает еще более пристальный (а нередко и пристрастный) интерес со стороны ученых, политиков, широкой общественности.

Эта переломная, не только для России, но во многом и для всемирной истории, эпоха содержит в себе немало поучительных параллелей, в известном смысле перекликающихся с современностью. Период от Февраля к Октябрю стал для России в целом и для ее крупнейшего земледельческого региона – Поволжья - временем мучительного поиска выхода из глубочайшего системного кризиса, временем исторического выбора из ряда существовавших тогда альтернатив того пути, которому суждено было надолго определить основные тенденции дальнейшего ее развития. И выбор этот во многом определялся позицией крестьянства, его политическими настроениями, социальной активностью, отношением к предлагаемым различными партиями альтернативам. То, как будет воспринята новая политическая система массовым сознанием народа, основным субстратом которого являлось общинное крестьянство, предопределяло расстановку сил и развитие событий от Февраля к Октябрю. Именно от крестьянства, не просто составлявшего большинство населения России, но, по сути, являвшегося хранителем ее традиций, носителем социокультурных кодов ее цивилизации, ее “почвы”, в первую очередь, и зависела судьба дотоле невиданной им “демократии”, провозглашенной Февральской революцией 1917 года.

Исследование роли народного менталитета в политических событиях исключительно актуально в последнее время. Как особо подчеркивается

современными исследователями, “проблемы менталитета для российского общества сейчас наиболее интересны и важны для исследования” (1).

Действительно, кризис России 1917 г. привел к распаду империи, экономической катастрофе, длительной и кровопролитной гражданской войне, закончившейся утверждением тоталитарной альтернативы. А переживаемое ныне состояние российского общества во многом напоминает ситуацию 1917 г. Общесистемный кризис сопровождается нестабильностью политической системы, а острая политическая конфронтация в условиях своеобразной отечественной многопартийности сочетается с низким уровнем политической культуры масс при отсутствии консолидирующей идеи. Это свидетельствует о сходстве некоторых системообразующих факторов и позволяет исследователям сделать даже такой вывод, что “Россия возвратилась к решению проблем, оставленных ей началом XX века” (2).

В этих условиях актуальность осмысления социокультурного аспекта революции 1917 г. (в том числе и на региональном уровне, позволяющем более полно и конкретно раскрыть заявленную тему на местном материале) трудно переоценить. По выражению его известного исследователя В.П. Булдакова, “Невежество обходится очень дорого. История - это обучающий, а не убивающий процесс. Понять “красную смуту” - значит понять будущее России. В конечном счете, это значит понять, наконец, место России в будущем человечества” (3).

Актуальность данной темы определяется также и благоприятными для историка изменениями условий исследования подобной проблематики. Возможность восстановления исторической правды о событиях 1917 г. существенно облегчилась со снятием идеологических препон после крушения официально канонизированной концепции “Великой Октябрьской социалистической революции” с ее ранее обязательными мифами, догмами, стереотипами. Воссозданию подлинной картины революции 1917 г. способствуют

свобода доступа ко многим, ранее засекреченным, архивным документам, публикация воспоминаний небольшевистских политических и общественных деятелей, издание многих научных трудов зарубежных авторов, постепенно утверждающийся в исторической науке методологический плюрализм. Фактически, только в последнее время в отечественной науке были созданы реальные условия для объективного исследования указанной проблемы, актуальность которой вытекает из ее как теоретико-познавательной, так и практически-прикладной значимости.

Объектом данного исследования является весь комплекс взаимоотношений крестьянства и партии большевиков в 1917 г., участие крестьянских масс в политической жизни поволжских губерний и деятельность местных организаций РСДРП(б) по использованию крестьянства в своих тактических целях.

Предметом диссертации является социокультурный аспект взаимовлияния крестьянства Поволжья и большевиков в период между двумя революциями 1917 г. На материалах трех губерний рассматриваются особенности массового сознания крестьянства и обусловленные этими особенностями формы социального поведения крестьян и их борьбы за реализацию своих традиционных представлений, которые объективно способствовали успеху большевизма в России.

Хронологические рамки данной работы определены темой исследования и охватывают период с марта по октябрь 1917 года - от свергнувшей самодержавие и попытавшейся создать демократическую политическую систему Февральской революции до окончательного краха этой системы и прихода к власти большевиков, установивших в стране диктатуру. Этот уникальный период между двумя величайшими переворотами в жизни всего российского социума в условиях нараставшего структурного кризиса фактически объединил в себе самые различные, альтернативные тенденции в политической, экономической,

культурной сферах. История предоставила шанс всем актуальным политическим силам проявить свои потенциальные возможности, попытаться на практике доказать соответствие своих идей российской действительности. Эти неполные восемь месяцев представляют особый интерес в плане изучения социокультурной специфики составлявшего большинство народа общинного крестьянства. Именно она во многом и обусловила единство и сравнительную последовательность процесса глобального общественного сдвига от бессилия демократической коалиции к большевистской диктатуре, что можно считать главной качественной характеристикой указанного временного интервала.

Исследование этого относительно самостоятельного и законченного этапа в развитии революционных событий, закономерность реальных результатов которого и по сей день продолжает оставаться одной из самых дискуссионных проблем отечественной историографии, представляется тем более целесообразным в связи с тем, что, как уже было отмечено, конкретно-историческая ситуация необходимости принципиального выбора народом той или иной модели общественного развития из предлагаемых различными политическими партиями, сложившаяся между Февралем и Октябрем 1917 года, частично аналогична современной. Да и многие особенности менталитета, социальной психологии, политической и правовой культуры масс, составляющих большинство населения России на рубеже XXI века, могут быть сопоставлены по ряду важнейших параметров с характеристиками массового сознания в рассматриваемый период.

Территориальные рамки исследования ограничены пределами Симбирской, Самарской и Саратовской губерний, где крестьянский вопрос можно считать фактической доминантой местной политической жизни от Февраля к Октябрю 1917 года. Данную территорию следует признать достаточно репрезентативной в качестве модели как крестьянского движения и его роли в

политических событиях аграрного Поволжья, так и участия российского крестьянства в революции 1917 года в целом, поскольку в этом - одном из крупнейших - сельскохозяйственных регионов России, сконцентрировавшем в себе все сущностные противоречия российской деревни в указанный период, были отражены и все характерные для крестьянской страны черты. Данные губернии стали на это время, в известном смысле слова, показательной ареной борьбы ведущих политических сил за крестьянство, без поддержки которого дорога к власти любой из них была закрыта.

Кроме того, не следует упускать из виду тот факт, что крестьянство названных губерний имело уже давние и богатые традиции совместных социальных выступлений. Это также способствовало тому, что в условиях смуты 1917 г. оно стало исключительно значимой силой в политической жизни поволжской провинции, а происходившие здесь процессы не могли не оказывать влияния на ситуацию в России в целом.

Целью данного исследования является выявление и анализ социокультурного аспекта взаимоотношений большевиков и крестьянства Симбирской, Самарской и Саратовской губерний от Февраля к Октябрю 1917 года, выявление результатов этого взаимовлияния и причин, приведших к ним. Осмысление “логики” поведения общинных масс и характера их взаимосвязи с большевизмом, обусловленного, в первую очередь, социокультурными характеристиками, является, по мнению автора, ключевым для понимания социального механизма революционной смуты 1917 г.

Ввиду многоплановости темы исследования, в данной работе основное внимание сосредоточено, главным образом, на описании узловых проблем, характеризующих предмет диссертационного анализа, и поставлены следующие **задачи**:

1. Определить сущность, место и роль социокультурного аспекта крестьянского вопроса в общей картине политической борьбы в Поволжье в рассматриваемый период.
2. Раскрыть цели и средства партии большевиков в использовании социокультурных особенностей крестьянства.
3. Выяснить уровень политического и правового сознания поволжского крестьянства и охарактеризовать основные его социокультурные и социально-психологические черты, оказавшие важное влияние на ход политических событий.
4. Выявить отношение поволжских крестьян к ведущим политическим партиям, функционирующим в этом регионе.
5. Проследить динамику изменения политических настроений крестьян и направленность крестьянского движения от Февраля к Октябрю как фактор победы большевиков.
6. На основе полученных результатов сформулировать концептуальные выводы по теме исследования.

Методологическая основа диссертационной работы обусловлена всем вышесказанным и вытекает из признания автором плюралистического характера процесса постижения исторической истины, в связи с чем в ходе данного исследования реализуется актуальный для современной историографии конвенциональный (“комплиментарный”) подход к существующим теоретическим представлениям, согласно которому последние используются в той мере и в тех соотношениях, в каких они наиболее адекватны поставленным задачам (4).

Комплексное исследование поставленной проблемы, сложной не только в определении фактологической, событийной истины, но и в ее методологической оценке, требует полидисциплинарности. Историзм в этом случае предполагает учет изысканий политологии, социологии, социальной психологии, философии

истории, а традиционные методы исследования, активно используемые в отечественной исторической науке (диалектический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, иллюстративный) органично дополняются такими подходами как цивилизационный, ориентированный на ценность любого исторического опыта, и альтернативный, устремленный на поиск таких закономерностей развития социальных процессов и таких факторов, которые “при наличии ряда существовавших альтернатив обеспечивали “исторический выбор” одной из них” (5).

Ориентируясь на собственное видение проблемы, обусловленное мировоззренческо-ценностными установками и результатами, полученными в ходе изучения темы, автор согласен с теми современными исследователями, которые полагают, что при этом историческом выборе определяющую роль играли “ментальные стереотипы, сложившиеся в результате опыта целого ряда поколений” (6), ибо социальное поведение людей детерминируется не только материальными интересами и общественным статусом, но и уровнем образования, культуры, исповедуемыми ценностями, оценкой ближайших перспектив, избираемой моделью жизни и другими личностными факторами (7).

Отечественные историки лишь в самое последнее время отметили, что эвристический потенциал исследования значительно умножается “при условии изучения ментальности и социального поведения в связке” (8). Это принципиальное методологическое положение следует считать исключительно важным для данного исследования, базирующегося, прежде всего, на социокультурном анализе. Объектом его, по выражению В.П. Булдакова, является “психологический феномен человека на изломе большого исторического времени”, что “дает возможность соединить эмпирические преимущества социальной истории революции с их компаративистским обобщением”, и тем

самым преодолеть главную утопию XX века - “веру в историю без живых людей”, “вернуть прошлому его человека” (9).

Таким образом, синтез вышеперечисленных подходов и методов, на основе непредвзятого, по возможности объективного анализа противоречивых, сложных процессов, составляющих предмет данного исследования, дает, по мнению автора, возможность сформулировать сравнительно цельную концепцию видения поставленной проблемы, отвечающую современному уровню развития исторической науки.

Характеризуя **степень изученности темы** данной диссертационной работы, можно отметить, что отдельные элементы комплекса проблем, связанных с этой темой, имеют немалую историографическую традицию. На сегодняшний день существует широкий круг различных изданий, так или иначе затрагивающих историю участия крестьянства в революционных процессах 1917г., включая и целый ряд специальных историографических работ как всероссийского, так и регионального уровней (10).

По мнению автора, в развитии отечественной историографии темы целесообразно выделить четыре основных этапа, хронологические рамки которых условно можно обозначить следующим образом:

- 1) 1917 – 1920-е гг.;
- 2) конец 1920-х – I-я пол. 1950-х гг.;
- 3) II-я пол. 1950 – 1980-е гг.;
- 4) конец 1980-х – начало 2000-х гг.

Кратко охарактеризуем специфику каждого из названных периодов.

Фактически в роли первых исследователей выступили многие деятели той эпохи, непосредственные очевидцы и участники изучаемых событий, работы которых можно считать одновременно как источниками по теме, так и началом ее осмысления, ибо, несмотря на полемическую запальчивость, свойственную

революционной эпохе, в них подчас делались серьезные попытки отразить отдельные аспекты борьбы политических партий за крестьянские массы (11).

Отечественные исторические исследования, касающиеся данной проблематики, тесно связаны с историей Октябрьской революции в целом, и, по понятным причинам, имеют давние традиции анализа, “заложенные вождем этой революции и ее первым историком”, и “овладевая ленинской концепцией Великой Октябрьской социалистической революции, исследователи наполняли конкретным материалом аграрно-крестьянские сюжеты этой концепции” (12). Уже в 20-е годы вышел ряд обобщающих работ, анализирующих классовую структуру российской деревни накануне и в период революции, социальные перемены и борьбу в ней (13).

Труды А. Хрящевой и И. Верменичева содержат значительный статистическо-экономический материал, данные о классовом составе крестьянства и даже частично о деятельности партий в деревне, но практически не имеет информации, касающейся интересующего нас социокультурного аспекта. В работах Я. А. Яковлева, С.М. Дубровского, А.В. Шестакова подчеркивается стихийность и неуправляемость так называемого “аграрного движения”, что уже позволяет ставить вопрос о социально-психологических предпосылках данного исторического факта. Хотя речь идет лишь о некоторых противоречивых эпизодических штрихах, не дающих возможности воссоздать целостную картину социокультурного облика крестьянства как особой силы, участвовавшей в революционных событиях. Так, С.М. Дубровский, например, вовсе не видит разницы между интересами помещиков и крестьян-собственников, называя их всех “кулаками”. А А.В. Шестаков, в чьем обширном наследии (от агитационно-пропагандистских брошюр до солидных исследований) прослеживаются попытки обобщить данные о ходе, формах и методах крестьянского движения, подчеркивает, что крестьянство ликвидировало помещичье землевладение

самостоятельно, без помощи городского пролетариата и его партии. А.В. Шестакову же принадлежат и специальные работы по истории создания и деятельности крестьянских организаций (союзов, комитетов, советов, съездов) и по выяснению влияния агитации и пропаганды РСДРП (б) на ход и характер событий в деревне (14). Но и этот историк, сделавший столь значительный вклад в историографию рассматриваемой темы, основную причину крестьянского движения видит не в его социокультурных характеристиках, а в безвыходном положении крестьянского хозяйства (15).

В 20-е годы складывается теоретическое положение о двойном характере Октябрьской революции, согласно которой в городе происходила пролетарская – антибуржуазная, а в деревне – крестьянская – антипомещичья – революция. Классическим выражением этой концепции можно признать монографию Л.Н. Крицмана “Пролетарская революция и деревня”, изданную в 1929 г. (16).

Разумеется, что и в региональном масштабе не могло не появиться публикаций по проблематике “Великой Октябрьской социалистической революции” на местах (17). Так, большой интерес представляет труд видного саратовского большевика В.П. Антонова, который воспоминания о своих личных наблюдениях пытался сочетать с элементами “научного” анализа событий, подкрепляя их архивным и газетным материалом. Его работа “Под стягом пролетарской борьбы...”, написанная эмоционально-ярко и художественно-красочно, содержит ценнейший материал, касающийся социально-психологической стороны партийной и межпартийной борьбы за массы в Поволжье. О небольшевистских революционно-демократических организациях, действовавших в Саратовской губернии, он высказывается следующим образом: “Все наши противники представляли тип, штампованный тип романтиков, политических Маниловых, эмоционалистов в высшей степени. Фразы о том, что мы все – социал-демократы, что мы совместно боролись, сидели в тюрьмах, гибли

“в каторге и тундре”, производили на них слезоточивое впечатление. Во имя этого и под влиянием этого они отклонялись от директив своих центров в нашу пользу” (18).

В целом можно отметить, что исследования начального периода советской историографии данной темы (с 1917 г. до второй половины 20-х гг.) написаны чаще всего участниками событий (за редким исключением, большевиками), по “горячим следам” недавних боев, их вряд ли можно назвать беспристрастными историческими трудами; но, тем не менее, они представляют большой интерес, так как выражают свойственный тому времени колорит, дух бескомпромиссной революционной борьбы. Понятно, что основное внимание в них уделяется деятельности именно большевистской партии и доказательству ее гегемонической роли в руководстве массами, в том числе и крестьянскими. Уникальным исключением в этом смысле является “Хроника революционных событий...”, составленная беспартийным сотрудником Самарского Истпарта И.И. Блюменталем (19), которая содержит ценный объективный материал обо всех ведущих партийных организациях, действовавших в рассматриваемый период на территории Самарской губернии, что позволяет, в том числе, сравнить формы и методы борьбы РСДРП (б) за местное крестьянство с другими политическими партиями.

Особое место принадлежит также в отечественной историографии истории 1917 года в Поволжье и работе эсера П.Д. Климушкина “История аграрного движения в Самарской губернии”, изданной Комучем, в которой приводятся исключительно важные сведения о характере и подоплеке крестьянского движения, о его взаимосвязях с рабочим движением и деятельностью политических партий и организаций (20).

Все же в этот период еще сохранялась относительная возможность определенного плюрализма оценок, мнений, выводов, и труды эти обладают

значительным научно-познавательным материалом, который до сих пор не исчерпан. Усилиями местных истпартов был накоплен весомый фактический материал. К началу 30-х годов ситуация меняется. Уже в начале 1927 г. на Всесоюзном Совещании заведующих местными истпартами исследователям были продиктованы категорические тезисы “О научной обработке материалов”, согласно которым “область истпартовской работы есть область исторической работы. Но единственно научной историей может быть только марксистская ленинская история. Исторический материализм - единственный метод, пронизывающий всю научную работу... на всех ее стадиях и во всех ее видах”, а “научность работы обуславливается не количеством используемых новых материалов, а последовательностью в применении основного метода ...” (21). К этому времени достаточно было обвинения историка в “объективности”, стремлении отразить факты во всей их полноте, чтобы отстранить его от работы, что, например, и произошло с И.И. Блюменталем, так много сделавшим для Самарского истпарта (22). Многие ценные исторические труды по теме были выведены из научного оборота, поскольку не соответствовали сфальсифицированной сталинской истории “аграрной революции” (в том числе и упомянутые работы И.И. Блюменталю и затем В.В. Троцкого).

В целом, литература 30-х - первой половины 50-х гг. отмечена печатью сталинской диктатуры и весь корпус исследований этого периода формировался исключительно на основе сталинской версии “марксизма” как единственного исследовательского подхода при условии полного принципиального отказа от концептуального плюрализма. Актуальность исследуемой проблематики и выводы по ней всецело определялись идеологической конъюнктурой, а любое отступление от известных ортодоксальных постулатов в условиях тоталитарного государства жестоко пресекалось, поэтому история могла развиваться только в их рамках и была сведена к выполнению политического заказа партии в лице ее вождя. Работы

этих лет выверялись по непререкаемым канонам “Краткого курса”, согласно которому решающей силой в победе Октября являлся союз пролетариата с беднейшим крестьянством под руководством партии Ленина - Сталина, а все остальные партии объявлялись “бандой шпионов, вредителей, диверсантов, убийц, изменников Родины” (23), и, соответственно, реальная картина политических симпатий крестьянства в 1917 г. не могла отразиться в исследованиях того времени, да и коллективизация также не способствовала популярности среди историков темы крестьянства в революции.

Неудивительно, что сталинский период не стал плодотворным для рождения трудов по представленной тематике. Хотя даже и это время не явилось сплошным пробелом в ее историографии. Так, в центре вышли сочинения А.Арсентьева, М. Гайсинского, В. Зайцева, Т. Ремезовой (24). Авторы, без достаточно убедительной аргументации констатируя, что “пролетариат и его партия привели крестьянство к великим октябрьским дням” (25), утверждали, например: “Политика эсеров заключалась в том, чтобы кастрировать советы низведением их до роли простых придатков к органам буржуазной диктатуры”(26).

В Поволжье также продолжали публиковаться подобного рода краеведческие материалы, связанные с революционными событиями 1917 г. на местах (27). Так, например, в работе Н. Афанасьева “Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии”, изданной в 1947 г., в качестве причин крестьянского движения называются только экономические, в доказательство чего приводятся лишь многочисленные цитаты “Краткого курса”, о социокультурной же и социально-психологической сторонах крестьянского движения никакой информации нет. Защищались и диссертации, в которых так или иначе затрагивались проблемы, связанные с участием поволжских крестьян в революции. Это работы А.Ф. Полещука, С.И. Фадеева, М.А. Гнутова (28), содержащие все характерные приметы сталинского периода

отечественной историографии, вплоть до откровенной фальсификации истории. Например, эгалитарно-перераспределительные устремления поволжских крестьян выдавались за осуществление на практике большевистской программы под большевистским же руководством, вклад поволжских эсеров в активизацию крестьянского движения приписывался местным ленинцам и т.д.(29).

В это же время появились и диссертации, специальным предметом исследования которых была непосредственно политика большевиков по отношению к крестьянству. Так, например, типичными для данного периода являются кандидатские диссертации Г.В. Стороженко и С.А. Крупнова, которые, как на обобщающем (30), так и на местном уровне (31), изображали по-сталински категорично четкую “красно-белую” картину описываемых событий. Ульяновский историк С.А. Крупнов, вынужденный в своей работе “Борьба большевиков Симбирской губернии за крестьянство в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции” признать, что социал-демократы меньшевики и социалисты-революционеры преобладали в Советах, так как в Симбирске было всего 5 большевиков, тем не менее, утверждал, что крестьянское движение ширилось именно под руководством местных большевиков (32).

Хрущевская “оттепель” и частичная десталинизация советского общества вызвали некоторую (сравнительную) либерализацию в изучении политических процессов 1917 г., что придало новый импульс исследованию рассматриваемой темы. Постепенно был подготовлен целый ряд серьезных обобщающих трудов, в которых освещались различные формы и методы борьбы большевиков за влияние на крестьянство, история социальной борьбы в деревне, вопросы, связанные с формированием и деятельностью различных крестьянских организаций, сыгравших значительную роль в революции и проведении коренных преобразований в области аграрных отношений. Это работы А.Я. Утенкова, П.Н. Соболева, В.И. Кострикина, В.А. Демидова, Н.А. Кравчука, О.Н. Моисеевой, А.В.

Седова, А.Д. Малявского и др. (33). Исследования А.С. Смирнова, Т.В. Осиповой, П.Н. Першина были уже более близки к отражению сложной многоплановой картины революции, в том числе и в интересующем нас аспекте (34).

К полувековому юбилею революции было подготовлено трехтомное сочинение академика И.И. Минца “История Великого Октября” (35), обобщившее огромное количество различных локальных работ и, в известном смысле, канонизировавшее как достижения советской исторической науки по данной проблеме, так и присущие ей недостатки. Постепенно приоткрылся и доступ к освещению деятельности “непролетарских” партий, разумеется, при условии неременной оценки “контрреволюционного” лагеря как несостоятельного, обреченного на неизбежный крах в силу своей исторической “неправоты”, а если даже в какое-то время и пользовавшегося популярностью в массах (в том числе крестьянских), то исключительно благодаря “обману”, который временно ввел последние в заблуждение (36). Тем не менее, эти работы давали определенный творческий импульс историческому осмыслению взаимодействия партий и народных масс, что способствовало росту интереса к рассматриваемой теме.

Появились и отдельные работы, специально посвященные обобщению опыта политической борьбы ведущих партий за крестьянство (37).

В региональном масштабе также (наряду с работами, продолжавшими трактовать деятельность большевистской партии, являвшейся, в отличие от своих конкурентов, единственно достойным персонажем политической истории Поволжья) (38) постепенно начали выходить в свет локальные исследования, связанные с историей “непролетарских” партий, соперничавших с партией Ленина в борьбе за поволжское крестьянство, например, работы С.Ш. Овруцкой, Д.С. Точеного (39), ставшие ценным вкладом в историографию истории революции в Поволжье.

К различным “круглым датам” (40 - , 45 - , 50 - и т.д.. - летию) Октября в поволжских областях была проведена большая работа по выявлению и публикации источников по соответствующей исторической проблематике (40), что стимулировало дальнейшее тиражирование исторического нарратива по данным темам. Вышли в свет очерки истории местных организаций КПСС (41). В них по-прежнему все небольшевистские революционно-демократические партии (не говоря уже о конституционалистах-демократах) рассматривались как “эсеро-меньшевистские прихвостни” и “агенты буржуазии”, “партии прямых помощников и лакеев контрреволюции”, которые “игнорировали требования трудящихся и занимались травлей большевиков”, тогда как “правдивое большевистское слово вооружало крестьян ясной программой борьбы, способствовало расширению и углублению аграрного движения” и “по мере роста влияния большевиков в сельской местности крестьянское движение приобретало все более организованный и острый характер” (42). Очевидно, что научная ценность подобных “очерков” для решения поставленных в данной диссертации задач является весьма сомнительной.

В 1962 г. под руководством И.И. Минца состоялась региональная конференция в Саратове, на которой решено было “скоординировать” исследования поволжских историков; в 1964 г. региональная конференция прошла в Куйбышеве, а в 1967 г. под редакцией Е.И. Медведева было издано комплексное исследование “Октябрь в Поволжье”, обобщившее итоги трудов предшествующих лет (43). Однако, и в нем содержатся лишь отрывочные мозаично-фрагментарные сведения, необходимые для серьезного анализа темы.

Свой вклад в дело изучения отдельных проблем по рассматриваемой теме внесли Е.И. Медведев, В.П. Семьянинов, Г.А. Герасименко, Д.С. Точеный, Ю.П. Суслов, Н.Н. Кабытова и многие другие историки Поволжья (44), хотя социокультурный аспект революции продолжает оставаться в основном вне

исследовательских интересов поволжских ученых и наблюдения их по соответствующим вопросам носят лишь эпизодический характер. Так, даже в солидном труде Е.И. Медведева “Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге”, созданном на обширной источниковой базе, крупный самарский историк, делая выводы о том, что “крестьянское движение на Средней Волге наиболее ярко проявлялось там, где были большевики”, “борьба крестьян за землю протекала стихийно и возглавлялась большевиками, солдатами-фронтовиками”, - не подкрепляет эти внутренне противоречивые высказывания анализом причин “руководящей” роли большевиков (организации которых в сельской местности губернии фактически не представлены) в “стихийном” крестьянском движении (45). И в своей более поздней работе, специально посвященной роли крестьянства в революции (“Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции”) один из самых серьезных исследователей этой проблемы также не сопоставлял особенности менталитета поволжских крестьян с идеологией большевизма, и, подчеркивая, что “хотя крестьяне и верили эсерам, все же большевикам удавалось оказывать на них немалое внимание” (46), приводил лишь экономические причины этого важнейшего для понимания революции 1917 года явления. Но рамки общеидеологических установок, в которых исключительно и могла тогда развиваться советская историография темы, оставляли лишь крайне незначительный простор для дискуссий только по поверхностным и непринципиальным вопросам, касающимся ее проблематики. Общие же места любой работы этого периода, исходные ее положения и важнейшие выводы, призванные заранее predeterminedенно увенчать всякое исследование этой темы, были продиктованы линией Коммунистической партии в русле ленинско-сталинской концепции триумфальной победы социализма в России, являвшейся методологической основой изучения революционных событий. Инструментарий исторической науки, как правило, заключался прежде

всего в умелом использовании “декретно-иллюстративного” метода, а лучшим доказательством того или иного положения являлось обильное цитирование ленинского “катехизиса” и последних решений руководящих органов КПСС. Понятно, что в таких условиях для отечественных историков исследование реального социокультурного контекста революции 1917 г. фактически было невозможным. Как справедливо отметил В.П.Булдаков, “в советской историографии вопрос о социокультурном содержании Октября практически не ставился” (47).

Огромный фактический материал, накопление и введение в оборот которого является безусловной заслугой историков советского периода, не мог получить объективного научного анализа в “прокрустовом ложе” устоявшихся историографических схем.

Теоретическое осмысление фактов о крестьянском движении значительно отставало от процесса их накопления - подчеркнул Б.Г. Литвак уже в 1986 г. (48) А О.Г. Буховец, характеризуя степень изученности участия крестьянства в социальных конфликтах в отечественной историографии, пишет: “В некоторых, причем наиболее существенных отношениях, положение, на мой взгляд, можно определить метафорой: “Гора родила мыш” (49).

Фактически, к середине 80-х годов отечественная историография оказалась в состоянии глубокого теоретического и методологического кризиса. Издание целого ряда обобщающих трудов, касающихся данной темы, по своему духу являющихся возвращением к сталинскому пониманию истории (50), еще более парализовало мысль действовавших и потенциальных историков соответствующей тематики, хотя и это время не было пробелом в ее историографии (51).

“Перестройка” и последовавший вскоре отказ от прежней модели, на которую ориентировалось советское общество в своем развитии, оказали сильнейшее стимулирующее воздействие на отечественную историческую науку.

Начинаются попытки отойти от прежних схем и осмыслить многовариантность, альтернативность истории. Разумеется, что одним из центральных пунктов исторического переосмысления явились события 1917 г., что выразилось в целом ряде конференций и публикаций, открывших новую страницу в историографии темы (52). Преодолению односторонности исследований советского периода способствуют и публикации работ западных ученых (53). Именно в последнее время сделаны определенные шаги в изучении социокультурного аспекта взаимодействия политических партий и народных масс в революциях 1917 г., намечены теоретические и методологические направления современной историографии этой темы (54). И если, как отмечает в своем фундаментальном исследовании деятельности общественно-политических организаций российских землевладельцев в революции 1917 г. Г.Н. Кочешков, “в погоне за количественной стороной крестьянских выступлений в 1917 году крайне мало внимания уделяется проблеме психологии крестьянства, поиска причин поведения крестьянских масс в тот грозный год” (55), то сейчас ситуация в науке меняется к лучшему. Уже к концу 80-х годов появились работы по выявлению социально-психологического облика российского крестьянства в революционную эпоху, в том числе и с использованием материалов Поволжья (56), а в местных краеведческих трудах постепенно воссоздается объективная картина взаимодействия политических структур и широких масс в период от Февраля к Октябрю 1917 г. (57). Из исследований последнего времени, которые непосредственно затрагивают тему, следует особо выделить работы Г.А. Герасименко, В.В. Кабанова, В.Л. Телицына, О.Г. Буховца, В.М. Бухараева, Д.И. Люкшина, Т.Г. Леонтьевой, Ю.П. Бокарева, А.Б. Асташова, О.С. Поршневой, О.Г. Вронского, Б.Н. Миронова, в которых ученые предпринимают попытки анализа не только социально-экономического и политического аспектов поставленных проблем, но и социокультурного контекста событий рассматриваемого периода (58). В частности, в капитальном труде Б.Н.

Миронова сформулированы очень важные наблюдения о воспроизведении общинного строя социальной моделью большевизма, а работы О. Г. Вронского актуализируют роль в русской революции «воинствующего традиционализма» и «экспансии общинного уклада».

Последнее время - время смены историографической парадигмы истории 1917 года - оказалось плодотворным для защиты диссертационных исследований, в той или иной мере касающихся данной темы. Так, из работ обобщающего плана, можно отметить докторские диссертации В.И. Миллера, Ф.А. Рашитова, которые поднимают проблемы связей массового сознания и политического выбора России, сделанного в Октябре 1917 г. (59). В конце XX в. был защищен целый ряд кандидатских диссертационных работ, посвященных участию крестьянства отдельных регионов России в революции 1917 г. (60). Правда, следует отметить, что основной акцент в них делается на изучение социально-экономического блока проблем, анализ крестьянского хозяйства и его значение в политических событиях, социокультурный же аспект либо вовсе отсутствует, либо носит отрывочный, вспомогательный характер.

Близка к теме данного исследования докторская диссертация Ю.П. Сулова (61), написанная на материалах поволжского региона, но в центре ее находится борьба политических партий за разрешение аграрного вопроса и сопоставление соответствующих партийных доктрин, анализ их экономической целесообразности и т.п., причем автор сосредоточил основное внимание на послеоктябрьском периоде и не ставил задачей проследить эволюцию социокультурных взаимосвязей крестьянских масс с партийной деятельностью.

Следует отметить также кандидатскую диссертацию А.Г. Рамазанова (62), в которой анализируется правосознание крестьянства Самарско-Симбирского Поволжья в революционную эпоху, что можно считать ценным вкладом в рассмотрение одной из частных сторон комплекса вопросов, связанных с

изучением социокультурного аспекта русской революции. В последние годы в ряде регионов вышли также работы, характеризующие социокультурный облик “крестьянства в шинелях” и влияние на него партий социалистической ориентации (63), а также отдельные исследования, посвященные крестьянской общине и ее участию в политическом процессе (64). Но, как подчеркнул видный самарский историк П.С. Кабытов, до сих пор продолжает оставаться дискуссионным – “к каким конкретным результатам пришло крестьянство к осени 1917 г.?”, “... не в полной степени раскрыты характер, движущие силы и роль крестьянской войны, развернувшейся осенью 1917 г.” (65) А А.А. Сальникова отмечает, что в работах по истории крестьянства в 1917 году, недостаточно внимания уделяется вопросам соотношения сознательности и стихийности крестьянского движения, его радикальных и консервативных сторон, демократических и автократических тенденций в политическом сознании крестьянских масс, их социальной психологии и большевистской идеологии (66).

Подведем итоги всему вышесказанному. В целом анализ существующей историографии позволяет сделать вывод, что, несмотря на наличие серьезного “актива”, наработанного исторической наукой в советский период, и интенсивному процессу переосмысления накопленного “багажа” в новейшей литературе, пока отсутствует целостная, внутренне непротиворечивая концепция рассмотрения данной темы в ее социокультурном ракурсе, которая должна была бы способствовать плодотворному решению многих частных проблем, до сих пор не получивших достаточного отражения в соответствующей литературе, а проблема, поставленная в настоящей диссертации, пока не была предметом специального всестороннего свободного от предвзятости конкретно-исторического исследования.

Характеризуя **источниковую базу** данной диссертации, следует отметить, что в основу исследования положен обширный неоднородный комплекс

различных в количественном и качественном отношении исторических источников, как опубликованных, так и неопубликованных, отбор которых осуществлялся в соответствии с целью и задачами предпринимаемого исследования из огромной совокупности данных.

Отобранный источниковый массив для удобства и краткости его предварительного анализа можно (со значительной долей условности) структурировать на относительно определенные отдельные группы, имеющие свои специфические особенности.

Так, **опубликованные** по рассматриваемой теме и связанной с ней проблематике источники можно подразделить на следующие группы.

1. Изданные непосредственно в интересующий нас период и сохранившиеся до наших дней официальные документы, объективно свидетельствующие о работе крестьянских организаций разного уровня и о деятельности соответствующих государственно-властных общественных органов по “крестьянскому вопросу”.

Например, “Протоколы 2-ого Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общесословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. Самара, 1917” позволяют ознакомиться не только с решениями названного крестьянского съезда, которые сами по себе уникальны для этого времени в целом по России, но и “окунуться” в общественно-политическую атмосферу тех дней, понять и “прочувствовать” настроения и мотивы поведения крестьянских делегатов, “увидеть” весь политический спектр Поволжья весны 1917 года и “услышать” речи как представителей всех ведущих партийных организаций региона, адресованные крестьянству, так и самих поволжских крестьян. “Журнал Чрезвычайного Симбирского Губернского Земского Собрания. Симбирск, 1917, 2 июня” дает, в свою очередь, реальное представление о масштабе “крестьянской проблемы” в губернии и рисует подлинную картину мнений местных земских

деятелей о ее причинах и возможных путях решения.

2. Опубликованные также в 1917 г. агитационно-пропагандистские издания политических партий, являющихся основными соперниками ленинцев в борьбе за народные массы – прежде всего, крестьянские, - содержат не только популярное изложение партийных программных установок по аграрному вопросу, но и важные сведения о роли этого вопроса и его различных аспектов в политической жизни России и ее губерний, воссоздают представление о средствах и приемах полемики в партийной борьбе той эпохи и позволяют взглянуть на деятельность большевиков и предлагаемые ими “рецепты” глазами их конкурентов. Так, например, брошюры П.Я. Дербера “Обзор земельных программ различных партий”, Н. Иванова “Русские партии и аграрный вопрос”, Е.С. Канчера “Аграрный вопрос: политические партии в России” показывают механизм функционирования крестьянского правосознания в российском политическом процессе и дают, в этой связи, любопытные оценки программы и методов партии Ленина.

Отдельные издания подобного рода, вышедшие в изучаемый период непосредственно в интересующих нас губерниях, такие, например, как опубликованные в Самаре в 1917 г. брошюры социалистки-революционерки Абрамовой “Крестьянин и рабочий” или конституционалиста–демократа В. Кудрявцева “Что хочет партия народной свободы”, дают пищу для размышлений о характере партийной и межпартийной борьбы в регионе. Некоторые же работы политических деятелей всероссийского уровня фактически специально посвящены сопоставлению ментальных оснований массовых крестьянских движений и тактики ленинской партии. Так, к примеру, работы известного кадетского идеолога А.С. Изгоева “Социалисты во второй русской революции” и “Социалисты и крестьяне”, изданные в Петрограде в 1917 г., отражают в высшей степени важные в контексте данного диссертационного исследования взгляды и

наблюдения современника о созвучности крестьянских социально-психологических установок и социальных практик направлениям тактической работы рвущихся к власти большевиков, уловивших и использовавших в своих целях лозунги слабоструктурированной крестьянской массы.

3. Документы большевистской партии, официально изданные и легко доступные любому интересующемуся (“КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1970. Изд. 8. Ч. 1”, “Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Т.1. М., 1957” и др.), несмотря на их сравнительную изученность, тем не менее продолжают оставаться немалозначимым источником по данной теме, так как включают в себя материалы, позволяющие анализировать этапные стратегические и тактические позиции РСДРП(б) в их взаимосвязи с традиционными крестьянскими представлениями и исторически значимым социальным поведением российского крестьянства в революции как в центре, так и на местах.

4. Многочисленные работы В.И. Ленина, касающиеся соответствующей проблематики в конкретно-историческом контексте борьбы за власть (то есть, за крестьянство), целесообразно выделить в отдельную группу источников. Эти работы, выражающие указания вождя, отчетливо понимавшего значение “деревни” в русской революции и выигравшего борьбу за народные массы у партий первоначально куда более популярных в крестьянской среде, незаменимы при осмыслении целей и средств ленинцев в их борьбе за массы и, безусловно, являются обязательным источником по данной теме.

5. Изданные после утверждения власти победившей партии хроники событий революции на местах (Блюменталь И.И. Указ. соч.; Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии, 1902-1917 гг. Куйбышев, 1969; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917-18 гг. Саратов, 1968) содержат определенный фактический материал по теме, но представлен этот

материал, как уже было описано выше, крайне однобоко, тенденциозно, и может быть использован по теме лишь в совокупности с остальными источниками. Только упомянутая “Хроника...” И.И. Блюменталю освещает конкретные факты политической жизни Самарского Поволжья, могущие служить относительно надежной основой для сравнительного анализа деятельности местных политических организаций по крестьянскому вопросу и для исторических размышлений по поводу осознанности крестьянскими массами проводимой различными партиями политики.

6. Тематические сборники документов и материалов и сборники воспоминаний очевидцев и участников событий в Симбирской, Самарской и Саратовской губерниях, в силу условий их опубликования, содержат, увы, не много материала, способного пролить свет на поставленную нами проблему. Изданные в 1957 г. в Ульяновске сборник документов “Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 – июнь 1918), сборник воспоминаний “Борьба за власть Советов в Симбирской губернии (февраль 1917 – июнь 1918) (переизданный в Саратове в 1967 г. под названием “За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии”), в Куйбышеве сборник воспоминаний “Октябрь в Самаре” и сборник “Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы”, в Саратове сборник “1917 год в Саратовской губернии” – составлены таким образом, чтобы однозначно “аргументировать” историческую миссию партии Ленина в качестве гегемона революции и монопольного выразителя всех подлинных чаяний народа, и отрывочные материалы о поволжском крестьянстве привлекают только для “доказательства” данного тезиса.

Следует отметить, что материалы более раннего периода, изданные “по горячим следам революции”, из которых еще не успели выхолостить все, что

противоречило подобной схеме, гораздо более ценны для нашего исследования. Так, например, в самарском сборнике “Красная быль” за 1923 год еще можно встретить подтверждения первичной роли крестьянства в местном политическом процессе 1917 года из уст самих большевиков, которые подчеркивали, что крестьянство, несмотря на свою “невежественность, неорганизованность и аполитичность”, было определяющей силой в ходе всей революции (67).

7. Значительный интерес в качестве источника исследования политических процессов 1917 г. представляют собой и опубликованные воспоминания различных партийных и государственных деятелей той эпохи, как, например, ставшие своеобразной “Хрестоматией” революции “Записки...” Н.Н. Суханова, мемуары П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского, Л.Д. Троцкого и др. (68). При использовании данных источников автор, разумеется, сознавал необходимость критического подхода к анализу содержащейся в них разнородной, весьма субъективной, нередко противоречивой информации. Но вместе с тем названная мемуарная литература представляет несомненную ценность в раскрытии путей проявления конкретных черт народного менталитета в его взаимодействии с предлагаемыми политическими партиями историческими альтернативами, знакомит с целым рядом суждений и оценок по поставленным в диссертации вопросам. Характерно, что и лидер российских либералов кадет П.Н. Милюков, и глава Временного правительства эсер А.Ф. Керенский, и идеолог пролетарского мессианизма большевик Л.Д. Троцкий, несмотря на очевидную разницу исходных позиций, сходятся в констатации факта существования органичной связи ленинизма и крестьянского движения, близости большевизма исторически сложившимся формам мировоззрения и поведения крестьянства, в выявлении “крестьянской подоплеки” (Троцкий) во всех событиях и явлениях русской революции, в том, что разгадку русской революции следует искать в истории культуры русского народа (69). Схожие выводы содержатся и в

воспоминаниях и дневниках русских генералов, пытавшихся понять причины постигшей Россию катастрофы (в том числе, и роль “крестьянского вопроса” в армии и революции (70); и в литературных рефлексиях по поводу судеб народа в революции русских писателей – современников описываемых событий (71).

8. В особую группу опубликованных источников можно выделить местную и центральную периодическую печать за 1917 год, прежде всего газеты различной партийной и общественно-политической ориентации, активное использование которых представляет первостепенную важность для данного исследования. Причем, если в советский период исследователи исходили, как правило, из утверждения В.И. Ленина, что “буржуазная пресса является оружием безнаказанной лжи и клеветы, обмана народа, введение в заблуждение крестьянства, подготовки контрреволюции” и “только большевистская печать дает единственный, превосходный, незаменимый, допускающий проверку всяким и каждым материал” (72), то в настоящем исследовании широко использована достаточно репрезентативная совокупность периодических изданий, отражающая весь основной спектр политической жизни того времени. Изученный комплекс СМИ дал возможность ясно представить роль крестьянства в общероссийской политической жизни семнадцатого года и описать в этом ракурсе специфику поволжского региона, воссоздав динамику процессов в деревне и за ее пределами и картину “политизированности” крестьянства и отношения его к партиям.

В этой связи следует отметить, что в местных большевистских газетах (такие, как самарская “Приволжская Правда” или саратовский “Социал-демократ”) содержится очень немного материала, касающегося непосредственной работы РСДРП(б) на селе. Но, тем не менее, в них приводится достаточно данных, позволяющих составить определенное представление о целях и средствах деятельности большевиков по усилению их влияния на поволжские массы, а также о практических формах и методах их борьбы с кадетами, меньшевиками, эсерами,

что является немаловажным для более полного раскрытия темы.

Со страниц органов печати поволжских кадетов (например, “Саратовского листка” или самарского “Волжского дня”) можно познакомиться со взглядами местных либералов на характер и движущие силы “смуты” 1917 г., ход крестьянского движения и определяющие его факторы (в том числе и, в первую очередь, вытекающие из уровня культуры масс), на тактику большевизма по интересующим нас вопросам. Многочисленные аналитико-обзорные и полемические статьи, корреспонденции и репортажи с мест включают в себя ценнейшие для данной работы зарисовки с натуры социокультурного облика поволжского крестьянства и места его в русской революции.

Любопытные сведения по социокультурному сопоставлению ленинцев и крестьян можно почерпнуть и из меньшевистских изданий. Так, например, целый ряд важных для нас наблюдений можно обнаружить в саратовском “Пролетарии Поволжья”, несмотря на то, что в целом РСДРП(м), по известным причинам, уделяла крестьянству явно недостаточное внимание.

Ценнейший материал по всем обозначенным вопросам содержится в эсеровской периодике. Самарская и саратовская “Земля и Воля”, “Симбирская Народная Газета” центральное место неизменно отводят “крестьянскому вопросу” и связанным с ним аспектам общественно-политической жизни губерний.

Определенную информацию по теме можно получить и из местных “неполитических” церковных изданий. Так, “Симбирские Церковные Ведомости” 1917 г. выражают озабоченность представителей Русской Православной Церкви положением, сложившимся в деревне, и уровнем культуры ее жителей, неспособных к сознательному участию в политической жизни Родины и являвшихся легкой добычей для безответственных политических партий.

Таким образом, нельзя не признать, что пресса Февраля-Октября 1917 года является практически незаменимым источником по теме, позволяя как взглянуть

на изучаемые проблемы “изнутри”, глазами представителей самых разных политических сил, так и (при условии систематического ее изучения) охарактеризовать поведение партий “со стороны”, с точки зрения его согласованности с настроениями крестьянства.

В целом же, следует отметить, что, несмотря на обширность и представительность опубликованных источников, гораздо большее значение для данного диссертационного исследования имело ознакомление с **неопубликованными** источниками официального и неофициального происхождения, сохранившимися до нашего времени в областных и центральных архивах.

В ходе этого исследования были использованы документы, хранящиеся в Государственном Архиве Российской Федерации /ГАРФ/, Российском Государственном Архиве социально-политической истории /РГА СПИ/, в Государственном архиве Самарской области /ГАСО/, Государственном архиве Ульяновской области /ГАУО/, Центре документации новейшей истории Ульяновской области /ЦДНИ УО/.

Из материалов ГАРФ особо отметим ценность таких информационно емких фондов, как Ф. 1796 (Главный Земельный Комитет Министерства земледелия Временного правительства), Ф.1788 (Министерство внутренних дел Временного правительства), Ф.1791 (Главное Управление по делам милиции МВД), в которых содержится объемный материал о крестьянском движении в рассматриваемый период, в том числе и по Симбирской, Самарской и Саратовской губерниям, даются представляющие значительный интерес для изучения поставленной проблемы аутентичные оценки сложившейся в указанный период ситуации в этом вопросе и аналитические обзоры, составленные на основе сообщений с мест, которые позволяют судить об уровне крестьянского правосознания и характере его связи с деятельностью политических партий. Сводные обзоры Главного

управления по делам милиции, специально посвященные обобщенной характеристике крестьянского движения и сопоставлению его с агитацией партийных организаций по губерниям, подготовленные тематические выборки газетных вырезок с публикациями по интересующей нас проблематике, комментарии и мнения по теме специалистов-профессионалов и государственных функционеров разного уровня, “осевшие” в этих фондах, предоставляют исследователю возможность достаточно полно осознать масштабы и значимость поставленной проблемы для реконструирования социокультурной истории революции 1917 года.

В фондах РГА СПИ исключительный интерес в рамках данного исследования вызывает Ф. 274 (Центральный комитет партии социалистов-революционеров), где, в частности, сохранились данные, дающие яркую картину мнений главных соперников ленинской партии в сельской местности, уже тогда пытавшихся подвергнуть теоретическому анализу вопрос о социокультурном “родстве” ментальных установок крестьянских масс и лозунгов большевизма. Так, сохранилась рукопись члена ЦК эсеровской партии Г.А. Ландау “Противоречия революционной демократии (очерки смутного времени)” (73), которую можно считать серьезным вкладом в критическое осмысление коллективного исторического опыта России XX века и в разработку поставленной в данной диссертации проблемы.

Из фондов ГАУО в наибольшей степени были использованы Ф. 677 (Симбирский губернский комиссар Временного правительства), Ф. 947 (Симбирский Губернский Земельный Комитет), в которых собраны значительные данные о так называемых “аграрных беспорядках”, происходивших в Симбирской губернии в 1917 г., в том числе отчеты о своих поездках по деревням представителей различных общественных и политических структур, материалы о деятельности местных крестьянских организаций, жалобы и заявления

землевладельцев и прочие документы, по которым можно реально судить о социальном поведении крестьян-общинников и его подлинных мотивах.

Богатейший материал отложился в фондах ГАСО (Ф. 820 - Самарский Уездный Исполнительный Комитет Народной Власти, Ф. 768 - Самарский Уездный Земельный Комитет - и др.), сохранивших часть переписки по вопросам, так или иначе связанным с “крестьянским движением” и “крестьянским вопросом”, протоколы заседаний различных губернских, уездных, волостных организаций, приговоры сельских сходов и крестьянские наказания, содержащие в себе деревенские требования по различным вопросам и позволяющие обоснованно судить о политико-правовой культуре местного крестьянства, отношении его к партиям, пытавшимся оказывать на него влияние, и о действительном характере “аграрной анархии” в Поволжье. Нельзя не отметить особо, в частности, Ф. 823 ГАСО, где содержится целый комплекс уникальных материалов по теме исследования (например, доклады членов уездных исполнительных комитетов Советов, командированных для борьбы с расхищением частновладельческих имений), по которым можно сделать ряд важных выводов о причинах процессов, происходивших в деревне, и особенностях восприятия крестьянами деятельности тех или иных организаций как со слов самих крестьян, так и в изложении тех, кто пытался ими “руководить” и “озвучивать” их “политическую волю”; а также ФП. 3500 и ФП. 651 ГАСО, где местным истпартом накоплен огромный фактический материал по вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к нашей теме. Сохранились даже рукописи и рабочие материалы местных историков, в которых сказано гораздо больше, чем позволено было официально опубликовать (например, рукопись статьи заведующего истпартотделом Самарского губкома ВКП (б) В.В. Троцкого “Самарские рабочие и крестьяне в борьбе за Советскую власть”) (74). Вообще говоря, сведения, собранные в свое время истпартом (Например, ФП. 3500, ФП. 651 ГАСО, Ф. 57 ЦДНИ УО, Ф.70. РГА СПИ),

представляют большое значение для изучения социокультурного аспекта русской революции и содержат немало полезной информации о “революционных действиях” крестьян и “большевистских практиках” на местах, способной послужить фактической базой для теоретических соображений по раскрытию основных форм и методов борьбы ленинцев за влияние на крестьянские, крестьянско-солдатские и крестьянско-рабочие массы в Поволжье и в целом по России.

В частности, сохранилось множество различных воспоминаний непосредственных свидетелей и участников исследуемых событий, которые представляют собой исключительную ценность как исторический источник для изучения рассматриваемого аспекта революции, поскольку позволяют “из первых рук” получить рельефное представление о социально-психологическом “климате” исследуемого периода и его персонажах. Именно из них почерпнута значительная часть конкретно-исторического материала, положенного в основу диссертации.

Таким образом, на базе серьезного детального изучения многоуровневого комплекса архивных и опубликованных источников автор настоящей диссертационной работы предложил свое видение изучаемой темы и вариант решения крупной исследовательской проблемы. В ходе данной работы осуществлялось не только введение в оборот новых источников, но и “новое” концептуальное “прочтение” материалов, уже использованных историками.

Научная новизна и теоретическая значимость диссертации обусловлены как выбором ее темы, ранее никогда не являвшейся предметом особого исследования, так и ее специфическими результатами, воссоздающими некоторые недостающие фрагменты многоцветной целостной картины русской революции.

Через конкретно-историческое исследование автор выходит на уровень теоретических обобщений с учетом достижений современной исторической науки, впервые рассматривая социокультурные взаимосвязи партии большевиков и

крестьян-общинников в качестве специфической доминанты регионального политического процесса, что позволило сконструировать и обосновать новую теоретическую модель, способную преодолеть как идеологические догматы советского прошлого, так и публицистический негативизм “перестроечных” подходов и приблизиться к раскрытию реальных, до сих пор неизученных исторических закономерностей, проявившихся в “смуте” 1917 года.

В работе по-новому представлено содержание документов, уже являвшихся предметом исторического анализа и введен в оборот ряд новых источников, характеризующих социокультурный аспект революционных событий в поволжском регионе.

Результаты данного исследования, выполненного на полидисциплинарной основе, представляют авторский вариант решения одной из важнейших проблем отечественной истории. По мнению автора, работа является существенным вкладом в раскрытие взаимовлияния социокультурных особенностей народных масс и политических партий в российском политическом процессе и дает возможность с большей достоверностью говорить о его настоящем и будущем.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования ее результатов в ходе дальнейшего продолжения исследования социокультурного содержания революции, имеющего как научно-познавательные, так и практические перспективы.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке научных трудов, справочных и учебных изданий; чтении лекционных и специальных курсов по отечественной истории.

Опыт исторического изучения деятельности партий по привлечению на свою сторону масс может быть полезен при разработке конкретных мер по оздоровлению современной политической ситуации.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и общей логикой исследования. Первая глава посвящена анализу роли крестьянского вопроса в политической жизни Поволжья в указанный период, что носит характер объемной конкретизации проблем, рассматриваемых далее, и раскрытию целей и средств использования партией Ленина данного вопроса в своих тактических целях. Соответственно, первая глава состоит из двух параграфов. Во второй главе рассматриваются в качестве причин, обусловивших успех большевизма в крестьянских массах, уровень их политической и правовой культуры (первый параграф) и особенности крестьянского отношения к различным политическим партиям (второй параграф). Третья глава посвящена характеристике динамики взаимосвязи крестьянского движения и прихода к власти партии большевиков от Февраля к Октябрю 1917 года, и также разделена на два параграфа, первый из которых охватывает период весны - лета 1917 года, а второй - осень, ставшую временем победы ленинцев в их борьбе за массы и власть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 - См.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.): Материалы международной научной конференции. М., 1996. С.5.
- 2 - Лавров В.М. "Крестьянский парламент" в России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918 годах). М., 1996. С.10.
- 3 - Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С.373.
- 4 - См.: Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века. Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Казань, 1995. С.8.
- 5 - Миллер В.И. Революция в России. 1917-1918 гг. Проблемы изучения. Дис. в форме науч. докл. по совокупн. опубл. тр. М., 1995. С.71.
- 6 - Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социокультурный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек. Социально-психологический аспект. Материалы всероссийской науч. конф., 28-30 ноября 1994 г. М., 1996. С.167.

- 7 - См.: Тихонова Н.Е. Зависимость взглядов и поведения от ценностных ориентаций // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Международный симпозиум 17-19 декабря 1993 г. М., 1994. С.141.
- 8 - Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 313.
- 9 - Булдаков В.П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций // Историческая наука в меняющемся мире. Ч.2. Казань, 1994. С. 5; Он же. Октябрьская революция как социокультурный феномен // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 156; Он же. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии “человека с ружьем” // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.217; Он же. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) //Революция и человек ... С.5.
- 10 - См.: Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации 1917 - первой половины 1918 гг. в Советской исторической литературе. Историографический сборник. Саратов, 1973. С.125-136; Он же. Общественные исполнительные комитеты 1917 года в исторической литературе // История СССР. 1990. №3. С.104-115; Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1981; Он же Советская историография Великого Октября (1917 - сер. 30-х гг.): очерки. М., 1981; Ионенко И.М., Шестаков В.А. Октябрь в Поволжье. Историографический обзор новых исследований //Поволжский край. Вып.III Саратов, 1973; Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье. Куйбышев, 1984; Кабытова Н.Н., Шестаков В.А. Революционная борьба крестьянства Поволжья в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции (обзор литературы, вышедшей в 50-70-е годы) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975. С.74-79; Кострикин В.И. Крестьянское движение накануне Октября в советской историографии // Вопросы истории. 1977. №11. С.47-63; Партия и Великий Октябрь. Историографический очерк. М., 1976; Осипова Т.В. Союз рабочих и беднейших крестьян в Октябрьской революции (Некоторые итоги и задачи изучения проблемы) // История СССР, 1977. №4. С.37-49; Проблемы историографии Великой Октябрьской социалистической революции. Самара, 1991; Седов А.В. Крестьянские комитеты 1917 г. в советской историографии // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982. С.106-119; Семьянинов В.П. Дооктябрьские волостные Советы 1917 г. в историографических исследованиях //

- Крестьянское движение... С.119-128; Семьянинов В.П. Советы крестьянских депутатов в 1917 - первой половины 1918 гг. в исторических исследованиях // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1986. С.23-41; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981; Старцев В.И. История Октября в новейшей литературе // Коммунист. 1988. №15. С.117-121; Точеный Д.С. Литература об Октябрьской революции в Среднем Поволжье в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // История партийных организаций Поволжья. Вып.2. Саратов, 1973; Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1979; Щагин Э.М. Аграрно-крестьянские проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции в современной советской историографии // Проблемы историографии и источниковедения истории трех российских революций. М., 1987. С. 85-100; и др.
- 11 - См., напр.: Воблый К. Земельный вопрос в программах различных партий. Трудовики (народные социалисты). Социалисты-революционеры. Социал-демократы. Партия Народной Свободы. Союз частных земельных собственников. Киев, 1917; Дербер П.Я. Обзор земельных программ различных партий. Б.м. Б.г.; Иванов Н. Русские партии и аграрный вопрос. Пг., 1917; Изгоев А.С. Социалисты и крестьяне. Пг., 1917; Он же. Социалисты во второй русской революции. Пг, 1917; Иосифов А. С кем идти? (о партиях буржуазных и социалистических) Пг, 1917; Канчер Е.С. Аграрный вопрос и политические партии в России. Ч.1. Пг, 1917; Маслов П. Политические партии и земельный вопрос. Симбирск, 1917; Маслов С.Л. Социализм и крестьянство. Пг, 1917; Рожков Н. Аграрный вопрос в России и его решение в программах различных партий. М., 1917; Розенберг В. Крестьянский вопрос в наши дни / Накануне революции и на другой день после нее / Пг. - М., 1917; Трудовое крестьянство и его задачи: сб. ст./ Чернов В.М., Быховский Н.Я., Дедусенко А.Ф./ Пг. - М., 1918.
- 12 - См.: Щагин Э.М. Указ. соч. С.85.
- 13 - См.: Верменичев И. Аграрное движение в 1917 г. // На аграрном фронте.1926. №2; Дубровский С.М. Крестьянство в 1917 г. М., 1927; Книпович Б.Н. Очерки деятельности Народного комитета земледелия за три года (1917-1920). М., 1920; Крестьянство в войне и революции. Статистическо-экономические очерки А.Хрящевой. М., 1921. Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926; Шестаков А.В. Октябрь в деревне. М., 1925; Он же. Крестьянство в Октябрьской революции. Харьков, 1925; Яковлев Я.А. Крестьянская война 1917 г. // Аграрная революция. Т.2.

- М., 1928; Он же. Предисловие к сборнику документов “Крестьянское движение в 1917 г.” - М.-Л., 1927. и др.;
- 14 - См., напр.: Шестаков А.В. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов. // Пролетарская революция, 1927. №5; Он же. Крестьянские организации в 1917 г. // Аграрная революция... и др.; Он же. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М.-Л., 1927.
- 15- Шестаков А. Большевики и крестьянство... С.8.
- 16 - Крицман Л. Пролетарская революция в деревне. М.-Л., 1929
- 17 - См., напр., Антонов-Саратовский В.П. Саратов с февраля по октябрь 1917г.// Пролетарская революция. 1924, №4; Он же. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. Т.1. М.-Л., 1925; Васильев М. Октябрьская революция в Саратове// Пять лет пролетарской борьбы 1917-1922. Саратов, 1922; Троцкий В.В. Самарская организация ВКП(б) в годы войны и Октябрьской революции. Ч.1. Самара, 1927; Он же. Революционное движение в Средне-Волжском крае. Самара, 1930; Он же. Великая Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Самара, 1932.
- 18- Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы... С.125.
- 19- Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Хроника революционных событий. Т.1. Самара, 1927.
- 20 - Климушкин П.Д. История аграрного движения в Самарской губернии //Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Отд. II. Самара, 1918.
- 21 - ГАСО. ФП.3500. Оп.1. Д.25. Л.42.
- 22 - Там же. Д.27. Лл.40, 51-57.
- 23 - История ВКП(б). Кратк. курс. М., 1950. С.343.
- 24 - Арсентьев А. Крестьянские организации перед Октябрем 1917 г. // Борьба классов. 1936. №11; Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. М., 1933; Зайцев В.Ф. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения Советской власти. М., 1953; Ремезова Т. Советы крестьянских депутатов в 1917 г. // Историч. записки. Т.32. М., 1950.
- 25- Арсентьев А. Указ. соч. С. 54.
- 26- Там же. С.44.
- 27 - См., напр.: Афанасьев Н. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов, 1947; Ягодкин В. Октябрь на родине Ленина. М.-Самара, 1932.
- 28 – Полещук А.Ф. Самарские большевики в борьбе за Советскую власть. М., 1947. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук; Фадеев С.И. Установление Советской власти в Самарской губернии. Дисс... канд. истор. наук. М., 1947; Гнутов М.А. Борьба большевиков за установление и

- упрочение Советской власти в Симбирской губернии (апрель 1917 г. – июнь 1918 г.). Дисс... к. и. н. М., 1951.
- 29 - См., напр., Фадеев С. Указ. соч. С. 27.
- 30 - Стороженко Г.В. Борьба партии большевиков за крестьянство в 1917 г. (февраль - октябрь 1917 г.). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1947; см. также, напр., Парусова П.И. Борьба большевистской партии за крестьянство в период двоевластия (март-июнь 1917 г.). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Л., 1955.
- 31 - Крупнов С.А. Борьба большевиков Симбирской губернии за крестьянство в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1950.
- 32 - Там же. С. 23.
- 33 - Демидов В.А. Борьба большевиков за беднейшее крестьянство в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1959; Кострикин В.И. Борьба большевиков за трудящееся крестьянство центрально-черноземных губерний в период подготовки Октябрьской революции. М., 1959; Кравчук Н.А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март-октябрь 1917 гг.); Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 г., март-октябрь. М., 1981; Моисеева О.Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 г. М., 1967; Седов А.В. Движение крестьян России за массовую организацию низовых земельных комитетов в 1917 г. Горький, 1975; Он же. Роль крестьянских комитетов в аграрном движении 1917 г. Горький, 1977; Соболев П.Н. Беднейшее крестьянство - союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958; Утенков А.Я. Работа большевиков среди трудящегося крестьянства накануне Октября. М., 1958.
- 34 - Смирнов А.С. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки к Октябрьской революции. М., 1957; Он же. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976; Он же. Крестьянские съезды в 1917 г. М., 1979; Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966.
- 35 - Минц И.И. История Великого Октября. В 3 т. М., 1967 - 1969.
- 36 - Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году: из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1977; Комин В.В. Банкротство буржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; Рубан Н.В. Октябрьская революция

- и крах меньшевизма (март 1917- 1918 гг.). М., 1968; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. 1920 г.). М., 1977; и др.
- 37 - Напр.: Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. Л.,1977; Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос, провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981.
- 38 - См., напр.: Левятова Х.Л. Борьба большевистской партии за разрешение аграрного вопроса в период от февраля к октябрю 1917г. //Ученые записки УГПИ, Т.1. Ульяновск, 1957.
- 39 - Овруцкая С.Ш. Провал попыток сдержать крестьянское движение осенью 1917 г. (по материалам саратовской губернии) // Поволжский край, 1975. №3; Точеный Д.С. Банкротство политики эсеров Поволжья в аграрном вопросе (март-октябрь 1917 г.) // История СССР, 1969. №4; Он же. Борьба политических партий в России по аграрному вопросу накануне Октября (на материалах Поволжья). Куйбышев, 1981; и др.
- 40 - См.: Борьба за власть Советов в Симбирской губернии /февраль 1917-июнь 1918 /. Сб. восп. Ульяновск, 1957; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии / март 1917 - июнь 1918 /. Сб. док. Ульяновск, 1957; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1957; За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. Саратов, 1967; Хроника революционных событий в саратовском Поволжье 1917 - 1918гг. Саратов, 1968; и др.
- 41 - Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1960; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ч.1. Ульяновск, 1964; Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч.1. Саратов, 1968.
- 42 - См.: Очерки истории Куйбышевской... С. 196, 201, 203; Очерки истории Ульяновской... С.236, 239, 250, 251.
- 43 - Октябрь в Поволжье. Саратов. 1967.
- 44 - См., напр.: Медведев Е.И. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970; Семьянинов В.П. Установление Советской власти в средневожской деревне. Саратов, 1976; Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов, 1977; Точеный Д.С. Эволюция политических настроений и общественного сознания крестьянства Среднего Поволжья (1917 - 1918 гг.) // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII - начало XX вв), Саранск, 1970; Суслов Ю.П. Ленинская аграрная программа в борьбе большевиков Поволжья за ее осуществление. Март 1917 - март 1918 гг. Саратов, 1972; Кабытова Н.Н.

- Классовая борьба в поволжской деревне в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев, 1984; и др.
- 45 - Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958. С. 209, 196.
- 46 - Он же. Крестьянство Среднего Поволжья... С. 17.
- 47- Булдаков В.П. Октябрьская революция как социокультурный феномен... С. 156.
- 48 - Литвак Б.Г. О периодизации крестьянского движения в России // Вопросы истории, 1986, №3.
- 49 - Буховец О.Г. Указ. соч. С.38-39.
- 50 - См., напр.: История советского крестьянства. М., 1986; Исторический опыт трех российских революций. М., 1986; Великий Октябрь и защита его завоеваний. М., 1987; Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия (3-е издание), М., 1987.
- 51 - См., напр.: Смирнов А.С. Большевики и крестьянские восстания в сентябрь-октябре 1917 года // Вопросы истории КПСС, 1981, №3. С.56-67; Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Истор. зап. М., 1984. Т.12. С.87-112; Курсков Н.А. Роль земельных комитетов в крестьянском движении в 1917 г. на материалах Самарской губернии // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX - начале XX вв. Куйбышев, 1986. С.163-169.
- 52 - См., напр.: Октябрь 1917 года: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991; Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М., 1992; Октябрьская революция: ожидание и результаты // Отечественная история. 1993, №4; Анатомия революции: 1917 год в России: классы, партии, власть. СПб, 1994; 1917 год в судьбах России и мира..; Революция и человек ...; Россия в XX в.: Историки мира спорят ... .
- 53 - См., напр.: Пайпс Р. Русская революция. В 2-х т. М., 1994; Скотт Д. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение: Теория История. Современность. М., 1996. С.26-59; Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг. //Анатомия революции... С.230-237; Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917-1918 гг. Иерусалим, 1982; Рейли Д.Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов, 1994.
- 54 - См., напр.: Волобуев П.В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты) // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник?... С.9-29; Булдаков В.П. Путь к Октябрю // Октябрь 1917 г.: величайшее событие века или социальная катастрофа ... С.19-49; Он же.

- На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С.8-48; Он же. - См. сноски 3, 9.
- 55 - Кочешков Г.Н. Российские землевладельцы и их общественно-политические организации в 1917 году. Дис. на соиск. учен. степ. доктора истор. наук. Ярославль, 1995. С.341-342.
- 56 - См., напр.: Кабытов П.С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX в. Куйбышев, 1988; Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.
- 57 - См., напр.: Кабытова Н.Н. От Февраля к Октябрю // Земля Самарская (очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев, 1990. С.224-299.
- 58 - См., напр.: Герасименко Г.А. Народ и власть, 1917. М., 1995; Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в. // Вопросы истории. 1993. №2. С.34-47; Он же. Влияние войн и революций на крестьянство. // Революция и человек... С.142-147; Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика. // 1917 год в судьбах России и мира... С.168-181; Буховец О.Г. Указ. соч.; Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире... С.154-157; Люкшин Д.И. 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек... С.115-142; Леонтьева Т.Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX в. // на материалах Тверской губернии. // Там же. С.92-115; Бокарев Ю.П. "Умом Россию не понять: поведение крестьян в революционную эпоху. // Там же. С.80-91; Асташов А.Б. Крестьянский менталитет и проблемы национальной самоидентификации России в годы первой мировой войны // Россия в XX веке: Проблемы изучения и преподавания. М., 1999. С. 52 – 54; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.); Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905 – 1917 гг.). М., 2000; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. 2. СПб., 1999.
- 59 - Миллер В.И. Указ. соч.; Рашидов Ф.А. Революция 1917 года: партии и политический выбор России. Дис. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Саратов, 1994.
- 60 - Сельцер Д.Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного центра России, март 1917-март 1918 гг. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук,

- Тамбов, 1990; Шардыко И.В. Политические партии в борьбе за реализацию аграрного вопроса / на материалах Беларуси, 1917 - февраль 1918 гг. / Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор.наук. Минск, 1993; Состин Д.И. Влияние политических партий на крестьянство Дона, Кубани, Ставрополя между революциями 1917 г. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Ставрополь, 1995; Барынкин В.П. Крестьянство западных губерний центра России накануне Октябрьской революции (по материалам Калужской, Орловской, Смоленской губерний). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Брянск, 1997.
- 61 - Суслов Ю.П. Политические партии и крестьянство Поволжья, 1917-1920 гг. Дис. на соиск. учен. степ. доктора истор. наук. Саратов, 1994.
- 62 - Рамазанов А.Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху: (на материалах Самарско-Симбирского Поволжья). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995.
- 63 - Ямщиков С.В. Армейские массы в 1917 г. / на материалах Тверской губернии/. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Тверь, 1995; Чертищев А.В. Деятельность социалистических партий по формированию и развитию массового политического сознания в действующей армии России в годы первой мировой войны, июль 1914 - октябрь 1917 гг. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1996.
- 64 - Люкшин Д.И. Указ. соч.; Еферица Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии в период с 60-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Саранск, 1995.
- 65 - Кабытов П.С. Великий Октябрь: некоторые проблемы историографии // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара, 1991. С. 7.
- 66 - Сальникова А.А. О социальной психологии крестьянства в 1917 г. Историографические и источниковедческие аспекты // Там же. С. 41-48.
- 67 - См.: А. Дорогойченко. Крестьянство и учредилщина // Красная быль. Книга 3. Самара, 1923 (октябрь) С. 39-40.
- 68 - Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3 т. М., 1992; Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж, 1927; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993; Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990; Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992; Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания политиков и комментарии западного историка. М., 1991; и др.
- 69 - См.: Милюков П.Н. История второй русской революции // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С.272-273; Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 157; Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 211, 250-251.

- 70 - Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992; Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника) // Военно-исторический журнал. М., 1993. № 10; Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. М., 1991. № 6; и др.
- 71 - См., напр.; Короленко В.Г. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991; Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990.
- 72 - Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 227.
- 73 - См.: РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39.
- 74 - См.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 202.

Глава 1. Крестьянский вопрос в Поволжье и деятельность большевиков в 1917 году

1.1. Крестьянский вопрос как фактор русской революции и его роль в политической жизни Поволжья

Исследование действительного хода революции 1917 года, ее движущих сил и глубинных причин, невозможно вне рассмотрения так называемого “крестьянского вопроса”, роль которого в политическом процессе как всей крестьянской России в целом, так и аграрного Поволжья тем более, трудно переоценить.

По верному наблюдению современных исследователей данной проблемы, именно “крестьянский вопрос был определяющим для всех сфер жизни России” (1), да и вообще “все, что происходило в революции 1917 г., в конечном счете зависело от позиции крестьянства” (2).

Одним из важнейших элементов запутанной “корневой системы” (3) крестьянского вопроса, аккумулировавшего в себе все основные взрывоопасные противоречия политической, экономической и социокультурной жизни России, являлся вопрос аграрный. Именно вопрос о земле, наряду с вопросом о мире, стал роковым для рожденной Февралем новой политической системы, претендующей на звание “самой демократической в мире”. А, как верно отметила самарская эсерка А. Абрамова, “народовластие немислимо без того, чтобы не была удовлетворена насущная потребность народа, его земельные требования” (4).

Сразу же после вести о свержении царя “крестьянство стало поговаривать о земле: чай, теперь земля - то барская наша станет, бесплатно ее будем пахать,

говорили многие”, - вспоминает крестьянин Симбирской губернии А.В.Зуморин (5).

В обзоре Главного управления по делам милиции МВД Временного правительства был сделан вывод: “Земельная реформа - та “мечта земледельческого населения”, о которой упомянуло правительство, несомненно заняла умы крестьянства с первых дней государственного переворота” (6), а представлявший Самарскую губернию в Главном Земельном Комитете П.Маслов констатировал: “Когда трудовое крестьянство почувствовало себя свободным, то оно сейчас же немедленно без всякой посторонней агитации устремило свой взгляд на то, о чем оно мечтало и думало сотни лет, а именно - на землю” (7).

Сложившееся положение образно выразил в марте 1917 г. один из эсеровских руководителей П.Я.Дербер: “Ведь один крик слышится у нас, один клич раздается по всей земле Русской - “Земли! Земли” (8).

Настроение всей аграрной России, отношение подавляющего большинства населения к новой власти, а, значит, и сама ее судьба, были напрямую связаны с разрешением вопроса о земле. Это особенно проявилось в Поволжье, ставшем, по выражению В.И. Ленина, “одним из крупных центров крестьянского движения” (9).

“Озабочена наша деревня. Все думают о земле, все ждут, что исполнится, наконец, давняя мечта” (10), - подобными сообщениями переполнена поволжская пресса 1917 г.

Земельный вопрос вышел в центр общественной жизни Поволжья, сказался на деятельности всех государственных структур и социальных институтов. Так, например, в циркуляре Самарского отделения Крестьянского поземельного банка от 11 апреля 1917 г., подчеркивается, что “задачи, стоящие в этом отношении перед местными агентами Банка, тем более сложны, что деятельность этого учреждения, связанная с землею, тесно касается области, болезненно затрагивающей умы сельского населения, и потому каждый неверный шаг в этой области или даже неправильное истолкование той или иной меры грозит

крупными осложнениями и самыми нежелательными последствиями” (11).

“Земля” стала ключевым словом политики, вопрос о земле был главным вопросом практически всех митингов в Поволжье (12), а огромные крестьянские форумы общегубернских масштабов превращались, лишь только речь заходила о земле, в простые сельские сходы, “где все кричат и никто друг друга не понимает”, “когда разговор касался земли, лихорадка охватывала собрание... зал выходил из повиновения...” (13) “Земельный вопрос является одним из самых жизненных и важных”, - констатировал кадетский “Саратовский листок” (14).

Образную картину, типичную для того времени, рисует в своей “Истории аграрного движения в Самарской губернии” видный эсер П.Д. Климушкин: “Проснувшееся крестьянство, робко озираясь назад, стало внимательно присматриваться к новой обстановке и первый взгляд его упал на лежавшую перед ним земличку. Вечная мечта о кормилице земле, лелеянная им сотни лет во времена еще самодержавия, снова воскресла в уме крестьянина и зашевелила его мысли. Мечта о том, как бы получить теперь ее, как бы завладеть ею навеки, принимала с каждым днем все более реальные и настойчивые формы. Этот лакомый кусок, который так долго мучил его думы, теперь лежал у самых его ног, раздражал его воображение и звал к новым перспективам. Хранитель и верный сторож этого лакомого куска - помещик, этот грозный истукан, забронированный раньше огнем и сталью, наводивший на него ужас и трепет - теперь, раздавленный, сам лежит пред ним во прахе и ждет своего смертного приговора. Поддерживающая старый земельный порядок сила, являвшаяся сдерживающим аппаратом крестьянских стремлений - ... сама ждет его мощного голоса. Сила эта на его стороне ...” (15) И далее П.Д. Климушкин, не понаслышке знакомый с крестьянскими настроениями, подчеркивает их стремительное коренное изменение, которое можно считать качественной характеристикой всей динамики аграрно-политических событий от Февраля к

Октябрю 1917 г. Если сначала крестьянство выжидало, то вскоре “почувствовавшей свою силу и слабость врага деревне нужно было видеть проявление этой силы в каких-либо реальных и осязательных формах. Свобода для него была неразрывна с землей, старые уступки уже не удовлетворяли. Прежняя робость “высшего начальства”, так много места занимавшая в начале революции, стала теперь с каждым днем слабеть и падать и заменяться новым чувством - чувством уверенности в своей силе и в своих правах на эту землю. Каждый новый день, приносящий им все новые и новые победы, убеждал их, что “начальства”, как большого, так и малого, бояться, собственно, нечего, это начальство будет бессильно справиться с их мощью, оно и не посмеет выступить против нее...” Таким образом, “топтавшаяся на месте” власть в результате закономерно оказалась в конце концов “перед такой стихией, которая ломает на своем пути все, пытающееся задержать ее или остановить” (16).

Как отмечали деятели самых различных политических партий в ходе предвыборной борьбы за голоса крестьян, “теперь уже для всех должно быть ясно, что русская революция протекает преимущественно под флагом земельного вопроса. Что самым центральным вопросом, вопросом, вокруг которого, как вокруг оси, располагаются все другие, является вопрос о будущем земельного устройства” (17), ибо “земельный вопрос является той центральной точкой, около которой сосредоточено внимание не только партий, не только отдельных групп, но самое главное - широких народных масс, как сельскохозяйственного производительного класса, и как национальных единиц, составляющих Россию” (18).

Тем не менее, когда аграрный вопрос “перешел из мира отвлеченных идей и противостояния принципов в область конкретной организационно-хозяйственной работы” (19), молодые демократические власти, как в центре, так и на местах, недооценили нетерпение крестьянского “мира” в его стремлении быстрее покончить с частной собственностью на землю, проигнорировали его

бунтарские потенции и упустили время, когда маховик российской смуты еще не был запущен в свою истинную силу, когда крестьяне еще не начали “свою”, “общинную революцию” (20) и деревенские мужики, будучи не в силах разобраться в творившихся в городах “странных делах”, выжидали, что же будет дальше.

Как указывал весной 1917 г. в своем отчете о поездке по деревням Симбирской губернии член Военного гарнизонного Комитета прапорщик Иванов: “Относительно переживаемого момента, как закреплять завоеванную свободу, отношение к войне и другим событиям (крестьяне) имеют смутное представление, нуждаются в разъяснении, пояснении и теплом слове, действующем успокоительно. Видимо, уездные города забыли села и деревни и предоставили внутреннюю жизнь их естественному течению” (21). Это было роковой ошибкой власти. Как метко заметил член Главного Земельного Комитета А. Г. Хрущев: “Нельзя крестьянскую психологию в земельном вопросе оставлять в положении неустойчивого равновесия. Всякий лозунг, всякая идея, мысль, брошенная в этом направлении, невольно ими претворяется в дело, нередко при данных условиях и незаконное и самоуправное. Каждая деревня силится по своему разрешить земельный вопрос” (22). А его коллега М. Е. Березин на этом же заседании предупреждал: “Нельзя заставлять крестьян ждать до Учредительного собрания. Крестьянин недоверчив, для него Учредительное собрание - далекая вещь, а уже бывали случаи, когда его проводили” (23). К сожалению, речи государственных мужей и политических деятелей с призывами к скорейшему разрешению “самого большого вопроса современности” так и остались всего лишь речами, а ведь именно от завершенности революционных преобразований аграрного сектора были поставлены в зависимость провозглашенные после Февраля 1917 г. эволюционные принципы (24). Временное правительство, хотя и продекларировавшее в своем постановлении 19

марта, что “земельный вопрос составляет самую серьезную социально-экономическую задачу переживаемого ныне исторического момента” и является “первейшим из первейших” (25), на деле отказалось от революционного решения этой сложнейшей задачи до созыва Учредительного собрания, провозгласив, таким образом, необходимость конституционного законодательного пути, что в конкретно-исторических условиях 1917 г. вступало в явное противоречие с ожиданиями широких крестьянских и солдатско-крестьянских масс, и давало шанс на победу в политической борьбе тем силам, чьи призывы были гораздо более радикальны и тем самым находили соответствующий отклик в массовом сознании. Лига аграрных реформ, созданная при Временном правительстве для анализа аграрных отношений в стране и определения возможных путей разрешения конфликтов, в состав которой были привлечены лучшие специалисты по аграрному вопросу, пытающиеся создать “самый совершенный” закон для будущего “хозяина земли русской” Учредительного собрания, уже в апреле вынуждена была констатировать, что реформирование сельского хозяйства по общегосударственному плану безнадежно опоздало. Народная инициатива опережала законы (26). Власть, при отсутствии единства в правительстве, популизме его отдельных членов, подвергавшаяся беспощадной критике как справа, так и слева, при мощнейшем стихийном давлении снизу, в условиях продолжавшейся войны и нарастания общеструктурного кризиса российского социума в целом, не в состоянии была осуществить комплекс мер, которые обеспечили не декларированное, а реальное наделение крестьян землей, создание соответствующих правовых институтов, гарантированных реальной силой государственного аппарата, и тем самым успокоить российское крестьянство. П. Н. Милюков так охарактеризовал состояние коалиционного правительства в мае 1917г.: “... Социалисты, вошедшие в правительство, с самого начала были парализованы как своими партиями, так и развертывавшимися влево

настроениями масс. Обезоруживая своим присутствием в правительстве буржуазные элементы, они сами оставались небооруженными для борьбы с растущей крестьянской волной...”(27) По выражению П. Сорокина, “вирус дезинтеграции”, проникший во все структуры существовавшего политического режима, не способного к созидательной работе, приводит к быстрому его рассыпанию согласно “эффекту домино” (28). Именно аграрный вопрос обусловил трансформацию критической массы социального конфликта в социальный взрыв в период с марта по октябрь 1917 г., являясь главной “питательной средой” для возникновения конфликтов во всех остальных сферах (29).

Огромную роль в динамике всех политических событий 1917 г. сыграло и то обстоятельство, что в ведущей войну революционной России и без того “больной” вопрос о земле оказался теснейшим образом переплетенным с не менее острым вопросом о мире. Как отмечал Л. Д. Троцкий, “благодаря войне крестьянство оказалось организовано в виде многомиллионной армии”, и именно от ее веса “все непосредственно зависело” (30). Действительно, из 15 миллионов мобилизованных с 1914 по 1917 гг. более 12 миллионов были призваны из сельской местности (31). Русские крестьяне-солдаты не могли понять, зачем они вообще воюют, если враг не угрожает непосредственно их дому (32), что усугублялось соответствующей партийной пропагандой, в первую очередь со стороны большевиков, умело сыгравших на слабости солдатско-крестьянского “патриотизма”. Как вспоминал видный эсер Н. Я. Быховский, “война становилась с каждым днем все более ненавистной и тягостной для крестьянства, и в особенности для крестьянства фронта - для солдатской массы” (33). Чаяния солдат (“крестьян в серых шинелях”) отличались от стремлений собственно деревенских крестьян (“крестьян в зипунах”) лишь степенью своей агрессивности. “Земля” и “мир” - вот две затаенные мечты, прожигавшие, подобно каленому железу, все существо солдата – крестьянина”, - вспоминал

генерал Ю. Н. Данилов (34).

Типичную картину настроений в поволжских гарнизонах 1917 г., роль которых на местную политическую жизнь в то время трудно переоценить, воспроизводят воспоминания Д.В. Белецкого, бывшего солдата 2-й батареи 3-й запасной артиллерийской бригады, располагавшейся в Самарской губернии: “О солдатских настроениях той поры в нашей 2-й батарее следует упомянуть отдельно. Основное настроение было: Домой! Скорее домой! Войну кончать! Мир. Мир любой ценой. Но мир скорее! Но не за счет уступок немцам нашей земли, этого солдаты не желали. “Земельку, земельку делить надо ... Помещикам пора дать “в зад” и гнать их с земли” ... “Большевики правильно говорят - они за народ стоят”, “... Ленин – за трудовой народ, а мы все за них должны стоять”, “Долой офицеров и всех тыловых крыс и кадровиков с их дисциплиной, службой, войной, сами пусть воюют - если хотят войны, а с нас хватит” ... “Оружие берегите, оно еще нам пригодится, когда землю брать у богатеев будем”, “Временное правительство побыло да будя! гнать его надо! Уже постоянную власть Советов надо делать! Это своя наша власть будет!” “Учредительное собрание. Что это? Из кого оно будет? Для чего? Нашего брата трудового народа не будет там, а? а ежели не будет, то и добра нам нечего от него ждать!” “Советы. Это понятно! мы сами своего брата трудящихся выбираем, они за нас и стоять будут...” Вот основные мысли солдат, основной их массы, кроме явных врагов народных интересов. Но те свои мысли явно не высказывали - боялись! Эти же мысли солдатские являлись темой всех разговоров солдат...” (35). Таким образом, солдаты привносили свою нетерпимость в решение “крестьянского вопроса”. А.В. Шестаков называет их “главными революционерами деревни” (36).

Для крестьянского сознания вопрос о войне и вопрос о земле находились в одной связке, причем единственное, что крестьяне могли сопоставить с риском

собственной гибели на фронте, так это только землю (37). “Если у крестьян нет закона иметь землю, то почему же их призывают спасать отечество. Пусть господа помещики спасают...” - так предельно четко сформулировал позицию основной массы российского крестьянства один из крестьян - делегатов 2-го Самарского губернского крестьянского съезда, поставив перед его эсеровскими руководителями прямой мужицкий вопрос абсолютного большинства населения державы, уже три года являвшейся участницей кровопролитной мировой бойни (38).

Эти особенности крестьянского сознания пытался использовать и неприятель. Так, эсеровская “Симбирская народная газета” сообщает, что на фронте широко распространены прокламации примерно такого содержания: “Русские! У вас дома уже начали делить землю. Если не хотите остаться нищими, спешите домой. Бросайте винтовки и бегите, иначе не получите ни одной десятины” (39). С интересами германского генерального штаба объективно совпадали и планы ленинской партии по перерастанию войны внешней, мировой - на фронте, в войну внутреннюю, гражданскую - в тылу. Вопрос о мире, по словам генерала А. Верховского, был в то время “как лампа Алладина, кто ее взял, тому и служат духи, тому дается и власть в руки” (40). Противоречие позиции власти настроениям масс главным образом в вопросе войны и мира, по мнению А. Уайлдмана, стало главной причиной “сомнительной легитимности” новых порядков (41), и то, что Февральская революция “не дала главное: мир и землю” (42), создало идеальные условия для успеха большевистской пропаганды немедленного мира и немедленного захвата земли. Пока их политические соперники предлагали выходящей из берегов народной стихии обождать с миром “до победы”, а вопрос о земле решать “как только кончится война” (43), большевики “на гребне мощного крестьянского движения... сумели взять власть, декларируя всего лишь два лозунга, которых ждал народ: “о мире и о земле”, - подчеркивает В.В. Кабанов(44). Поволжские исследователи Л.С. Михайлова и

Л.И. Мерзляков в работе “Крестьянский вопрос в орбите политической борьбы...” приходят к выводу, что “когда в ходе анализа проблемы встает вопрос “Почему крестьянская революция состыковалась с пролетарской”, то следует иметь в виду тот факт, что именно последняя пообещала выход уставшей крестьянской России из войны” (45).

Но сложность решения “крестьянского вопроса” и его роль в политическом процессе далеко не исчерпывается сложностью и значимостью вопросов о земле и о мире. Фактически в руках крестьянства, всем ходом отечественной истории абсолютно не подготовленного к такому повороту событий, оказался вопрос о выборе дальнейшего пути всей России, о модели развития, о форме правления; и вся российская интеллигенция с опасением ожидала крестьянского приговора.

“Громадную часть населения России (около четырех пятых) составляет крестьянство, и при том крестьянство, не только не получившее хотя бы начального образования, а в массе - безграмотное, в особенности среди женщин. И вот эта серая, мало культурная масса, ни разу в жизни... не сталкивавшаяся с вопросом о монархии и республике, о том, что лучше иметь - царя или президента, в скором времени должна быть вершителем судеб России, должна будет *совершенно сознательно* решить, какую форму правления она желает в качестве *наиболее соответствующей современным историческим условиям развития России*. Тут есть над чем призадуматься и развести руками. Ссылаться на то, что 11 лет конституционного развития России сделали деревню уже не той, какова она была до 1905 года, значит, в сущности, отделяваться общей фразой, нужно просто и совершенно беспристрастно сказать себе: деревня для нас в настоящее время в значительной степени неизвестная величина по своему политическому настроению, и мы можем ожидать от нее самых неожиданных сюрпризов”, - так охарактеризовал “переживаемый момент” православный церковно-общественный журнал “Симбирские Церковные Ведомости” в апреле

1917 г. (46)

“Вопрос о том, что думает и делает деревня, является для многих полной загадкой”, - вторит симбирянам орган поволжских плехановцев “Саратовский Вестник” (47). А Симбирский комитет трудовой народно-социалистической партии обратился со следующим призывом “К народным учительницам и учителям!”:

“Решающее значение на предстоящих выборах будет принадлежать голосу русской деревни, голосу крестьянства. И от того, насколько разумно, сознательно и удачно изберет своих представителей трудовая деревня, будет зависеть свобода, благополучие и преуспевание Родины, будет зависеть благо и самого трудового народа. Между тем, вы, товарищи, лучше, чем кто-нибудь другой, знаете, как мало подготовлена наша деревня к сознательному выполнению своих гражданских обязанностей. Деревня плохо разбирается в том, что происходит в стране; она растерялась, она охвачена тревогой и подозрительностью; она боится, что ее обойдут, обманут, что она упустит свое среди общей перестройки русской жизни. И в этой своей тревоге и подозрительности смятенная деревня то настораживается враждебно и недоверчиво ко всему, что приходит к ней из вне, то готова броситься в бурные и слепые движения, которые несут в себе одно только разрушение и обрушиваются тяжкими ударами на то самое строительство новой жизни, нового права, заря которого занимается над русской землей и вне которого нет светлого будущего и для самой деревни ...” (48)

Действительно, роль крестьянства в политической жизни поволжских губерний была решающей, его голос определял расстановку всех остальных сил. “...Если все будут знать, что деревня как один человек стоит за порядок и на заводах, вернется дисциплина и к войскам. Подымите ваш голос, голос русской деревни, за прекращение всякого своеволия, где бы оно ни было, в чем бы оно не состояло. Проявите в этот трудный час величие русской души, покажите, что

еще не пропала честь народа русского!” - взывал к поволжскому крестьянству “Саратовский Листок” (49). К крестьянам по самым разным поводам пытались апеллировать самые различные силы. Так, например, “Самарское общество фабрикантов-заводчиков” обратилось к “Уездному съезду крестьянских делегатов от волостей Самарской области” по вопросу об обсуждении требований рабочих о введении 8-часового рабочего дня со следующей “нижайшей просьбой”: “...общество... имеет честь покорнейше просить съезд делегировать на это собрание несколько своих представителей, дабы иметь возможность выслушать голос крестьянского народа по данному вопросу...” (50)

Само собой разумеется, что крестьянство явилось объектом повышенного внимания со стороны политических партий, а крестьянский вопрос стал вопросом о власти. Как отмечает Ю. П. Суслов, “огромный сельскохозяйственный регион России – Поволжье - стал своеобразным полигоном состязательности для политических сил... за усиление влияния в толще многомиллионной масс крестьянства” (51). Кратко и четко сформулировал значение крестьянского вопроса в партийной борьбе один из эсеровских лидеров Н. Я. Быховский: “Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка” (52).

Крестьянский вопрос “встал во всем своем величии и приковал к себе всеобщее внимание, тотчас же, как только прошел угар первых революционных дней, и все партии... даже те, которые в годы реакции почти забыли о существовании земельного вопроса, и, во всяком случае, отказались от более или менее радикального его разрешения, все они принуждены были обратить на него должное внимание, извлечь из арсенала старые аграрные доспехи и усиленно заняться чисткой их и переделкой заново”, - писал эсер Н. Иванов (53).

Но, анализируя партийную деятельность по крестьянскому вопросу, необходимо помнить, что, как справедливо заметили поволжские ученые, “...политическое противостояние, борьба за авторитеты отодвинули на задний

план экономического смысла аграрных проектов. Более того, крестьянское недовольство можно было использовать в политических целях” (54). А, как это еще в марте 1917 г., отметила саратовская “Земля и Воля”: “Кто знает, что может сделать кучка провокаторов среди темной массы?..” (55) Уже в начале июня министр внутренних дел докладывал правительству, что оно должно было “ожидать, что деятельность партий, перед которыми открыто широкое поле борьбы за власть... обратится в некоторых случаях против Временного правительства...”, что партии “будучи безответственны, ...могут позволить себе искать популярности и действительно находят ее, но, к сожалению, не на почве воспитания населения в духе права и законности”, а путем противозаконного “проведения в жизнь партийных аграрных программ...” Предупреждая об опасности “агитации на аграрной почве”, министр делает следующий вывод: “Трудное дело, которое предстояло совершить умелой рукой в сознании исключительной его важности, делается мимоходом, не как требование разумной политики, но как удовлетворение разжигаемых страстей. В борьбе с аппетитами последние могут временно взять вверх, но великие задачи, принятые на себя Временным правительством, должны быть разрешены на почве принципов. Наступило время, когда правительство должно обратить внимание на происходящий захват его власти, грозящий затормозить его работу по созданию правового государства в свободной стране” (56).

Это, как и многие подобные предупреждения, не было надлежащим образом оценено властью. А ведь еще в 1907 г. известный ученый-аграрник и государственный деятель А. С. Ермолов в докладе “Слово о земле” так оценивал возможные последствия политической спекуляции на этом поистине судьбоносном для России вопросе: “За последние два-три года много наговорено, много книг написано по земельному, иначе называемому аграрному, - вопросу, много разных программ выставлено, якобы с целью благодетельствования

русского крестьянина, удовлетворения теми или иными способами, до самых крайних и насильственных включительно, его земельной нужды. К сожалению, однако, авторы многих из этих программ имели другую, скрытую цель - отуманить народное сознание, привлечь на свою сторону крестьянина разными обещаниями и посулами. Но до действительного блага народа им, обыкновенно, дела мало, да и не много заботит их вопрос о том, как свои обещания сдержать, как исполнить то, что, в сущности, неисполнимо, что сулит народу только новые бедствия, а нашей Родине - страшные потрясения, без малейшей надежды на лучшее для нее будущее” (57).

Эти слова оказались вещими. Практически все ведущие политические партии Поволжья в той или иной степени поучаствовали в раскачивании поначалу инертной массы крестьянской стихии, как это будет рассмотрено ниже, и, хотя на первых порах, безусловно, более всех преуспели в этом эсеры, но воспользоваться результатом сумели большевики, захват власти которыми стал лишь политическим оформлением социального взрыва, истоки которого кроются в крестьянском вопросе (58). Партийные лозунги падали в среду крестьянства, которое, по признанию крестьянина Самарской губернии Г. М. Соколова, выбранного председателем Самарского Губернского Совета крестьянских депутатов, было “заинтересовано лишь в захвате и разделе земли, а какие перспективы будущего? - это их мало интересовало” (59). Местные же партийные функционеры делали из этого практические выводы. “... Крестьянин далеко не безнадежен для социализма. Ему, к сожалению, труднее городского рабочего найти случай к приобретению знаний, но у него есть одно неоценимое преимущество: глубокое исконное убеждение, что земля должна быть “ничья, общая”. И это убеждение должно быть дорого каждому социалисту; оно составляет необходимую предпосылку усвоения крестьянином социалистических взглядов”, - писала в 1917 г. самарская эсерка А. Абрамова

(60), представитель партии, идеализировавшей российское крестьянство, в отличие от своих союзников – меньшевиков, настойчиво предупреждавших: “С огнем, каковым является народная малокультурная и неорганизованная масса, нельзя ни шутить, ни играть” (61), что нужно осторожнее обращаться с лозунгом уничтожения частной собственности среди крестьян (62). Крестьяне же “реагировали не на партии как таковые, а на выгодные им, или соответственно интерпретированные лозунги. Их социальная борьба развивалась в неполитическом измерении. Из этого рождалась главная драма власти”, - делает справедливый вывод В. П. Булдаков, подчеркивая, что неадекватные действия власти в сочетании с партийной пропагандой приводят к тому, что “скоро аграрный вопрос свелся к вопросу о том, когда, как, и кем будет осуществлено то, о чем мечтали поколения крестьян. И здесь уже начали действовать факторы психологического порядка, уловить которые ни доктринерской, ни бюрократической власти не было дано” (63).

Для актуализации “наиболее опасных для будущего вариантов социальной дестабилизации в деревне... при определенном уровне социально-политической энтропии... отнюдь не требовалось создание такого режима благоприятствования, как для движений организационно направляемых, с менее весомой ролью компоненты стихийности”, - отмечает О. Г. Буховец (64). Таким образом, поволжская деревня “начала собственную революцию”, развитие которой и определило весь ход дальнейших событий (65). Реализуя свои сокровенные мечты, крестьянские “миры” приступили к активным действиям традиционными методами, показав себя отнюдь не пассивным объектом политики, а могучей силой, на которую никто не мог вполне опереться (66).

Вопрос о политической функции крестьянства вообще крайне сложен. Оно воздействовало “на ход общественного развития всем укладом жизни деревни,

инерцией выработанных общинным бытом привычек, особенностей мужицкой психологии”, - отмечает Л. Г. Протасов (67). По мнению Л. Семенниковой, традиции общинности являлись основой политической культуры в 1917 г. (68) Причем, как подчеркивают исследователи, “различия политической культуры рабочих и крестьян – скорее не качественные, а количественные” (69), а по выражению Р. Пайпса, “промышленные рабочие в России представляли собой, за небольшим исключением, не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства”, а “единственное отличие между крестьянами в деревнях и их собратьями в городах состоит в том, что первые носят рубашку навыпуск, а вторые заправляют ее в брюки” (70.) Один из “вождей пролетариата”, Л. Д. Троцкий, будучи идеологом “пролетарского мессианизма”, тем не менее, прямо заявлял, что “под всем нашим развитием подоплека крестьянская...”, “крестьянская подоплека есть и под ленинизмом, поскольку она есть под русским пролетариатом и под всей нашей историей”, да и сам В.И. Ленин “есть головное выражение национальной стихии” и “законченное выражение” крестьянской подоплеку, преломившейся через “динамическую силу нашей... истории” (71).

Крестьянское воздействие на политическую жизнь поволжских губерний проявлялось во всех значительных событиях в городах региона, сказывалось на действиях власти. “Во многих случаях жизненные требования заставляют встать на сторону крестьян ...”, - констатировал симбирский губернский комиссар Ф.А. Головинский (72).

Более того, можно сделать вывод, что в период между Февралем и Октябрем 1917 г. поволжские крестьяне фактически захватили власть на местах. “Теперь мы сами себе хозяева, теперь мы сами себе начальники” - говорили крестьяне Саратовской губернии (по сообщению “Саратовского Вестника”) (73).

Консервативное “Новое время” отмечало, что в Симбирской губернии крестьяне открыто заявляют: “Ноне власть наша! Учредительного собрания более ждать не будем, потому что теперь править будем сами” (74)/ А про крестьянство Самарской губернии П. Д. Климушкин указал, что “как преобладающий класс <оно> стремилось само к господству в губернии. Поняв могущественное влияние власти на все стороны общественной жизни и зависимость всех наболевших вопросов от того, в чьих руках будет эта власть, этот мощный аппарат, - оно инстинктивно стремилось стать у этой власти, оно само решительными шагами пошло к захвату этого аппарата в свои руки, относясь с большим недоверием к претензиям на эту власть других классов”(75).

Как констатировал 19 июля 1917 г. председатель Временного комитета Государственной Думы М. В. Родзянко: “Революция смела все власти на местах. Новые представители правительства губернских и уездных центров находятся в полной зависимости от местных партийных и классовых организаций, которые властно диктуют им свою волю. На местах господствуют комитеты и советы различных наименований и различного, часто самовольного возникновения, постоянно меняющегося состава” (76).

Временное правительство перестало владеть ситуацией в деревне. Как отметил после захвата власти большевиками один из эсеровских руководителей Г.А. Ландау: “Сама форма и происхождение смуты в корне подорвали устойчивость вообще всякой возможной власти... Слабенькое же и беспомощное Временное правительство было обессилено и уничтожено задолго до того, как было сметено” (77). Настоящая власть установилась на местах (78). При популярности “целей и задач, возлагавшихся на новые структуры власти и самоуправления правительством, с одной стороны, и крестьян - с другой”, - как подчеркивал А.Г. Рамазанов, крестьянские организации ни в коей мере не стали

низовыми исполнительными структурами власти, а “заявили о своей особой миссии в революции” (79).

Лишенная поддержки абсолютного большинства населения России, центральная власть фактически, по выражению политического обозревателя того времени, “повисла в воздухе” (80). Представители торгово-промышленного капитала констатировали: “Мы ждем твердой власти, а с самого начала фактически воцарилась в России шайка политических шарлатанов” (81), а крестьянские делегаты, по-своему уяснив то же самое, заявляли, что крестьянство “с бумажными постановлениями считаться не будет” (82). В условиях развала некогда эффективных имперских карательных структур, крестьянство фактически беспрепятственно чинило свое “правотворчество снизу”, деля земли не дожидаясь “закона сверху”, и, как риторически вопрошал товарищ председателя Самарского Совета Крестьянских депутатов И.Д. Панюжев: “Кто посмеет явиться в село и сказать там, чтобы возвратили помещикам земли?”(83) Губернские власти, таким образом, были также бессильны в “крестьянском вопросе”, как и правительство. В Саратове, например, члены Общественного Губернского Исполнительного комитета подавали в отставку со словами, что это “не правящий орган, а сумасшедший дом”(84).

Как отметил А. К. Сорокин, “новая политическая элита... демонстрировала вопиющее непонимание ментальности собственного народа, существа обстановки, последствий собственных действий... Возведенная в ранг едва ли не добродетели, легитимизированная властью и тем более сознанием и психологией народа, вседозволенность, чем дальше, тем больше походила на “горный обвал” (85).

Крестьяне, по выражению В. М. Лаврова, склонные “слышать и усваивать в первую очередь то, что хотят услышать” (86), стремились навязать всем

остальным свой упрощенно-прагматический взгляд на мир: “Нечего нам считать десятины, мы сами знаем, как ее разделить” (87), “Самая справедливая цена - это взять ее без цены, без выкупа... всю взять и разделить...” (88). И рассмотрение этой “обратной связи” - влияния крестьянства на политические силы - также является важнейшим при исследовании роли “крестьянского вопроса” в политической борьбе 1917 г.

Это исследование будет не полным, если оставить без внимания главную причину, по выражению В. Л. Дьячкова, “принципиальной нерешаемости аграрного вопроса” - “системную, социокультурную разорванность власти, городских “верхов” и деревни” (89). Крестьянство и власть имели различные системы ценностей, понятий, целей, смыслов. Как подчеркивал кадетский специалист по аграрному вопросу А.А. Кауфман: “Корень зла - источник тех бед, которые переживает русское крестьянство, а с ним и вся Россия... никак не в одной земле... корень зла в народной темноте...” (90) Фактически, “крестьянский вопрос” - это еще и вопрос об особой ментальности русского народа, об исторической предрасположенности российского общинного крестьянства к “бунту” как главной форме массового народного протеста в России (91).

И если позитивные потенции, таящиеся в недрах русского крестьянства, не были востребованы демократическими силами России 1917 года в целях социальной интеграции, то на оборотных, разрушительных чертах массового общинного сознания мастерски сыграла партия Ленина, использовав взрывную силу “крестьянского вопроса” в тактических целях.

Примечания

- 1-Михайлова Л.С., Мерзляков Л.И. Крестьянский вопрос в орбите политической борьбы (начало 20 века - 1920 год). // Постигая прошлое и настоящее. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1994. Вып.3. С.83.
- 2-Протасов Л.Г. Крестьяне голосовали за землю (деревня на выборах во всероссийское Учредительное собрание). Крестьяне и власть: тезисы докл. и сообщений науч. конф. 7-8 апреля 1995 г. М. - Тамбов, 1996 г. С.74.
- 3-Коновалов В.С. Аграрный вопрос в России в начале 20-го столетия: Обзор. М., 1996. С. 5.
- 4-Абрамова. Крестьянин и рабочий. Самара, 1917. С. 12.
- 5-ГАСО. ФП. 3500.Оп. 1. Д. 201. Л.8.
- 6-Там же. Л. 88.
- 7-Там же. Л. 73.
- 8-Дербер П. Я. Обзор земельных программ различных партий. Б.м., Б.г. С.5.
- 9-Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.14. С.209.
- 10-Саратовский листок. Саратов, 1917. № 187 (25 августа).
- 11-ГАСО. Ф. 820. Оп.1. Д.5. Л.26.
- 12-См., напр., Воспоминания массового агитатора Н.Л. Минкина о борьбе самарских большевиков за массы после Февральской революции. ГАСО. ФП.651. Оп. 5. Д.43. Л.12.
- 13-См.: Речь –Пг., 1917. 18 апреля (о 1-м Самарском губернском крестьянском съезде).
- 14-Саратовский листок... № 142 (2 июля).
- 15-Климушкин П.Д. История аграрного движения в Самарской губернии. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т.1. Отд.2. С.6-7.
- 16-Там же. С.13.
- 17-Иванов Н. Русские партии и аграрный вопрос. Пг., 1917. С.3.
- 18-Канчер Е.С. Аграрный вопрос: политические партии в России. Пг., 1917. С.28.
- 19-Сельцер Д.Г. Главный Земельный Комитет: из истории подготовки аграрной реформы в 1917г. // Крестьяне и власть... С.95.
- 20-См.: Бухараев В.М. Люкшин Д.И. Российская смута начала 20-го в. как общинная революция. // Историческая наука в изменяющемся мире. Вып.2. Казань, 1994, Люкшин Д.И. 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С.115-141; Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала 20-го века. Автореферат диссертации на соискание учен. степ. канд. истор. наук. Казань, 1995; Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918гг. // Анатомия революции: 1917 год: массы, партии, власть. С.231; Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- 21-ГАУО. Ф. 677. Оп.2. Д.55. Л.42.

- 22-ГА РФ. Ф.1796. Оп.1. Д.5. Л.23.
- 23-Там же.
- 24-См.: Дягилев В.В. Альтернативы решения аграрного вопроса в России (на материалах государственных органов и политических партий начала 20-го века. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1994. С.164.
- 25-Вестник Временного Правительства. Пг. 1917. (21 марта).
- 26-Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в 20 в. // Вопр. истории. М., 1993. № 2 .С.37.
- 27-Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т.1. С.72.
- 28-Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С.37.
- 29-См.: Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.168-177; Орлов Н.Б. Социальные взрывы: природа и динамика развития. // Социальные реформы в России: теория и практика. Вып. 2. М., 1996. С.13-19.
- 30-Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.250-251.
- 31-См.: Россия в мировой войне 1914-1918гг. (в цифрах). М., 1925. С.49.
- 32-См., напр., Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч.1. С. 123.
- 33-Быховский Н.Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 г. М., 1929. С.49.
- 34-Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992. С.147.
- 35-ГАСО. ФП.651. Оп.5. Д.48. Лл.17 Об-18 Об.
- 36-Шестаков А.В. Крестьянство в Октябрьской революции. Харьков, 1925. С.9.
- 37-См.: Лавров В.М. “Крестьянский парламент” России. (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918гг). М., 1996. С.232.
- 38-Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда. Самара, 1917. С.48.
- 39-Симбирская Народная Газета. Симбирск, 1917. № 3 (20 апреля).
- 40-Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника). Военно-исторический журнал. М., 1993. № 10. С.67.
- 41-Уайлдман А.К. Армия и вопрос о легитимности власти в 1917г. // Анатомия революции... С.238.
- 42-Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого: (Глядя из прошлого). СПб, 1997. С.43; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций.М., 1987. С.157-158.
- 43-См., напр., Саратовский листок..., 10 марта.
- 44-Кабанов В.В. Указ. соч.С.37.
- 45-Михайлова Л.С., Мерзляков Л.И. Указ. соч. С.91.

- 46-Симбирские Церковные Ведомости. Симбирск. 1917. № 8 (апрель). С.177-178.
- 47-Саратовский Вестник... № 53 (8 марта).
- 48-Симбирская Народная Газета... № 68 (25 октября).
- 49-Саратовский листок... № 187 (25 августа).
- 50-ГАСО.Ф. 820. Оп. 1 Д.5. Л.252.
- 51-Суслов Ю.П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920 гг). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Саратов, 1994. С.3.
- 52-Третий съезд партии эсеров. Пг., 1917. С.258.
- 53.-Иванов Н. Указ. соч. С.3.
- 54.-Михайлова Л.С... Указ. соч. С.90.
- 55.-Земля и Воля. Саратов, 1917. N 2 (15 марта).
- 56.- ГАСО. ФП. 3500. Оп.1. Д. 201. Лл. 94-95.
- 57.- Цит. по: Коновалов В.С. Указ. соч. С.5-6.
- 58.- См.: Телицын В.Л. Указ. соч. С.176.
- 59.- ГАСО. Ф. 1000. Оп. 2. Д.5 Л.53.
- 60.- Абрамова. Указ. соч. С. 7.
- 61.- Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. №110 (11 октября).
- 62.- См.: Блюменталь И.И. Революция 1917 – 1918 годов в Самарской губернии. Самара, 1927. Т. 1. С. 53.
- 63.- Булдаков В. Указ. соч. С. 106, С. 104.
- 64- Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность, а Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С.327.
- 65.- Рейли Д. Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов, 1994. С. 44,63.
66. - См., напр., Файджес О. Указ. соч. С. 230.
- 67.- См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М. , 1997. С. 51.
- 68.- Семенников Л. Октябрь 1917-го... Что же произошло? // Свободная мысль. М., 1992. N 15 (октябрь). С. 12.
- 69.- См.: Анатомия революции ... С. 260.
- 70.- Пайпс Р. Русская революция. М. , 1994. Ч. 1. С. 120, 118.
- 71.- Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С.211.
- 72.- Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. док. Ульяновск, 1957. С. 33.
- 73.- Саратовский вестник... № 53 (марта)
- 74.- Цит. по: Точеный Д.С. Борьба политических партий в России по аграрному вопросу накануне Октября (на материалах Поволжья). Куйбышев, 1981. С. 66.
- 75.- Климушкин П.Д. История Комитета Народной власти второго периода. // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии ... Т. 1. Отд. I . С. 49-50.

- 76.- Революционное движение в России в июле 1917 года. М. 1959. С.318.
- 77.- РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д.39. Л. 115.
- 78.- См.: Анатомия революции... С. 232, 273.
- 79.- Рамазанов А.Г. Правосознание Российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско–Симбирского Поволжья). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995. С. 116-117.
- 80.- См.: Нива. Пг., 1917. № 30 (29 июля) С. 465.
- 81.- См.: Вперед. М., 1917. № 125 (5 августа), /Выступление П. П Рябушинского.
- 82.- См.: Волжский день. Самара, 1917, № 100 (13 мая).
- 83.- Цит. по: Точеный Д. С. Указ. соч. С. 49.
- 84.- Октябрь в Поволжье Саратов, 1967. С. 102.
- 85.- Сорокин А. К. От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода.// Полис. М., 1993, № 3. С. 170.
- 86.- Лавров В. М. Указ. соч. С. 117.
- 87.- См.: Симбирская Народная Газета ... № 50 (10 сентября) .
- 88.- См.: ГАСО. ФП. 651. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.
- 89.- Дьячков В. Л. Русские крестьяне и государство (о влиянии некоторых формирующих факторов на создание и судьбу деревни // Крестьяне и власть. Тамбов . 1995. С. 26.
- 90.- Кауфман А. Аграрный вопрос в России . М., 1918. С. 248.
- 91.- См.: Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917 – 1918 гг. Тамбов, 1995.

1.2. Цели и средства партии большевиков в борьбе за крестьянские массы

Крестьянский вопрос, в недрах которого копились грозные силы стихии русского бунта, стал в условиях измученной общественными потрясениями России 1917 г., решающим испытанием для установившейся после Февральской революции новой политической системы. Последняя этого испытания не выдержала. Временное правительство не сумело предпринять достаточно последовательных, реальных и решительных шагов ни в сторону удовлетворения крестьянских требований, ни в сторону усмирения постепенно захлестнувшего Поволжье и всю страну крестьянского бунта.

Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не смогли реализовать свои аграрные программы в период с марта по октябрь 1917 г., как в пределах поволжского региона, так и по молодой российской республике в целом. Откладывая, в условиях нараставшей анархии, конкретные радикальные меры по решению неотложной проблемы, занимавшей важнейшее место в сознании большинства населения, эти политические силы фактически отдали инициативу большевикам, которые, оперативно воспользовались просчетами своих безвольных оппонентов, стремились еще более “раскачать” носителей бунтарских настроений, превратив крестьянский вопрос в стартовый полигон для решающей схватки за власть.

Как подчеркивалось поволжскими исследователями, “партия большевиков выступала в качестве величайшего субъективного фактора, организующего все революционные силы народа на последний и решительный бой с капитализмом (1), а, по мнению отдельных западных исследователей, вождь большевизма В. И. Ленин – “один из самых великих завоевателей в истории, несмотря на то, что страна, которую он захватил, была его собственной” (2). В. И. Ленин, видя в крестьянском вопросе “гвоздь общенародного характера революции”, и подчеркивая, что, с точки зрения “социальных целей”, крестьянство – это “самое главное” (3), прекрасно понимал, что именно бунтующее крестьянство может стать на время тем главным бессознательным орудием большевизма, способным взломать неустойчивые легитимные структуры и придать готовящемуся перевороту масштабы общегосударственной революции, мыслимой лишь как первый факел в огонь мирового пожара. В мае 1917 г. в “Прощальном письме к швейцарским рабочим” он писал: “Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян – помещиков, на основе опыта 1905 г., может придать громадный размах буржуазно – демократической революции в России и сделать

из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней”(4). Уже в 1905 г. в работе “Две тактики социал-демократии в демократической революции” В. И. Ленин так обрисовал тактические планы партии по использованию крестьянства: “Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии” (5). При чем вождь большевизма не скрывал, что целью привлечения могучих крестьянских масс является вовсе не алкаемое последними разрешение крестьянского вопроса, а принесение России в жертву на алтарь мировой революции. В 1915 г. В. И. Ленин подчеркивал, что “освобождением буржуазной России от царизма, от земель и власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а – для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы” (6).

Для большевиков крестьянский вопрос являлся исключительно вопросом о власти, а само многомиллионное крестьянство являлось лишь средством к достижению конкретных политических целей и, в конечном итоге, мыслилось как инструмент и сырье для реализации коммунистической утопии. И деятельность ленинцев Самарской, Саратовской и Симбирской губерний являлась наглядным тому примером.

Как четко констатировалось поволжскими исследователями еще в советские годы, “Коммунистическая партия Советского Союза с самого своего существования рассматривала крестьянский вопрос как вопрос о союзнике пролетариата в его

борьбе за власть, как часть вопроса о диктатуре пролетариата” (7).

Причем первоначально после падения самодержавия местные большевистские организации и не скрывали свое “классовое” пренебрежение интересами “мелкобуржуазного” крестьянства, о чем открыто заявляли со страниц своих печатных органов. Так, уже в первом номере самарской “Приволжской Правды” было особо подчеркнуто, что “основная задача газеты – всесторонняя защита интересов *рабочего класса*” (8).

Современные историки Поволжья отмечают, что “большевики относились к крестьянскому вопросу только в необходимые исторические моменты, они использовали крестьянское движение в собственных целях, а свою тактику по ходу событий координировали с крестьянскими требованиями. История Октября тому доказательство и образец тактической гибкости”(9). Сам В. И. Ленин подчеркивал в работе “Детская болезнь левизны в коммунизме: “Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил... умелом использовании... всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и научном, современном, социализме вообще...”(10). Партия Ленина, по слову ее вождя, была “всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки” (11), а в самом ленинизме, по выражению Н. А. Бердяева, “марксизм соединился с традициями старой русской революционности” (12). Как отмечал кадетский лидер и историк по совместительству П. Н. Миллюков, в русской революции 1917 г., обнажившей “всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностным слоем недавних культурных приобретений Ленин и Троцкий возглавляют движение, гораздо более близкое к Пугачеву, Разину, к Болотникову... (13) В отличие от представителей либерально – демократического

блока, помнивших слова классика о том, что “не приведи Бог видеть русский бунт: бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка – копейка”(14), – большевики не только не опасались кровопролития новой “пугачевщины”, но, напротив, именно, в развязывании крестьянского бунта видели реальный шанс захватить власть в крестьянской России. В этом смысле партия Ленина сохранила преемственность от национальной традиции радикальной русской интеллигенции, на протяжении всего XIX-го века звавшей Русь к “топору”. И если в свое время Н. Г. Чернышевский заявлял, что его не испугают “ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня”(15), то В. И. Ленин осенью 1917 г. восторгался “превосходными политическими результатами” “погромов и анархии” (16). Причем немарксистские методы крестьян не смущали “вождя пролетариата”, в январе 1917 г. в докладе о первой русской революции выражавшего сожаление о том, что в 1905 г. размах гражданской войны был слишком незначителен, так как крестьяне сожгли всего до 2 тысяч усадеб, уничтожив, таким образом, лишь “только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить”. Крестьяне, по мнению В.И. Ленина, “действовали недостаточно наступательно, и в это заключается одна из коренных причин поражения революции...” (17)

При анализе вопроса о том, каким образом партии большевиков удалось использовать крестьянство в 1917 г. как в масштабах всей страны, так и в конкретно-региональных условиях аграрного Поволжья, целесообразно разделить “теорию аграрной программы большевизма от “практики” реальных действий ленинцев по вовлечению широких крестьянских масс в круговорот российской смуты, ибо, по словам самого В.И. Ленина, “чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий,

изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они делают, как они поступают при решении различных политических вопросов, как они ведут себя в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, крестьян, рабочих”(18).

Таким образом, и в центре внимания данной работы не находится собственно проект решения аграрного вопроса, предлагаемый партией Ленина, который, к тому же, не раз становился предметом специального исследования как в общероссийском масштабе (19), так и на региональном уровне (20).

Тем не менее, следует особо подчеркнуть, что сами большевики вовсе не считали, что главное в борьбе за крестьянские массы – это соответствующая их интересам детально продуманная программа. Ленинцы Поволжья следовали заветам вождя, который был категорически против того, чтобы “в программу вносить чрезмерную детализацию”, поскольку это “может даже повредить, связав нам руки в частностях. А руки надо иметь свободными, чтобы сильнее творить новое, когда мы вступим вполне на новый путь” (21). Не случайно в предлагаемых поволжскими большевиками рецептах разрешения земельного вопроса, вплоть до захвата ими власти, ничего не говорится о заветной мечте русского крестьянства – уравнительном землепользовании. В программных документах большевистской партии, в которые – по мере радикализации масс от Февраля к Октябрю 1917 г. вносились все более радикальные коррективы – речь шла лишь о немедленном захвате земли без выкупа, конфискации, национализации. Как умеренно высказывается в работе “Политические партии и крестьянство Поволжья...” Ю. П. Суслов, “ряд аграрных предложений большевиков носил агитационно-пропагандистский характер и в условиях перехода власти в руки трудящихся многие из них практического применения не нашли” (22). Можно согласиться с выводом ульяновского историка Х. Левятовой,

что вся “аграрная программа большевиков была подчинена одной цели – стремлению развязать восстание крестьянства, “чтобы слить его с пролетарской революцией” (23). Вывод же современных исследователей о том, что большевистский проект по существу не мог служить и не являлся альтернативой программам других политических партий (24), был хорошо понятен конкурентам ленинцев в 1917 г. Так, представитель Союза частных земельных собственников К. Г. Воблый в брошюре “Земельный вопрос в программах различных партий” подчеркивал: “Большевистское течение социал-демократии высказывается за немедленное отчуждение земель в пользу крестьян без выкупа, не дожидаясь Учредительного собрания. Такое упрощенное решение земельного вопроса, вне закона, привело бы к анархии, к взаимной резне крестьян, и, разумеется, вызвало бы страшное потрясение основ народного хозяйства. Понятно, что такое предложение не может быть названо проектом земельной реформы” (25). Член партии социалистов–революционеров Н. Иванов, характеризуя, по его словам, аграрный “проект” большевизма, указывает на то, что “кардинальный вопрос о способах распределения земли в дальнейшем оставлен и по сей день открытым”, и что “проведение такой программы в жизнь ничего, кроме сильнейшей гражданской войны... вызвать не может”(26) Н. Иванов подчеркивает, что “все филиппики т. Ленина... есть, в сущности, только демагогический прием, пущенный в ход с целью привлечь крестьян и замаскировать истинные свои цели”, и, анализируя противоречия между программой большевиков, признанной им “полностью несостоятельной и их тактикой манипулирования массами, приходит к выводу, что эти противоречия объясняются “желанием привлечь крестьянское сочувствие ценою хотя бы и уступок в принципиальном вопросе”, чтобы “выполнить неисполнимую для них задачу: “и невинность марксизма соблюсти и капитал в виде сочувствия и поддержки крестьян приобрести”(27).

А меньшевик Б. Горев со страниц саратовского “Пролетария Поволжья” в

статье “Большевики и земельный вопрос” пишет, что “большевики и в земельном вопросе, как и во всех других, забыв совершенно о всех принципах марксизма, с самого начала революции руководились лишь одним – погоней за дешевым эффектом, за минутным успехом в рабочих и особенно в солдатских массах и чем дальше, тем больше скатывались к самой беспринципной, самой анархической демагогии”(28). По мнению меньшевистского лидера Ю.О. Мартова, ленинизм в аграрном вопросе объединял “аракчеевское понимание социализма и пугачевское понимание классовой борьбы”(29).

Как уже было отмечено, на протяжении с марта по октябрь 1917 г. в аграрный проект большевизма из тактических соображений вносились некоторые принципиальные изменения. В марте 1917 г. В. И. Ленина в качестве главного требования партии большевиков по аграрному вопросу выдвигал старый лозунг конфискации всего помещичьего землевладения без выкупа. Уже в первом номере “Правды”, в статье “Что должен знать с.-д.”, являвшимся сокращенным изложением программы партии, аграрная программа была передана следующими словами: “Конфискация помещичьих, монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии” (30). Таким образом, не было сказано, кому передаются конфискованные земли, В. И. Ленин оказался верен себе, ибо задолго до этого неоднократно подчеркивал нежелание “связывать себя обязательствами”: “Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это... Но кому посоветуем мы отдать конфискованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем...”(31) То же, что к требованию конфискации земель прибавилось новое требование конфискации имуществ, даже, по мнению специалистов – революционеров, не говоря уже о либералах, являлось “вульгарным уличным анархизмом”, выдаваемом за программу социал-демократии”(32). Уже 1 апреля (19 марта) 1917 г. М.И. Калинин констатировал со страниц “Правды”: “Конфискация

помещичьих, кабинетских, удельных, монастырских земель – один из важнейших пунктов нашей программы, во всей ширине и глубине встал перед крестьянской массой не теоретически, не в виде проблемы будущего, а как вопрос сегодняшнего дня. В некоторых местах крестьяне уже начали проводить его в жизнь”(33).

Возвращение В.И. Ленина из эмиграции в апреле 1917 г. способствовало резкой радикализации курса РСДРП (б), что нашло отражение в политических битвах поволжского региона. Как отмечает Д. Рейли, “эхо политической программы Ленина гулко отозвалось на берегах Волги”(34). А самарский большевик И. Е. Лебедев вспоминает, что докладом В.В. Куйбышева, прибывшего с VII Всероссийской (апрельской) конференции и изложившего ленинскую установку, “было покончено с неясностями в вопросах тактики” и местные большевики” с удвоенной энергией взялись за дело отвоевания масс...”(35) Провозгласив “Апрельскими тезисами” курс на “социалистическую революцию”, В. И. Ленин, отлично понимавший, что без поддержки крестьянства не захватить, ни тем более, удержать власть большевикам не удастся, что судьба и исход русской революции определяются позицией крестьянских масс, что и было зафиксировано в резолюциях апрельской конференции (36), выдвинул аграрный вопрос на первый план. Наряду с конфискацией в программу было добавлено требование национализации всех земель (37), которая мыслилась как средство обострения классовой борьбы в деревне, “последнее слово” буржуазной революции и “шаг к социализму”(38). По мнению поволжских исследователей, требование национализации носило “индоктринальный характер” и не учитывало состояние развития крестьянского хозяйства”(39). Причем В.И. Ленин считал, что “надо соединить требование взять землю сейчас же с пропагандой создания Совета батрацких депутатов”, с той же целью разжигания “борьбы классов в деревне”(40). При этом следует заметить, что в России нигде, кроме

классического края батраков – Прибалтики – таких Советов не образовалось, что характеризует жизненность этой идеи (41). В планы “социалистического преобразования” аграрного сектора российской экономики большевики включили и образование государственных коллективных хозяйств. В. И. Ленин указывал, что, “надо думать о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и браться за него тотчас, уча массы и учась у масс практически целесообразным мерам такого перехода”(42). По этому поводу оппоненты большевиков резонно указывали, что, совет “учиться у масс практически целесообразным мерам перехода” к общественному крупному хозяйству в условиях лиц, не так еще давно ожидавших, что только выварка в фабричном котле превратит анти–коллективистический череп крестьянина в истинно – пролетарский, по меньшей мере, лицемерен”(43).

Таким образом, даже беглый анализ основных положений ленинской аграрной программы показывает, что для вождя партии радикальной оппозиции, старавшегося внушить широким массам, что “переход земли к крестьянам невозможен... без вооруженного восстания”(44), эта программа никогда не была догмой, от принципиальных постулатов которой нельзя отречься. На первом месте всегда оставались соображения “революционной целесообразности”, диктовавшей необходимость, неважно каким путем, подстегнуть “мужицкую Русь” к этому самому восстанию. Главным для большевиков была не теория, а практика, не добросовестное следование всесторонне продуманной программе, а отвечающая особенностям конкретной ситуации тактика, целиком подчиненная стратегической задаче захвата политической власти любой ценой. Как отмечает Э. Карр, сравнивая аграрные программы эсеров и большевиков, одни (эсеры) провозглашали принципы, другие (большевики) проводили их в жизнь (45).

Поволжские эсеры, не без оснований называя “программу и отношение

с.-д. к крестьянскому вопросу... неосновательными и непродуманными”, явно недооценили конкурентоспособность большевиков, обвиняя их в том, что они “слишком увлекаются учением великого Маркса, - справедливого для Англии прошлого века, но требующего коренных поправок для России 20-го века”(46). Напротив, большевики, умело сыграв на психологии крестьян (что, кстати, эсеры замечали (47), но необходимых практических выводов не сделали), сумели одержать победу и перехватили у эсеров их земельную программу, чтобы эту победу сохранить. Придя к власти, В.И. Ленин признавал: “Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую, и осуществили ее на практике. Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка”(48). По поводу же авторства декрета о земле он небрежно бросил на 2-м Съезде Советов: “не все ли равно, кем он составлен...”(49). По выражению В. П. Булдакова, декрет о земле, хладнокровно заимствованный вождем “пролетарской” партии у своих крестьянофильствующих конкурентов, может рассматриваться как проявление уникального для интеллигентских политиков умения использовать в своих интересах мощь обратной связи, исходящей от низов”(50). Причем, что так же уже отмечалось в литературе, “вождь большевиков не включил в декрет другие разделы, определявшие политические и экономические условия его реализации...”(51).

По верному наблюдению самарского эсера С. Маслова, назвавшего большевиков “столыпинцами из социалистического лагеря”, “сколько бы мы ни считали... земельную программу большевиков, мы не найдем в ней ни одного словечка об организации для безземельного и мало земельного крестьянства доступного кредита, при помощи которого оно могло бы встать на ноги, мы не найдем также ни единого упоминания о кооперативах, которые укрепляют крестьянское хозяйство в его борьбе с капиталом; ни разу не упомянуто о

трудовом крестьянстве, живущем трудовыми доходами от своего хозяйства...”(52). Лишь из тактических соображений, вынужденные “посчитаться с требованиями крестьян – пустить землю в раздел...большевики после революции взялись за выполнение крестьянско-эсеровской утопии – делить землю “по справедливости”, затаив на время свою программу”, - считает В.В. Кабанов (53).

Поволжские исследователи подчеркивают, что и этот, заимствованный у соперников закон о земле, позволивший партии большевиков “удержаться у власти в трудный для нее период конца 1917 - начала 1918 годов”, “руководители РСДРП(б) использовали... прежде всего с целью привлечения на свою сторону крестьян и уничтожения своих политических противников – помещиков и богатых селян”(54).

Таким образом, если сама аграрная концепция большевизма по своему подлинному содержанию не могла соперничать с эсеровской, согласованной с эгалитарными устремлениями “крестьянского мира”, то, как же удалось партии большевиков использовать “общинную революцию” крестьянства, какими средствами большевики заполучили своего малосознательного, но могучего “союзника”, сыгравшего главную роль в победе так называемой “Великой Октябрьской социалистической революции”?

Материалы Симбирской, Самарской и Саратовской губерний, где местные организации РСДРП(б) развернули широкую работу по борьбе за влияние на многомиллионное поволжское крестьянство, содержат богатый материал для ответа на этот вопрос.

Прежде всего, следует отметить, что сразу после падения самодержавия влияние это было ничтожным. Фактически, его не было совсем, как и самих

большевистских организаций. Так, в Симбирской губернии, за исключением Сызрани, называемой в 1917 г. “единственным гнездом большевизма во всей губернии” (55) в апреле, по воспоминаниям видного большевика А. Швера, было всего пять человек, относивших себя к этой партии. Никакой “организационно-спаянной социал-демократической группы, ведущей плановую работу по заданиям центров – не было. Были отдельные товарищи, которые вели одиночную пропаганду”, - подчеркивает А. Швер (56). Другой симбирский большевик, И. Д. Прытков, также указывает, что “о самостоятельной большевистской организации говорить не приходится, так как ее не было совсем. Были лишь одиночки... примыкавшие, за отсутствием специальной организации к общей Социал– Демократической партии”. При этом он обращает особое внимание на то, что в Симбирской губернии, являвшейся в то время “типичной крестьянско-помещичьей губернией” “почва для возникновения и работы социал-демократической партии была слабой, не говоря уже о чисто большевистской организации, и, наоборот, чрезвычайно благоприятствовала для работы эсеровских организаций, которые в Симбирске были довольно сильны”, а сама Симбирская организация РСДРП того времени, по его мнению, “идеологически... представляла собой сброд всех революционных оттенков, начиная от анархистов, эсеров, меньшевиков и кончая кадетами” (57). Это свидетельство подтверждается и сохранившимся письмом Симбирского Комитета РСДРП Организационному бюро по созыву Объединительного съезда РСДРП от 19 июля 1917г., в котором говорится о том, что “Симбирская организация РСДРП до сих пор не связана ни с одним из центральных органов партии” и желала бы “соединить раздробленные силы... в более организованную и компактную массу”(58).

То есть можно отметить, что особенностью положения партии большевиков в Симбирской губернии (по сравнению с Самарской и Саратовской

организациями РСДРП(б)) была их крайняя малочисленность и несамостоятельность. Фактически, местные ленинцы обрели организационную независимость от социал-демократов меньшевиков лишь незадолго до октябрьского переворота, после приезда в сентябре 1917 года командированного ЦК РСДРП (б) М. Д. Крымова. Столь позднее размежевание с реформистским крылом местной социал-демократии является одной из главных причин более позднего захвата власти ленинцами в Симбирской губернии.

В Саратовской губернии сразу же после Февральских событий влияние РСДРП (б) также поначалу было весьма незначительным по сравнению с кадетскими, меньшевистскими и эсеровскими партийными организациями, тотчас после падения царизма развернувшими кипучую политическую деятельность. Как вспоминал один из лидеров саратовских большевиков В. П. Антонов, вернувшийся из ссылки в конце марта 1917 г., отметил: “После переворота прошло около месяца, но пустотой и какой-то унылостью веяло в довольно просторном помещении комитета” (59).

Но, тем не менее, уже в момент выхода из подполья в саратовской большевистской организации насчитывалось, по свидетельству Н. Афанасьева, около 60-ти человек (60). Ко второй же половине апреля в ней состояло порядка 1500 членов, а к июлю 1917 г. уже около 3500 (61). Причем, именно радикально настроенным ленинцам, а не их умеренным оппонентам, принадлежало фактическое лидерство в Саратовском Совете (председатель – большевик В.П. Милютин, его заместитель – большевик М. И. Васильев-Южин и т.д.).

В Самарской губернии РСДРП (б) также первоначально не была во главе сил, ставших у власти после Февраля. Сами самарские большевики в своих воспоминаниях подчеркивали, что в первое время после Февральской революции, “по существу, большевистской организации, как таковой, не было в Самаре...”,

что “может быть, она была на бумаге, но фактически не было никакой большевистской организации. Были отдельные члены партии, потерявшие связь с массами и между собой” (62).

И все же, влияние их росло сравнительно быстро. Так, в апреле 1917 года “Приволжская Правда” заявила, что самарская организация большевиков “поднялась во весь рост чуть ли не на второй день революции” (63). Если к моменту выхода из подполья количество большевиков в Самаре оценивалось в 150 человек, то к середине апреля – уже 2700, причем в руководстве Самарского Совета уже в марте доминировали ленинцы (из 15 человек, входящих в состав его Исполкома, было 10 большевиков и только 5 меньшевиков, председателем Совета был избран лидер самарских большевиков В. В. Куйбышев) (64). А “к VI съезду партии, - как подчеркивает Е. И. Медведев, - самарская организация большевиков, насчитывавшая в своих рядах до 4 тыс. членов, в численном отношении была самой сильной в Среднем Поволжье” (65).

Но, несмотря на наличие в Самарской и Саратовской губерниях (в отличие от Симбирской) значительных и относительно квалифицированных организаций большевиков, пользовавшихся успехом в рабочих и, особенно, в солдатских массах, в целом можно уверенно констатировать тот факт, что в первый месяц невиданных доселе в России свобод решающее значение в “раскачивании” широких народных масс “революционной” “антибуржуйской” пропагандой имела деятельность не большевистской партии, вождь которой еще не успел вернуться из – за границы, а почти всех остальных “социалистических” и “демократических” политических сил. Как заметил один из членов ЦК ПСР Г. А. Ландау, “необходимо совершенно твердо установить, что в этой проповеди участвовали отнюдь не только господствовавшие меньшевики – объединенцы, интернационалисты, эсеры, и прочие... но и самые умеренные и аккуратные

потресовцы, трудовики и им подобные. Они разделяли общие социалистические восторги и участвовали в разоблачении буржуя, они призывали к толканию буржуя и предупреждали о его контрреволюционности”, демонстрируя “беспримерно – бестолковое убожество своего политического мышления”. Он подчеркнул: “О том, что во всей этой пропаганде и агитации большевики были ни при чем – нечего и доказывать, ибо их и вовсе еще не было, или, во всяком случае, они были в ничтожном и маловлиятельном меньшинстве”(66).

Тем более слабы были позиции ленинцев в деревне, где в первое время практически безраздельным влиянием по сравнению с другими политическими партиями пользовались социалисты – революционеры. Даже в советское время исследователи вынуждены были признавать, что “самым сложным участком для большевиков... являлась деревня... В сельской местности, ввиду почти полного отсутствия там большевистских организаций, эсеры продолжали сохранять свое влияние на крестьян” (67). Ю. П. Суслов отметил, что “деревня до лета 1917 г., по существу не знала большевиков”, у которых, “в отличие от социалистов – революционеров, перед Октябрем 1917 года в селе не было ни одной партийной ячейки” (68). Об отсутствии постоянной агитационно-пропагандистской и организационной работы большевиков непосредственно среди поволжских крестьян говорил делегат саратовских ленинцев на 7-м съезде РСДРП (б) М. И. Васильев–Южин, слабый и эпизодический характер этой работы констатировал в своих отчетах центру М. Д. Крымов, то же отмечали в воспоминаниях о партийной борьбе накануне Октября один из лидеров самарских большевиков А. Х. Митрофанов и уже упомянутый В. П. Антонов–Саратовский (69). И, тем не менее, несмотря на все вышперечисленное, именно большевизм на протяжении с марта по октябрь 1917 г. сумел овладеть массами, так как предлагаемые им адресно выверенные лозунги находили в них живейший отклик.

Так, призыв большевиков к немедленному захвату и разделу частновладельческих земель не мог оставить равнодушным общинное крестьянство. Уже в начале апреля 1917 г. В.И. Ленин в работе “Задачи пролетариата в нашей революции” поставил следующую задачу: “В противовес буржуазно – либеральной проповеди, которую ведут многие с.-р. и Советы рабочих и солдатских депутатов, советуя крестьянам не брать помещичьих земель и не начинать аграрного преобразования впредь до созыва Учредительного собрания, партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и немедленной конфискации помещичьих земель по решениям крестьянских депутатов на местах” (70). Захват земли, который, как неоднократно подчеркивали большевики, будет означать практически могучий удар частной собственности на все средства производства и уже только поэтому достойный всяческого содействия со стороны партии (71), по словам В.И. Ленина “не есть самоуправство, это есть восстановление права и с восстановлением права нельзя ждать”(72).

Положение о поддержке немедленного захвата земли становилось одним из важнейших в политической платформе представителей РСДРП (б) в местных Советах (73), а во второй половине 1917 г., при активном участии депутатов – большевиков, многие городские Советы рабочих и солдатских депутатов Поволжья (Балашова, Сызрани, Царицына, Саратова и др.), объединившись с крестьянскими Советами, также выдвинули требования конфискации земель, отмены частной собственности на все земли без выкупа и т. д. (74)

Большевистские лидеры, в отличие от представителей остальных ведущих политических партий, уговаривающих крестьян потерпеть, настойчиво и последовательно внушают массам мысль о *немедленном* разрешении векового

вопроса: “Мы должны сказать крестьянам: “ Если вы будете ждать, пока закон напишется, а сами не разовьете революционной энергии, то у вас не будет ни закона, ни земли”, - призывал В.И. Ленин; “Мы призываем сделать это немедленно, не дожидаясь Учредительного Собрания...”, - обращался к крестьянству И.В. Сталин; “Взять земли... необходимо никого и ничего не дожидаясь”, - подстегивал возбужденные “миры” Г.Е. Зиновьев (75).

Местная большевистская пресса всюду вторила центральной. “Ждать до Учредительного Собрания долго и губительно”, - заявляла сызранская газета “Товарищ” (76). А саратовский “Социал-демократ” утверждал: “Медлить нельзя! – нам говорят – подождите! Народ наш темен, деревня еще не осознала совершившегося переворота. Дайте время, чтобы сознание его отвечало тем задачам, какие ему придется решать. Старая песня! Давно отпетая! Народ, совершивший революцию, и так ее совершивший – доказал свою зрелость (77). Большевики поучали слишком еще пассивных, с их точки зрения, крестьян: “Жди Учредительного Собрания – говорят крестьянам народники и меньшевики, - не бери сейчас помещичьих земель... Жди! Этот призыв очень нравится помещикам. А мы говорим крестьянам: - Не жди! Мы достаточно ждали при царе. Паролем революции не может быть “жди”(78).

Как писал один из идеологов кадетской партии А.С. Изгоев, “не только крестьянам, но и всем остальным большевики говорили: “*не жди!*” В этом весь закон и пророки. “*Не жди!*”, а бери, хватай сейчас же, тащи, что можешь и как можешь. О последствиях не думай, там разберемся, что урвешь, то будет твое! Такие лозунги, брошенные в темные многомиллионные безграмотные массы, производят оглушающее действие. Борьба с ними словами, убеждать молодцов, вышедших с кличем “Сарынь на кичку” в неправильности их “тактики” – значит смеяться над людьми и здравым смыслом”(79).

Корреспондент “Саратовского Вестника” так передает свои впечатления от одного из митингов: “Здесь, в этой огромной, и да простят мне большевики, не только малосознательной, но почти совершенно темной толпе я понял тайну “успеха” саратовских ленинцев. Большевистские поклонники – почти сплошь люди с наивным мировоззрением, конечно, ничего общего не имеющие с социал-демократизмом, ни вообще с социализмом. Это – толпа с первобытными инстинктами... И понятно, что когда к такой толпе выходит доморощенный ленинец, и, надрываясь, вопит: - Товарищи! Долой министров – капиталистов, долой войну! – Толпа яро рукоплещет, ибо, несмотря на свой культурный уровень, или благодаря этому культурному уровню, она вполне понимает эти лозунги. Здесь, с одной стороны, только демагогия, а с другой, усвоение того, что отвечает тайным мечтаниям толпы”. (80)

Взаимоотношения между большевиками, чья тактика, как отмечает Ю.И. Шестак, всегда “была подчинена задаче привлечения масс...” (81), и, по выражению небольшевистской периодической печати, “руководящей – руководимой ими толпой” (82), не были однонаправленными. Как вспоминал писатель В. Г. Короленко, толпа “привыкла, что к ней обращаются только с льстивыми и приятными большинству словами. Лесть любят не одни монархи, но и сам “самодержавный народ”, а от лжи погибают не одни правительства, но и революции” (83). Большевики сами в 1917 г. “до определенной степени стали заложниками ими же стимулируемой народной стихии”, - отмечают современные исследователи социокультурного аспекта русской революции. (84)

“Рабами стихии” клеймит большевиков меньшевистский саратовский “Пролетарий Поволжья”, ибо “весь их политический багаж основан на спекуляции этой стихией” и “подхалимстве перед толпой” (85). По мысли знаменитого русского философа Н. А. Бердяева, “взбунтовавшимся массам

нужно было дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать, нужны были выражающие символы... Только большевизм оказался способным овладеть положением”(86). Причем, как отмечает З.И. Файнбург, решение этой задачи было облегчено тем, что большевики “не придумывали основные лозунги революционной волны – Земли и Мира: они подхватили лозунги массы, причем массы, в большинстве своем вовсе не имевшей представления, что такое социализм, либо имевшей о нем смутное “заведомо утопическое понятие”(87).

“Саратовский Вестник” воссоздает яркую и типичную для того времени картину “состязание с.д. миннезингеров” (видных саратовских меньшевика Майзеля и большевика Мгеладзе), наглядно характеризующую тактику большевиков от Февраля к Октябрю 1917 года:

“ – Чем вы объясните наш успех в массах? – победоносно вопрошал мгеладзевский фальцет – Разве мы так талантливы или умны?

О, нет, - гремел меньшевистский бас – вы не талантливы и не умны... Вам кажется, что вы руководите массой, бросая в нее ваши демагогические лозунги, в действительности – вы идете за нею... О каких же тут талантах или уме может быть речь? И когда гражданка Верхнего базара кричит гражданину в шляпе, предложившему ей вместо 60 к. – 40 за фунт вишни: - Буржуй проклятый! Кишки бы тебе выпустить! – То в действительности не тов. Мгеладзе является ее учителем, а она подсказывает товарищу Мгеладзе, как литературно формулировать лозунг...”(88)

Большевики, которые, по мнению своих бывших союзников по социал-демократическому лагерю, скрывали “под социалистической фразеологией ... настоящее бунтарство” и охотно пускали в ход “ все средства, лишь бы усилить

развал демократии (89), активно использовали обстоятельства все более усиливающегося системного кризиса, создававшие идеальные условия для успеха экстремистской пропаганды в измученных массах. По воспоминаниям самарского большевика И.А. Рублева, “жизнь становилась невозможной, продукты быстро дорожали, война не оканчивалась, земли крестьянам не давали, все это сводилось к явному возмущению рабочих и крестьян и давало нам материал для агитации ...” (90) Причем, как указывает другой самарский большевик А. М. Барсков, если представители других политических партий, выступая перед крестьянской аудиторией “на задаваемые им крестьянством... вопросы о мире, земле и ценах на хлеб определенно ответа дать не могли”, то “большевики же отвечали: войну долой, какой бы ни был, а мир; землю у помещиков бери, хлебные цены старые, тогда большинство крестьян говорило, что эти ребята стоят за нас” (91).

Кадетский самарский “Волжский день”, указывая на сходство большевистских лозунгов с традиционными общинными лозунгами крестьянских войн как на причину успеха большевизма в массах, сравнивал призывы ленинцев с “политической платформой” эпического героя Василия Буслаева: “Кто хочет пить и есть из готового – валися к Ваське не широкий двор...”(92). Поволжские большевики, не неся политической ответственности за свои многочисленные обещания массам, использовали, по их собственному признанию, любые средства “для декларационных заявлений, стараясь не упустить ни одной возможности для выявления нашей тактики”(93), и к числу главных своих достоинств относили “умение быстро схватить суть вещей и моментально написать необходимую резолюцию” (94), издавая которые, они исходили лишь “из желания вести за собой массу, поставив задачу “маневрировать с крестьянством для создания себе опоры в губернии” (95). Именно последнее обстоятельство “и заставляло нас двигаться в губернию, несмотря на нашу

нелюбовь к этой работе”, - признает самарский ленинец А.Х. Митрофанов, но зато и “крестьянская стихия шла к нам” (96). Поставив цель “стать большинством” и собрать недовольные массы под свои знамена (97), неустанно заявляя, что только в союзе с пролетариатом, под руководством партии большевиков, крестьяне смогут добиться земли, воли, хлеба, мира и т. д.(98), большевики по любому поводу повторяли свои простые и доступные массовому сознанию рецепты решения всех жгучих проблем современности, действуя подобно знаменитому римлянину, который на все вопросы своих сограждан отвечал, что “Карфаген должен быть разрушен”. Самарские кадеты указывали, что ленинцы настойчиво внушают массам свой “трафарет”, которые те должны выучить, а все остальное - забыть, “и на вопрос: идет ли дождь? – отвечать: - Вся власть Советам. И на вопрос: который час? – Кадеты – предатели, и да будет вам революционная анафема” (99).

Действительно, одним из важнейших средств большевизма являлась критика своих политических соперников. Большевики, подобно крестьянам – общинникам, делили всех людей на “своих” и “чужих”. Как отмечал А.Н. Потресов по поводу самого лидера большевистского течения социал-демократии, “Ленин знал лишь две категории людей: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу его организации, и чужие, в эту сферу не входящие и, стало быть, уже в силу этого одного трактуемые им как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем – другом и инакомыслящим – врагом, для Ленина не существовало всей промежуточной гаммы общественных и индивидуально-человеческих взаимоотношений” (100). Критика ленинцами своих оппонентов была чрезвычайно агрессивной, она буквально соответствовала завету К. Маркса, что критика “не скальпель, но оружие; объект критики – враг, которого желательно не опровергнуть, но уничтожить” (101). В своей брошюре “К лозунгам” В.И. Ленин подчеркивал, что

“всю агитацию в народе надо построить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эсеров и меньшевиков”, ибо главное в борьбе за крестьян – совсем не аграрная программа, а подходящие лозунги и “разоблачение измены эсеров” (102).

Местные организации РСДРП (б), стремившиеся, как отмечает Н.Н. Кабытова, “не к сотрудничеству, а к единовластию своей партии”, тактика которой “была продуманной: демагогической, виртуозной и последовательно направленной на расширение социально-политической базы своих идей”(103), обвиняли своих оппонентов в том, что они “мешают рабочему классу и крестьянству бороться с помещиками и капиталистами”, являются послушным и безумно-слепым орудием в руках палачей русской революции”, “грязными клеветами господствующих классов” и т. п.(104) “Нападение” на эсеровскую и другие партии являлось одним из главных приемов разъезжавших по поволжским селам и деревням большевистских агитаторов (105), которых, по воспоминаниям самарского большевика А. Д. Михайлова, “удавалось посылать через Комитеты Народной власти... то под предлогом урегулирования “земельных беспорядков”, то по выяснению количества пожертвованного хлеба крестьянами” (106).

Как уже было показано выше, большевистская пресса – местные газеты комитетов РСДРП(б) – “Социал-демократ” (Саратов), “Приволжская Правда” (Самара), “Товарищ” (“Пролетарий”) (Сызрань) и др. – вместе с центральной газетой “Правда” – также являлись действующим орудием большевизма в борьбе за массы (107). Ленинцы понимали, что “особенно велико значение печатного слова. Пламенная речь, произнесенная перед толпой, может зажечь энтузиазмом только ее, только непосредственно слушателей. Та же речь, отчеканенная черными значками – буквами на листе белой бумаги, быть может, потеряет силу

пожара, но искры, брызжащие из не, способны зажечь тысячи, миллионы костров...”, - подчеркивалось в передовице апрельского номера “Социал-демократа”(108). А кадетский “Саратовский листок” уже в марте 1917 г. так оценивал эффективность мастной большевистской печати: “Теперь уже не секрет, что органы социал-демократов большевиков внесли большую смуту и в ряды армии, и в рабочие массы” (109). В небольшевистской демократической периодике 1917 г. встречаются отзывы о газетах РСДРП (б) как о “погромных большевистских листках, подголосках черносотенной прессы старой марки” (110), а самарские эсеры называли орган местных ленинцев “жандармско–“Приволжской Правдой”, подчеркивая, что “давно и так известно – и это в порядке вещей, что во всех большевистских “Правдах” есть все, кроме правды – истины...” (111)

Для пропаганды своих взглядов в крестьянской среде поволжские ленинцы стремились по возможности использовать трибуны крестьянских и сословных съездов (112). Активное участие приняли большевики в предвыборной борьбе за будущие голоса крестьянского населения за кандидатов той или иной политической партии в Учредительное собрание. Так, например, в протоколе общего собрания членов Бугурусланской городской организации РСДРП (б) Самарской губернии от 18 сентября 1917 г. зафиксировано решение в сельскую местность “посылать агитаторов, использовать для агитации отпуска солдат и рабочих в деревни, распространение брошюр, листов и газет” (113). К этому перечню методов политические оппоненты большевиков приписывали еще “акты грубого насилия по отношению к другим партиям”, систематические “срывания митингов с целью зажимания рта противникам”, организованные “клаки” (шум по команде), “клевету”, “инсинуации” и “намеренные замалчивания” невыгодной для большевиков информации, “угодничество перед толпой”, “спекуляции на темноте масс и их инстинктах”, “призывы к погромам”, “авантюристические

выступления”, “беззастенчивую неразборчивость в средствах” и т. п. (114). Но, по верному наблюдению Р. Пайпса, “невозможно было бороться с большевиками только на том основании, что в сравнении к общей цели они пользовались более откровенными средствами: во многих отношениях Ленин и его соратники являлись истиной “совестью революции”. Интеллектуальная безответственность и нравственная трусость социалистического большинства создавали психологическую и идеологическую ситуацию, в которой большевистское меньшинство с успехом росло и множилось”(115).

Но, как уже было отмечено, важнейшую роль в том, что крестьянство фактически встало на большевистский путь “решения” земельного вопроса и объективно помогло большевикам захватить и удержать власть, сыграли солдаты (командированные, инвалиды, дезертиры, отпускники, тыловики – запасники и т. д.). Нетерпимость “человека с ружьем” стала главным козырем партии Ленина в крестьянском вопросе. “Один землевладелец, имеющий 2000 десятин земли, - и триста крестьянских семей, имеющих 2000 десятин земли. Таково на круг, положение дела в России. Триста крестьян должны ждать “добровольного” согласия одного помещика. Правильно ли это, товарищи солдаты? “– апеллировал к “шинельному крестьянству” России сам вождь большевизма со страниц мартовского номера “Правды”.(116) К солдатам постоянно взывали и поволжские большевистские газеты. Так, например, в апреле 1917 г. “Социал-демократ” публикует статью В.П. Антонова, который, обличая “контрреволюционные” происки местной буржуазии, заявляет: ”Мы, социал-демократы, видим всю хитрую механику этих господ, и мы предупреждаем вас, товарищи солдаты” (117). Он же писал потом в своих воспоминаниях: “Главной же нашей крестьянской аудиторией был местный гарнизон. Над ним мы работали много и энергично. Здесь же проходили главные бои по земельному вопросу между нами и нашими противниками... Распропагандированные нами солдаты,

уходя из гарнизона, разносили “большевистскую бациллу” в земельном вопросе” (118). Как подчеркивал историк самарского истпарта В.В. Троцкий, “через солдат, возвращающихся с фронта или призываемых в запасные полки, по большей части, из местного крестьянства, большевизировалось и само крестьянство” (119). Солдаты, по свидетельству служившего в Самарской губернии большевика Д.В. Белецкого, уже весной писали письма домой с советами: “Землю делите немедленно, не бойтесь ничего!.. Все равно большевики скоро власть возьмут”(120). Возвращаясь же в родную деревню, солдаты со своим “естественно-большевистским настроением” оказывались в положении, по выражению Г.А. Герасименко, “генералов от революции” (121), и фактически выступали катализатором всех беспорядков, что и использовали местные организации РСДРП(б)... (122)

Таким образом, все перечисленные средства, используемые большевиками в борьбе за влияние на крестьянские массы, были направлены на достижение конкретной цели – развязывание крестьянского восстания. И когда эта цель была, наконец, достигнута, В.И. Ленин удовлетворенно констатировал: “Самый крупный факт современной жизни в России есть крестьянское восстание. Вот объективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков... Вот на деле доказанная правильность большевизма и успех его”(123). Трудно не согласиться с М. Френкиным, что “малосознательное и политически незрелое крестьянство страны по горло увязло в аграрных разгулах и дележе земли, предоставив ленинцам политическую арену для установления их господства. В стране создалась новая ситуация, обернувшаяся трагедией для судеб крестьянства и народа в целом”(124).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что на вопрос о том, каким же образом большевикам удалось прорваться к вершинам политической власти, нельзя ответить без исследования социокультурного облика крестьянства,

уровня его политического и правового сознания и его отношения к различным политическим партиям и предлагаемым ими альтернативам.

Примечания

- 1-Слепченко Г.И. О некоторых вопросах стратегии и тактики партии большевиков в мирный период развития социалистической революции //Ученые записки УГПИ. Ульяновск, 1957. Т.12. Вып.1. С.88.
- 2-Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.С.589.
- 3-Ленин В.И. ПСС. Т.34.С.245; Т.45. С. 285.
- 4-Там же. Т. 31. С. 91-92.
- 5-Там же. Т. 11. С. 90.
- 6-Там же. Т. 27. С.81.
- 7-Левятова Х. Борьба большевистской партии за разрешение аграрного вопроса в период от февраля к октябрю 1917 года. // Ученые записки УГПИ... С. 157.
- 8- Приволжская Правда. Самара, 1917. № 1 (17 марта).
- 9-Михайлова Л. С., Мерзлякова Л. И. Крестьянский вопрос в орбите политической борьбы (начало 20 века – 1920 год). // Постигая прошлое и настоящее. Межвуз . сб. науч. тр. Саратов , 1994. Вып. 3. С. 93.
- 10-Ленин В. И. Там же. Т. 41. С. 55.
- 11-Там же. Т. 5. С. 8.
- 12-Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990. С.86.
- 13-Милюков П. Н. История второй русской революции. Российские либералы: кадеты и октябристы. . М. 1996. С. 273.
- 14-Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М. ,1975. Т. 5. С. 344-345.
- 15-Цит. по: Канищев В.В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Тамбов , 1995. С. 22.
- 16-Ленин В. И. Там же. Т. 34. С. 391-392.
- 17-Там же. Т. 30. С. 322.
- 18-Там же. Т. 21. С. 276.
- 19-См., напр., Лопаткин А. Н. Из истории разработки аграрной программы большевистской партии. М. , 1952; Воронович А. А. Ленинская аграрная программа и ее осуществление в СССР. М. , Першин П. Н. Аграрная революция в России. М. , 1966; Зинченко Г. Н. Ленинская аграрная программа и ее осуществление. М. , 1969. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М. , 1967.
- 20-См.: Левятова Х. Указ. соч., Суслов Ю. П. Ленинская аграрная программа и борьба большевиков Поволжья за ее осуществление (март 1917 – март 1918) – Саратов, 1972; Конькова А. С. Борьба коммунистической партии за союз рабочего

- класса с беднейшим крестьянством в 1917 – 1918 гг. (по материалам Самарской, Саратовской и Симбирской губерний). М. 1974.
- 21-Ленин В. И. Там же . Т. 34. С. 376.
- 22-Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917 – 1920 гг.) Дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Саратов, 1994. С. 62.
- 23-Левятова Х. Указ. соч. С. 167 – 168.
- 24-См.: Коновалов В. С. Аграрный вопрос в России в начале 20 столетия. Обзор. М., 1996. С. 10.
- 25-Воблый К. Г. Земельный вопрос в программах различных партий. Киев, 1917. С. 18.
- 26-Иванов Н. Русские партии и аграрный вопрос. Пг. , 1917. С. 27, 16, 37.
- 27-Там же. С.18 – 19, 21, 20.
- 28-Пролетарий Поволжья. – Саратов , 1917. №122 (25 октября).
- 29-Цит. по: Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917 – 1918 гг. Иерусалим , 1982. С. 73.
- 30-Правда – Пг. , 1917. № 1 (5 марта).
- 31-Ленин В. И. Там же. Т.12. С.265 – 266; Т. 11. С. 221.
- 32-Иванов Н. Указ. соч. С. 30.
- 33-Правда... №13 (19 марта)
- 34-Рейли Д. Дж. Саратов и губернаторов в 1917 году: события, партии, люди. Саратов , 1994. С 32.
- 35-ГАСО. ФП. 651. Оп 5. Д. 45. Л. 3.
- 36-КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М. , 1970. Изд. 8. Ч. 1. С. 442-443.
- 37-Там же.
- 38-Ленин В. И. Там же. Т. 31. С. 56; Т. 32. С. 132.
- 39-Суслов Ю. П. Политические партии... С.57.
- 40-Ленин В.И. Там же. Т. 31. С. 241.
- 41-Иванов Н. Указ. соч. С. 30.
- 42-Ленин В. И. Там же. С. 272.
- 43-Иванов Н. Указ. соч. С. 442.
- 44-Ленин В. И. Там же. Т. 34. С. 5.
- 45-Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. М. 1990. С. 442.
- 46-Абрамова. Крестьянин и рабочий. Самара, 1917. С. 11.
- 47-Иванов Н. Указ. соч. С. 32.
- 48-Ленин В. И. Там же. Т. 44. С. 30.
- 49-Там же. Т. 35 С. 27.
- 50-Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. С. 107.

- 51-Лавров В. М. “Крестьянский парламент” России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917 – 1918 годах). М., 1996. С. 121.
- 52-Земля и воля. Самара, 1917, 2 ноября.
- 53-См. : Коновалов В. С. Указ. соч. С. 74.
- 54-Точеный Д. С., Точеная Н. Г. Ленинский декрет о земле и погромное движение в симбирской деревне в 1917 – 1918 гг. Постигая прошлое и настоящее... С. 57.
- 55-См.: Волжский день. Самара , 1917. № 197 (10 сентября).
- 56-Швер А. 1916 – 1917 в Симбирске. Красная летопись /Сб. матер. по истории Симбирской организации РКП (б) и революционного движения в Симбирской губернии. Симбирск, 1923. С. 35.
- 57-ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 281. М. 3, 2.
- 58-РГА СПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 120. Л. 1. ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 199. Лл. 6-7.
- 59-См.: Антонов–Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове. М. – Л. , 1925. С. 96.
- 60- См.: Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов, 1947. С. 12.
- 61- См.: там же. С. 13, 23.
- 62- ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 199. Лл. 6-7.
- 63- Приволжская Правда... № 6 (13 апреля).
- 64- См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Т. 1. М., 1957. С. 498-499.; Бешенковская М.С. От свержения царизма к Великому Октябрю // Октябрь в Самаре. Сб. восп. Куйбышев, 1957. С.167-168.
- 65- Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге // Ученые записки КГПИ. Вып. 24. Т. 1. Куйбышев, 1958. С. 231.
- 66-РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Лл. 103 – 104.
- 67-См.: Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1960. С. 249.
- 68-Суслов Ю. П. Политические партии... С. 87 , 254.
- 69-См.: Протоколы: Съезда РСДРП (б), С. 85-88; Левятова Х. Указ. соч. ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 205. Л. 11; Антонов- Саратовский В.П. Указ. соч. С. 134.
- 70-Ленин В. И. Там же . Т. 31. С. 167.
- 71-См.: КПСС В резолюциях и решениях С. 442; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирский губернии. Ульяновск , 1957. С. 43-44.
- 72-Ленин В. И. Там же. Т. 32. С. 172.
- 73-См., напр., Блюменталь И. И. Революция 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии. Самара , 1927. Ч. 1. С. 384.
- 74-См.: Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. Саратов , 1968. С. 26, 70. 1917 год в Саратовской губернии, Саратов 1957. С. 150 – 151; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской

- губернии. Куйбышев , 1957. С. 104.
- 75-Ленин В. И. Там же. Т. 31. С. 149; Правда... №№ 32 , 30.
- 76-См.: Октябрь в Поволжье. Саратов , 1967. С. 120.
- 77-Социал – демократ. Саратов , 1917. № 4 (10 апреля).
- 78-Правда... №67.
- 79-Изгоев А. С. Социалисты во второй русской революции. Пг., 1917. С. 74.
- 80-Саратовский Вестник. Саратов , 1917. № 149 (8 июля).
- 81-Шестак Ю. И. Тактика большевиков по отношению к левым течениям мелкобуржуазной демократии (1917 – 1922гг.). Л., 1982. Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. доктора истор. наук. С. 36.
- 82-См.: Власть народа. М., 1917, № 8 (5 июля).
- 83-Короленко В. Г. Земли! Земли!: Мысли, воспоминания, картины. М. , 1991. С.117.
- 84-См.: Булдаков В. П. Октябрьская революция как социокультурный феномен. //Россия в 20 веке: историки мира спорят. М., 1995, С. 162.
- 85-Пролетарий Поволжья... № 96 (23 сентября).
- 86-Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 114.
- 87-Файнбург З. И. Не сотвори себе кумира. Социализм и “культ личности”. М., 1991. С. 16.
- 88-Саратовский Вестник... № 157 (18 июля).
- 89-Пролетарий Поволжья...№ 130 (14 ноября); № 97 (24 сентября).
- 90-ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 210. Л. 71.
- 91-Там же. Д. 218. Л. 34.
- 92-Волжский день. Самара , 1917. № 144 (6 июля).
- 93-РГА СПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 634. Л. 3.
- 94-ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 205. Л. 16.
- 95-Там же. Л. 12.
- 96-Там же. Л. 11.
- 97- Приволжская Правда. № 58 (7 июля).
- 98- См., напр., Социал-демократ... 14 июля; 10, 14 сентября; Наякшин К. Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962. С. 307; Суслов Ю. П. Политические партии... С. 80, 82.
- 99- Волжский день... № 197 (10 сентября).
- 100- Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 15.
- 101- См.: там же. Т. 34. С. 15.
- 102-Ленин В.И. Там же. Т. 34. С. 15.
- 103-Кабытова Н. Н. Муниципальные выборы 1917г. в Самаре. // Самарский земский сборник. Самара , 1997. №1. , С. 51; Она же. Земства или Советы: российская властная альтернатива в 1917 году. // Самарский земский сборник. Самара , 1996. Вып. 3. С.25.

- 104-См.: Приволжская Правда... № 54 (2 июля); № 58 (7 июля); Социал-демократ... № 2 (31 марта).
- 105-См., напр., Петровский И. А. В Совете солдатских депутатов. // Октябрь в Самаре. Куйбышев, 1957. С. 196.; ГАСО. ФП. 651. Оп 5. Д. 44. Лл. 19-20.
- 106-ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 89.
- 107-См.: Конькова А. С. Указ. соч. С. 29-30, 36-36; 47-48, Суслов Ю.П. Политические партии... С. 80.
- 108-Социал – демократ ... № 7 (22 апреля).
- 109-Саратовский листок. Саратов , 1917. № 67 (25 марта).
- 110-Власть народа... № 152 (26 октября).
- 111-Земля и Воля. Самара , 1917, 2 ноября.
- 112-См.: Конькова А.С. Указ. соч. С. 49-56 б 81-82; Суслов Ю. П. Политические партии... С. 82-83.
- 113-ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 321. Л. 31.
- 114-См., напр., Пролетарий Поволжья... №№ (95, 108, 112, 122, 124, 127, 130; Саратовский Вестник... №149; Земля и Воля (Самара). , 2 ноября; Москвич – избиратель. М. , 1917. №11...
- 115- Пайпс Р. Русская революция... Ч. 2. С. 80-81.
- 116- Правда... № 7 (12 марта).
- 117- Социал-демократ... № 3 (7 апреля).
- 118- Антонов-Саратовский В. П. Указ. соч. С. 133-134.
- 119- Троцкий В. В. Самарские рабочие и крестьяне в борьбе за Советскую власть/ Рукопись ст. // ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 202. Л. 16 Об.
- 120- ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Лл. 95-95 Об.
- 121- Герасименко Г.А. Политическое положение в саратовской деревне осенью 1917 г. // Поволжский край. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1988. Вып. 10. С. 23.
- 122- См., напр.; Социал-демократ... 14 сентября, 15 октября.
- 123- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 400.
- 124-Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России в 1918-1921 гг. Иерусалим, 1987. С. 19.

Глава 2. Социокультурные параметры расстановки политических сил в поволжских губерниях

2.1. Политическая и правовая культура поволжского крестьянства

Как уже было подчеркнуто, именно исследование вопроса о возможности и действительности осознания крестьянскими массами проводимой государством и партиями политики, об адекватности ее массовому сознанию большинства населения, способно открыть, по мнению автора, путь к историческому осмыслению глубинных истоков, движущих сил и социального механизма всех важнейших политических событий, определявших общую направленность всероссийской смуты от Февраля к Октябрю 1917 года.

Ответ на этот вопрос далеко не прост. До сих пор ученые, специализирующиеся на проблемах, связанных с выяснением смысла и роли крестьянских масс в политических процессах, не смогли выработать даже общепризнанного определения такого понятия как “крестьянство” (1). “Крестьянство – явление загадочное, - приходят к выводу современные крестьяноведы.. – “Стабильность? Консерватизм? Радикализм? – не находит однозначного решения проблема выделения существенных типологических черт крестьянства как политического явления (2).

Отмечая “экстерриториальность”, “внесоциальность”, “внесистемность” (или “полисистемность”), “замкнутость”, “стихийность”, “локальность”, “неорганизованность”, “неконтролируемость” крестьянства как одного из важнейших, тем не менее, элементов любой политической системы, исследователи называют крестьянство “неудобным классом”, “единственным

общеклассовым свойством” которого является стремление сбросить свои общеклассовые характеристики”, и, в то же время подчеркивают, что крестьянство имеет высокий “уровень социального единства, усиливаемый символической изоляцией, который в рабочем классе демонстрируют лишь шахтеры, докеры, лесорубы и некоторые другие профессиональные группы.(3). А по мнению Р. Пайпса, “русская революция была не событием и даже не процессом, а последовательностью разрушительных и насильственных действий, совершавшихся более или менее одновременно, но вовлекавших исполнителей с различными или даже противоположными целями”, при этом главным “фактором революционности” выступила “ментальность русского крестьянства – класса, никогда не интегрировавшегося в политическую структуру” (4).

Как уже отмечалось, в советской историографии революций 1917 г., фундируемой классовым подходом, место и роль крестьянства в политических событиях оценивались с точки зрения его “классовых позиций”, анализ которых базировался, прежде всего, на работах В.И. Ленина. Но признавало ли крестьянство себя как “класс”, было ли оно самостоятельным “историческим субъектом”, “коллективной личностью” (А.В. Гордон) (5), или же послужило, по формуле И.В. Сталина, “немой всеобщностью”, через которую проявилась “объективная историческая необходимость” (6), другими словами, - имела ли эта огромная сила, без опоры на которую революция была бы невозможна, свое политическое и правовое сознание или же она явилась слепым орудием иных сил? Как указывает в своем докладе “Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг.” английский исследователь О. Файджес, “попытка описания политического сознания основных социальных групп всегда представляется задачей трудной, особенно во время такой революции, как в 1917 г. Особые сложности в этом плане представляет крестьянство, политическая культура которого имеет, в основном, устный характер...”(7) Действительно,

крестьянские общины оставили не много письменных источников, причем, по справедливому наблюдению крестьяноведов, большинство сохранившихся документов составлены были, как правило, либо чиновниками, либо партийными активистами, чаще всего не принадлежавшими собственно к крестьянам, либо молодыми образованными крестьянами, которые также не всегда отражали господствовавшее в крестьянской среде общественное мнение. К тому же необходимо учитывать географическую изолированность крестьянства, разбросанного на тысячи поселений, тогда как “политические горизонты” его, “в основном, ограничивались деревней, полями, церковью, соседними поместьями и общинами”(8). И, несмотря на то, что в рассматриваемый период даже удаленные, в том числе поволжские сельские районы были затронуты отчасти распространением грамотности, средств связи, расширением рыночных отношений, влиянием трудностей, вызванных Первой мировой войной и прочими внешними факторами, оказывавшими определенное воздействие на замкнутую внутреннюю жизнь местных “миров”, тем не менее, - приходит к выводу О. Файджес, - “слабоумный локализм” затруднил формирование крестьянства в национальную политическую силу. Его политическое сознание как “класса”, гораздо больше, чем у других социальных групп, было ослаблено местным делением и, в результате, оказалось оторвано от политических процессов, происходивших на государственном уровне” (9). И, в то же время, на этом основании было бы ошибочным полагать, что крестьянство оставалось лишь пассивной силой, объектом чуждых им городских событий и политической борьбы партий, напротив, что так же отмечалось выше, именно то, что происходило в деревне, фактически и определяло расстановку сил в этой борьбе, а ее практические результаты во многом были заданы социокультурными параметрами общинного крестьянства, ярко проявившего в 1917 г. свои основные поведенческие установки, детерминированные социальным мировоззрением

сельской России.

Материалы Поволжья дают основания констатировать, что раскол этот между интеллигенцией и народом не только не был преодолен в результате Февральской революции, но, напротив, все более углублялся от весны к осени 1917 г.

Самодержавие пало всего за несколько дней. Как тонко подметил писатель В.Г. Короленко, “нельзя сказать, что свалило его крестьянство. Его низвергло только отсутствие привычной поддержки преданного прежде крестьянства”(10). “Темный” русский мужик вдруг оказался вырванным из привычной среды и был поставлен в условия так называемой “демократии”, по поводу соответствия которой тогдашней российской действительности даже многие интеллигенты высказывали опасения: “Приходила ли вам когда-нибудь в голову... картина русской конституции, русского парламента, русских выборов, русских ответственных министров, русской свободной печати, русских митингов и клубов, русского партийного режима, русского партийного законодательства по западному образцу?.. При нашей некультурности и необузданности, при нашей свободе от всяких традиций и нравственных границ, мы явим миру такое поучительное зрелище “свободной страны”, что самые ярые либералы станут вздыхать о временах Толстого, Сипягина и Плеве.”(11) Эти слова одного из безвестных авторов периодики 1917г. оказались вещими. Крестьянство оказалось не готово к восприятию новых цивилизационных ценностей, демократия в России утвердилась лишь формально, в поверхностно – институциональном смысле, но в социокультурном плане она не была принята широкими народными массами и, не имея опоры в массовом сознании, она оставалась, по сути, лишь партийно-правительственным мифом. “У невежественного человека есть сила, но она слепа, у него есть права по закону, но он их не знает, он мучительно

чувствует потребность осмыслить, обдумать все, что делается кругом, но лишен оружия мысли – знания...”(12) – так охарактеризовали положение крестьян члены Симбирского губернского земства, подчеркивая, что “деревня попала в круг совершенно новых понятий, бессильна уяснить их и жаждет услышать разъясняющее слово *политически образованного* человека. “Учредительное собрание”, “республика”, “национализация земли”... и т.д. без конца - все эти новые слова проникли в деревню, за ними население чувствует огромный смысл и значение, оно сознает, что за одними нужно идти, другие отвергнуть, сознает, что когда они станут плотью, станут учреждениями, то определяют собою судьбу страны на целое десятилетие, - и вместе с тем, - бессильно отчетливо обнять содержание этих понятий...” (13). В статье с типичным для публицистики 1917 г. названием “Деревенская темнота” самарский кадетский “Волжский день” также сообщал, что такие слова, как “аграрный, демократический, социалистический, национализация – прямо-таки подавляют ум рядового, деревенского политика” и лишь “большую путаницу вносят в умы крестьян”. Сельский корреспондент подчеркнул, что “в общей своей массе наше крестьянство “страшно темно и неразвито политически” и “хотя... есть среди него “видавшие виды”, разумные, понимающие мужички, но они представляют из себя такую каплю в море, что о них не приходится говорить” (14).

В этой связи уместно привести строки Н.А. Бердяева, который еще в 1905 г. пророчески предсказывал, что будущая русская революция, “великая по силе зла и неправды, которые она призвана историей уничтожить”, “... может оказаться самой некультурной из всех революций мира, в ней легко может соединиться великая правда и подвиг с неправдой и неблагородством”, ибо “истинно всенародной культуры у нас еще нет; всенародное творчество было задавлено, и светлая сотня с утонченными порывами к культурному творчеству, и с жаждой свободы, большей чем на западе, жила в среде черного миллиона. И до сих пор

русский народ остается сфинксом, загадку которого не так легко разгадать, как это кажется нашим социал-демократам. Не по немецким полуустаревшим книжкам разгадается эта загадка. И может разыгаться страшная историческая трагедия...” – предугадывал русский философ. – “... Цепи самодержавия, цепи беспримерного в истории гнета, умерщвлявшего жизнь, творчество и культуру, снимаются с многострадального тела России, освобождается русская культура, а самой культуры еще и нет. Покрытое ранами тело больного почти не дышит. Отдельные огоньки светятся и их нужно спасти от бушующего океана, темного и не творящего. Нигилистическое в русской революции есть дитя нигилизма нашего исторического прошлого, нигилизма русского самодержавия, некультурность радикализма, вандализма старой, официальной России. В дореволюционном якобинстве всегда ведь узнается дух политического самодержавия и деспотизма. Революция слишком часто заражается тем духом, против которого борется: один деспотизм порождает другой деспотизм, вандализм реакции порождает вандализм революции...” (15)

Эти слова знаменитого русского мыслителя, высказанные им в статье “Революция и культура” за 12 лет до рассматриваемых событий, созвучны словам поэта А. Блока, который в статье “Интеллигенция и революция” написал уже после Октября 1917 г.:

- Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах?
- Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа.
- Почему валят столетние парки?
- Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господ показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью...” (16)

На крайне низкий уровень политической культуры крестьянских масс как на главную причину постепенно набравшего силу в сельской местности поволжских губерний погромного движения постоянно указывали местные землевладельцы в своих жалобах властям. Так, например, типичным можно считать заявление одного из управляющих Симбирской губернии, который, перечислив в своей телеграмме Симбирскому губернскому комиссару самовольные насильственные действия крестьян весной 1917 г., подчеркнул: “И все это происходит потому, что население совершенно не осведомлено об истинном положении дел и превратно понимает великий политический переворот. Нужна немедленная помощь, требуется немедленное вмешательство лиц, пользующихся доверием населения, иначе, вместо полицейского произвола, восторжествует произвол невежественных подстрекателей и грубых насильников” (17).

При анализе так называемой “темноты” поволжского (как и в целом российского) крестьянства как фактора, обуславливавшего его “революционное” неприятие правового пути разрешения “крестьянского вопроса”, следует учесть, что крестьяне практически не имели “никаких представлений о законах, на которых основаны гражданские правоотношения”, - отмечает В.Г. Короленко, а “мир действительных отношений был крестьянину совершенно не понятен и потому враждебен”.(18) Как подчеркивают современные поволжские историки, “темнота – не просто незнание, она предполагает безраздельное господство обыденного сознания, “здорового смысла”, перестающего “работать” за пределами крестьянского мира” (19). Причем, необходимо особо отметить то обстоятельство, что на фоне стремительного общего роста радикализации политических настроений масс от Февраля к Октябрю, уровень их политической культуры продолжал оставаться крайне низким. Эсеровская “Симбирская Народная газета”, подводя итоги воздействия “демократии” на культурное

состояние поволжской деревни, осенью 1917 г. констатирует: “Итак, за шесть месяцев “свобод” у нас очень мало сделано для поднятия политического самосознания в сельском населении... Не говоря уже о глухих углах, немало наберется крупных и бойких сел, в которых осведомленность жителей по политическим и социальным вопросам остается почти на том же уровне, на каком она была и в эпоху запретов”(20). И после Октября 1917 г. поволжские крестьяне нередко жаловались, что они “не организованы и не понимают сути настоящего переворота, из-за чего возникают... страшные недоразумения”(21).

Как подытожил впоследствии П.Н. Милюков в своей “Истории второй русской революции”, русский народ, традиционно являвшийся “объектом интеллигентских утопий” и оцениваемый, с точки зрения последних, то как “народ – богоносец”, то как “народ – зверь”, в революции 1917 г. “предстал перед наблюдателями его психоза почти как какая-то другая низшая раса” (22). Причем, одним из главных факторов неудачи “демократии” в России 1917 г. кадетский историк считает “бессознательность и темноту русской народной массы, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже таких идей, которые являются вполне своевременными, а частью даже осуществленными среди народов, более подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности” (23).

При этом следует учитывать, что низкий уровень политического сознания был характерен не только для “рядовых” крестьян – общинников глухих поволжских деревень, но и для “выборных людей” в организациях волостного, уездного и даже губернского масштабов. Так, например, бывший председатель Самарского губернского Совета Крестьянских депутатов Г.М. Соколов в своих воспоминаниях дает следующую характеристику подготовленности своих “коллег” к решению соответствующих политических вопросов в огромной

губернии: “...в составе президиума СКД оказались лица, не способные по революционному мыслить и действовать. Тов. Мошков был религиозный иноверческий фанатик... Он всю свою деятельность сводил к доказательству несправедливости господствовавшей православной церкви и православного духовенства. Т. Гурычев был помешан на недостатках законов о торговле, будучи сам мелким мануфактурным торговцем. Решать все организационные вопросы приходилось нам вдвоем с секретарем Беловым. По грамотности мы с ним были выше всех. Я кончил среднюю фельдшерскую школу, Белов – учительский техникум для учителей сельских школ...” (24)

В своих воспоминаниях Г.М. Соколов приоткрывает и механизм “обратной связи масс и интеллигенции, что, как уже было отмечено, является исключительно важным фактором политической жизни поволжских губерний в то время. Так, отвечая на вопрос: “Почему эсер С.А. Волков, видный самарский интеллигент, юрист по профессии, подписал “Временные правила пользования землей”, выработанные 2-м Самарским губернским крестьянским съездом вопреки действующему аграрному законодательству России и указаниям Временного правительства? ” - бывший “предводитель” крестьянства Самарской губернии подчеркивает: “Как он не мог подписать их, когда их принял Губернский Крестьянский съезд в составе более 900 человек”(25).

Тем не менее, можно констатировать, что тотчас после крушения монархии крестьянство, несмотря на свою политическую “темноту”, еще не встало на позиции, враждебные новой демократии. Это давало определенные основания для довольно оптимистических оценок сложившейся ситуации представителям местных властей, особенно для их эсеровской части, идеализировавшей положительные стороны социальной психологии русского крестьянства. Так, “Симбирская Народная газета” даже в мае 1917 г., когда в

губернии уже начинались пока еще редкие “аграрные беспорядки”, продолжала категорически заявлять, что “никаких беспокойных селений нет. Крестьяне очень сознательно относятся к переживаемому моменту. На наш призыв к спокойствию крестьяне говорят, что они только этого и желают. Аграрный вопрос крестьяне решают на принципе справедливости, как в оценке ее, так и в распределении между отдельными членами селений и между отдельными селами. Никакой анархии нет. Довольно бросать грязью на крестьянина. Он не заслуживает этого. Он достоин заслуженного сострадания, внимания”(26). Видный самарский эсер И.М. Брушвит говорил на заседании Комитета Народной Власти: “После переворота 27 февраля местное население не без влияния руководящей части демократической интеллигенции было охвачено глубоким патриотизмом. Вопреки ожиданиям повторения аграрных беспорядков 1905-1906 гг. – таковых почти не было”(27). А П.Д. Климущкин в своей “Истории аграрного движения в Самарской губернии” указывает, что “в течение почти двух месяцев, при полном отсутствии какой-либо власти и сдерживающего аппарата во всей губернии не было ни одного крупного эксцесса” благодаря настроению крестьянства, по привычке сначала “боявшегося начальства”, “любившего порядок” и надеявшегося, что новая власть решит все сама “по совести” (28).

Иначе расценили отношение крестьян к новым порядкам российские либералы. Так, весной 1917 г. ЦК партии кадетов обратился к своим членам с призывом, в котором особо подчеркивалось: “Необходимо помнить, что народные власти приступили к действию в атмосфере почти полного невежества. Здесь не следует ждать каких-либо чудес, надо твердо смотреть на положение вещей и не обольщать себя разгоряченными толками о гигантском проявлении сознания масс. Нашей партии предстоит тяжелая и долгая работа, так как полагаться на здравый смысл русского крестьянства не дело жизнеспособной политической партии, в особенности Партии Народной Свободы” (29).

Но подобные трезвые оценки “готовности” крестьянских масс к восприятию “демократии” так и остались неподкреплены адекватными мерами со стороны новой власти. Как справедливо отметила кадетка А. Тыркова-Вильямс, “В низах живет инстинктивное, но огромное чувство справедливости и во многих своих социальных требованиях они совершенно правы. Мы знали, что в благах социальной свободы мы получили самое ценное, а они еще это должны понять. Вспышки социального бунтарства на окраинах будут не столько результатом подстрекательства дурных пастырей и разных негодяев, сколько следствием разлух и взаимного непонимания” (30).

Первоначальное настроение выжидания со стороны крестьянских масс, которые, будучи не в силах разобраться в “городских делах”, демонстрировали привычную готовность к смирению перед властью, по мере осознания бессилия этой власти начинает стремительно изменяться на прямо противоположное. Еженедельник “Русская свобода” констатировал: “Самые смиренные обыватели какой-нибудь захудалой деревушки, всего каких-нибудь 7-8 месяцев назад жадно внимавшие проповеди своего немудрящего приходского батюшки и внимательно слушавшие в праздничный день, как учитель “вычитывает” из газет вести с фронта, теперь изменились как бы по мановению волшебного жезла. На газету, особенно “буржуйную”, они смотрят с нескрываемым презрением, к церковной проповеди относятся в лучшем случае пренебрежительно. Все самые сложные и запутанные проблемы вдруг стали для них ясны и предрешены...”(31)

Огромную роль в эскалации бунтарских настроений в крестьянской среде, как уже отмечалось, сыграли озлобленные продолжавшейся войной и “разложенные” большевистской пропагандой солдаты, “прояснявшие” “истинный смысл” революционного насилия невежественным сельчанам. Так, в своих воспоминаниях крестьянин Симбирской губернии А.В. Зуморин указывает:

“Революция в наше село заглянуло в марте – месяце, но ее тщательно старались укрыть прислужники дворян или же объясняли не в том виде, в каком бы было нужно. Крестьянин находился в неведении, что сотворилось в русской земле. “Сам чорт не разберет”, - говорили они, - кто говорит: царя сменили и посадили его сына, а кто говорит, что революционеры захватили власть в свои руки, - право, чудно как-то, - не разберешь, не поймешь, что на земле творится”. Только истинный смысл поняли тогда, когда стали наведываться в деревню свои односельчане – фронтовики. Где фронтовик в семье, то там всегда полно народа: слушают рассказ о том, как свергнули царя...”(32) После этого в поволжских селах и начинались погромы...

И, действительно, уже в мае поволжские власти вынуждены были констатировать тот факт, что “спокойное и выжидательное настроение нарушилось и сменилось желанием немедленного захвата и распределения земли”(33). Летом же правительство признает наличие открытого конфликта “между местными агентами власти и крестьянскими организациями” (34), повсеместно приступившими к активным мерам по реализации социально-экономических и политических требований общинного крестьянства, носивших “традиционно-радикально-конфискационный характер”. (35) Все развитие событий в деревне обусловлено было одним из центральных, стержневых положений, определявшим характер политико-правовых представлений российского общинного крестьянства в целом, - категорическим неприятием идеи частной собственности на землю.

Писатель Л.Н. Толстой задолго до описываемых событий так сформулировал огромную значимость отрицания большинством народа поземельной собственности для будущей революции: “Эта истина не есть мечта – она факт, выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков... Русская революция

только на ней может быть основана. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности...” (36) Эти слова были подтверждены как всем ходом революции 1917 г., так и ее исследователями. Так, еще Б. Книпович подчеркивал: “Революция могла происходить только в форме захвата земли и уравнительной дележки. Иной лозунг не мог бы иметь успеха среди крестьянства” (37). И западные авторы, анализируя причины участия российского крестьянства в Октябрьской революции, как правило приходят к выводу, что “крестьянство было революционно только в одном отношении: оно не признавало частной собственности на землю”(38).

Это стремление крестьянства покончить с частной собственностью на землю учитывали при подготовке земельной реформы члены Главного Земельного Комитета при Временном правительстве, на заседаниях которого неоднократно подчеркивалось, что “это требование... проходит... красной нитью через всю нашу новейшую историю” и является “основным фактором русской истории”, что “если спросить любого крестьянина в деревне, чего ждет народ от земельной реформы, то есть от новых земельных законов..., то каждый крестьянин, не задумываясь, ответит: “земли”, и, подумавши, прибавит: “уравнивания в земле”(39).

Материалы Симбирской, Самарской и Саратовской губерний подтверждают, что местному общинному крестьянству было глубоко чуждо юридическое понятие частной собственности на землю, крестьянское правосознание не различало “владения”, “пользования” и “распоряжения” землей”, - для крестьян право на землю являлось коллективным, вытекало из традиционных обыечно-правовых представлений о наделении землей только тех, кто ее обрабатывает собственным трудом, носило, по существу, сакральный характер, и мотивировалось, как правило, категориями естественного права. “...Нам, гражданам, желательно, чтобы земля, созданная Богом, находилась в общем

пользовании у самих граждан. Поэтому все земли должны перейти во всеобщее пользование нам”(40), - так нередко формулировали крестьяне представления “мира” о справедливости, именно реализации этих представлений и ждали они от революции в первую очередь. Уже на Первом губернском крестьянском съезде в апреле 1917 г. саратовское крестьянство, например, поспешило весомо заявить по поводу земли: “Частная собственность на землю в границах Российской республики упразднена навсегда”. (41) А крестьяне Бряндинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии в наказе своему делегату сформулировали пожелание, которое можно, безусловно, считать единым мнением всего общинного крестьянства: “Вся земля, как то: казенная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, и частновладельческая – должна принадлежать трудящемуся народу, то есть тем, кто обрабатывает ее своими руками” (42). Именно тем, что хуторяне и отрубники “своим личным трудом землю не обрабатывали”, - крестьяне чаще всего оправдывали насильственные действия “мира” по изъятию у тех их земельных участков (43).

Традиционные представления сельской Руси о том, что “земля – ничья, Божья”, и должна поэтому принадлежать не частным лицам, а всему “миру”, крестьяне Поволжья распространяли и на сельскохозяйственные угодья (44), и на леса (45).

По отношению к вопросу о земле часто дифференцировалось и отношение крестьян ко всем остальным вопросам. Характерно, например, сообщение “Симбирской Народной газеты” о том, как в июле проходили выборы в продовольственные управы в волостях Курмышского уезда Симбирской губернии, согласно которому местные крестьяне избирали в должностные лица указанных учреждений преимущественно беднейших крестьян, беря за “мерило положительных качеств” кандидатов отсутствие имущества и особенно земли,

демонстративно отстраняя опытных работников, если они обладали хотя бы некоторой земельной собственностью (46). А сельский корреспондент самарского “Волжского дня” сообщает, что на выборах в Новобуянский Волостной Комитет Народной Власти Самарского уезда достаточно было кому-то пустить слух о том, что местные интеллигенты якобы ожидают за свой труд земельного надела, чтобы местное население потребовало “удалить “господ” от “мужицкого дела” (47). Отношение поволжских крестьян к общинному землепользованию, а так же к отрубному и хуторскому землепользованию и землевладению, наглядно иллюстрируют сохранившиеся анкеты по исследованию сельскохозяйственных вопросов, имеющих непосредственное значение для проведения земельной реформы, которые спускались на места агентами местных земельных комитетов. По поводу первого наиболее часто употреблялись такие ответы, как: “одобительно”, “целесообразно”, “желательно”, “сочувственно”, “признает удобным” и т. п. По поводу же второго - “неудобным считает”, “нежелательно”, “неодобительно”, “отрицательно”, “плохо” и даже “отвратительно” и “с презрением” (48). П. Д. Климушкин обоснованно подчеркнул в своем исследовании, что все хозяйства, не входившие в общину, были “обречены... на неминуемую гибель... Крестьянство, проявившее свою неудержимую тягу к земле, высказало вполне определенно и ясно свое отрицательное отношение к ним и тем предрешило их участь” (49).

С точки зрения современных исследователей данной проблемы, хозяйства хуторян и отрубщиков были поглощены в ходе “общинной революции”, так как они не вписывались в систему так называемой “моральной экономики” крестьянства (50). Крестьяне-общинники и местные “столыпинцы”, по их собственному признанию, ненавидели в это время друг друга “сильнее, чем немцев” (51), отрубники не имели шансов быть избранными “ни на какую должность” (52). Типичным можно признать, например, постановление общего

собрания граждан с. Б. Каменки Самарского уезда, в котором общинники, принявшие решение о переделе земель отрубников, призывают последних подчиниться большинству, и следующими словами буквально формулируют свое понимание “демократии”, характерное для большей части крестьянства: “... таким только путем наш бедный люд, проливавший реки крови, считаем удовлетворенным, если же кучка отрубников считает себя обиженными против такой огромной массы, то им выражаем недобросовестность как вредному элементу, противодействующему свободе”(53).

Разумеется, меньшинство крестьянства, имеющее свои участки и заинтересованное в сохранении частной поземельной собственности, оставшись в революционную эпоху 1917 г. фактически без реальной поддержки со стороны государственного аппарата, не в состоянии было противостоять эгалитарному натиску общинного большинства. Это дает основания исследователям для вывода о том, что “в российской деревне так и не сложился окончательно новый тип личности, способный до конца отстаивать основные принципы буржуазного права” (54). Крестьянство активно развивало свою собственную революцию, календарь которой определялся скорее аграрными циклами, сезонами сельскохозяйственных работ, а не политическими событиями в городах, что также характеризует уровень политического сознания крестьянства (55).

Фетиш Учредительного собрания, которое наконец-то “все решит и всех рассудит”, быстро прекратил играть сдерживающую погромное движение роль. Как было отмечено в докладе Бугульминской уездной управы Самарской губернии в октябре 1917 г., “Учредительного Собрания население ждет с нетерпением, но нельзя сказать того, чтобы оно относилось к этому вполне сознательно” (56). Можно констатировать, что оно и не могло относиться к нему “сознательно”, учитывая характеризуемый уровень этого “сознания”. По мнению

отдельных современных исследователей, “Учредительное Собрание оставалось чуждой крестьянам умственной политической конструкцией: это целый комплекс политико-правовых представлений, имевших длительную историю развития. Они возникли на основаниях и принципах, незнакомых во многом архаическому крестьянскому сознанию...”(57).

Идея решения важнейших вопросов правовым, конституционным путем в условиях революционного хаоса 1917 г. не смогла получить достаточного распространения и укоренения в массовом сознании широких масс, которые исторически тяготели более к правовому нигилизму и оказались подходящей средой для восприятия радикальных лозунгов “грабить награбленное” и призывов к революционным действиям “снизу”, не дожидаясь законов “сверху”. По выражению “Волжского дня”, “вся Россия постепенно превратилась в один большой захват. Рвут все граждане, что попало и как попало. Право затоптали ноги бежавших к легкой добыче. Неприкосновенность личности и имущества грохнули с революционной лестницы, с той самой верхней ступеньки, где прибита была “декларация прав человека и гражданина”(58).

Уже в мае 1917 г. самарские кадеты констатировали со страниц своего печатного органа: “Наивно и грустно говорить сейчас, в этот период душевного народного смятения, об истинной свободе... когда революция и ее основные догмы не проникли еще в нравы людей, а только скользнули по их сознанию”. Причем в качестве важнейших причин правового нигилизма народных масс, наряду с “народным невежеством”, которое, хлебнув из чаши свободы,.. выиграло низменными “страстями”, они называли “тот “тихий погром”, который ведется недоучившимися юношами против интеллигенции, тот погром, который совершают самовлюбленные интеллигенты против неприкосновенности чужого права, для которых гарантии свободы составляют пустой звук. Вот этот погром

основного чужого права, подобно ленинской пропаганде, растлевают смятенную общественную мысль и, падая на низменные инстинкты темной невежественной массы, будит в ней алчность и трусость и придает этим страстям черни то, чего у них нет и не может быть, - видимость оправдания” (59).

Схожую оценку создавшейся в стране ситуации в июле 1917 г. дал в своей докладной записке один из правительственных чиновников, подчеркнувший, что в народном сознании торжествует “психоз мародерства”, “все ищут выгоды” и именно поэтому, по его мнению, “на почве такой массовой психологии теории Ленина прививались очень скоро, получили самое широкое распространение”(60). Сам же В. И. Ленин на обвинения в подстрекательстве и экстремизме не без оснований отвечал, что разлагали массы не большевики, а, прежде всего правящие классы (61), что “страна рабочих и беднейших крестьян... раз в 1000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас”(62), и что “наша революция – не с неба, а родилась и выросла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистической бойне народов, среди миллионов и миллионов людей измученных, истерзанных, одичавших в этой бойне”(63).

Действительно, пропаганда радикалов никогда не могла бы иметь такого успеха, какой она развила в широких массах в 1917 г., если бы сознание этих масс не было исторически к ней предрасположено. По мнению известного западного крестьяноведа Д. Скотта, наблюдаемый в 1917 г. массовый выход крестьянства из берегов дозволенного “не следует приписывать... агитаторам с их идеологиями или даже духу и настроениям революции. Будущие революционные действия уже вполне угадывались в предшествовавшей практике тихого сопротивления и сокрытых умонастроений. Просто изменились условия, заставлявшие прежде прятать эту деятельность, сдерживать и маскировать эти чувства” (64).

Ключ к осмыслению тех особенностей массового сознания, которые обусловили крах постфевральской “демократии” в крестьянской России, по всей видимости, и следует искать в общине, которая, как отмечают исследователи, “стала основной формой крестьянской революции... сопротивляясь интересам государства, города, соседних общин” (65), а черты, ею выработанные и являвшиеся основой “политико-правовой культуры” масс в 1917 г. “противостояли западным образцам” (66).

Фактически, после падения самодержавия, “под железной крышей” которого, по выражению П. Сорокина, “жило сто тысяч крестьянских республик”(67), крестьянские общины выступили готовыми структурными единицами борьбы крестьянства со стремительно терявшим в его глазах нравственный и практический смысл государством. Особенности политических выступлений крестьянства детерминированы его общинным менталитетом, для которого характерно восприятие “миром малым” “мира большого” с недоверием, опаской, а зачастую и просто враждебно, что особенно обостряется в ситуации ослабления контроля государственной власти над общиной, как это и произошло в 1917 г. На протяжении восьми месяцев “демократии” от Февраля к Октябрю поволжские общинники стремятся полностью устранить от участия в делах мира “чужие” с их точки зрения, элементы. В первую очередь это коснулось интеллигентов, которые, возможно, могли бы придать деятельности местных крестьянских организаций конструктивный характер. Но, как констатируется в справке об аграрных беспорядках в поволжских губерниях Главного Земельного Комитета в июле 1917 г., “местная интеллигенция в волостные и даже уездные комитеты не допускается”, и “действия земельных комитетов, ведущие к полному разгрому хозяйственной жизни, до известной степени объясняются также и малокультурным личным составом их” (68). По сообщению “Симбирского Слова” в сентябре 1917 г. во время выборов в волостные земства в Симбирском,

Сенгилеевском, Карсунском, Курмышском уездах Симбирской губернии “сельская интеллигенция встречала враждебное отношение, ввиду ее выступлений против земельных захватов” (69). А орган Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов г. Сызрани “Солдат, рабочий и крестьянин” уже в самом начале лета подчеркивал, что “в настоящее время интеллигенции в народной массе как будто не видно. Народ не видит около себя учителей и, надо говорить правду, по времени кой-где раздаются возгласы негодования. Говорят: это подпаски буржуазии. Другие думают: интеллигенция ушла к кадетам. Ни к кадетам, ни к социал-демократам она не ушла. *Она как будто бы куда-то скрылась и найти ее нельзя*”(70.) Таким образом, крестьянские массы фактически оказались изолированы от интеллигенции, которая, также разочаровавшись в демократии, на деле зачастую проявляла не меньший, чем массы, нигилизм по отношению к легитимным процедурам и институтам. Изоляция интеллигенции и народа и ее абсентеизм способствовали еще более стремительному вырождению февральской “демократии” в “охлократию”, которое приобретало необратимый характер.

Другой важной чертой общинной психологии, также сыгравшей важную роль в общей динамике смуты 1917 г., является ее своеобразный авторитарный коллективизм и отрицательное, как правило, агрессивное отношение к проявлениям индивидуализма. “Чего хотят все, того хочет Бог” - по сути это являлось принципом естественного крестьянского большевизма. “Вопросы о добре и зле решаются “миром”, совесть объективируется, выносится во вне, становится функцией социума, а не личности”, - так описывает характер взаимоотношений личности и коллектива в крестьянской общине ее исследователь С.В. Лурье (71). А Н.А. Бердяев в 1917 г. писал: “Личность человеческая тонет у нас в первобытном коллективизме... Совершенно безразлично, будет ли этот коллективизм “черносотенным” или

“большевистским”. Русская земля живет под властью языческой хлыстовской стихии. В стихии этой тонет всякое лицо, она не совместима с личными достоинствами и личной ответственностью...” (72) При этом следует иметь в виду, что в результате Первой мировой войны, по образному выражению М. Горького, эта “русская стихия” - психология русской массы - сделалась еще более темной, хлесткой и озлобленной (73).

Таким образом, крестьянские “миры”, будучи относительно замкнуты от внешнего мира, внутри были организованы по принципу безоговорочного подчинения большинству, а либеральные идеи о приоритете личности не могли найти опоры в массовом сознании общинников. Как удивленно свидетельствует английский писатель Уоллес, живший в русской деревне в конце XIX в., “Крестьяне привыкли работать сообща и заботиться об общем благосостоянии, проявляя безоговорочное послушание воле мира. Я знаю много случаев, когда крестьяне оказывали неповиновение полиции, губернатору и даже центральному правительству, но я никогда не слышал о случаях неповиновения миру кого-либо из его членов” (74).

Пошатнувшееся было в результате столыпинской реформы деспотическое единство общины, после фактического развала поддерживающих эту реформу карательных структур самодержавной власти, в 1917 г. еще более усилилось, по революционному ужесточив формы внутригруппового контроля, подчиненности личности социуму, ориентированному на общепринятые образцы. “Старый общинный дух жив”, - убежденно констатировала “Симбирская Народная газета” уже весной 1917 г. (75) Нередко за неповиновение “обществу”, последнее применяло к своим членам “меры убеждения”, также наглядно характеризующую общинную “политико-правовую культуру” в эпоху послереволюционной “демократии”. Так, например, в с. Семеновка Бугурусланского уезда, Самарской

губернии, за отказ выполнить мелкое поручение общины, местный крестьянин был “арестован” и посажен как “враг свободы” в амбар “для исправления”. “А вот, значит, посадили, чтобы, значит, слушал общество, а то его посылают со сходки за человеком сходить, а он не хочет”, - так, по сообщению местного корреспондента Волжского дня”, объяснили сельчане свое решение (76).

В условиях безвластия в государственном масштабе, на местном уровне сельские сходы становятся фактически всевластными, подменяя функции официальных органов, верша “правосудие”, зачастую приговаривая правонарушителей к различным мерам наказания, вплоть до смертной казни, и приводя эти приговоры в исполнение без лишних “формальностей” (77). По выражению городских современников, к октябрю 1917 г. вся сельская Россия перешла “в вопросах правосудия на положение страны зулусов” (78).

“Свобода” была воспринята массами как вседозволенность, и демократия, преломившись через общинное сознание, породила фантазмагорические картины анархии. Между отдельными общинами в Поволжье дело доходило порой до настоящих организованных побоищ целыми селениями за спорные земли, в которых “оккупированные земли” оставались за “победителями” (79). Так, например, в сентябре 1917 г. в Бузулукском уезде Самарской губернии крестьяне милюковские и больше-ремезенские под предводительством солдат одержали “победу” в “битве” с крестьянами богдановскими, которые потом захватили в “заложники” несколько человек из “лагеря победителей”. При этом Богдановская земельная управа в объединенном совещании всех богдановских волостных учреждений в полном соответствии с “духом времени” вынесла постановление об объявлении некоторых граждан села Б. Ремизенки “врагами революции, свободы и Временного правительства” (80).

По существу, все приговоры сельских сходок, постановления сельских и

волостных комитетов, указы делегатам крестьянских съездов представляли собой общинную форму реализации крестьянского правосознания, а все низовые крестьянские организации выражали общинный механизм социальных действий (81). Постановления, решения, резолюции комитетов, Советов, съездов при необходимости подвергались тенденциозному истолкованию в общинном духе так, чтобы можно было обосновывать ими традиционные общинные формы социального поведения. Фактически все в это время стала решать толпа. Так, типичным можно признать сообщение “Волжского дня” о том, что уже весной местные волостные комитеты принуждены “делать так, как требует толпа. Если кто-либо из членов комитета попросит толпу не кричать, не вмешиваться в действия комитета, то ему кричат: - Ты за старый режим: не надо нам тебя...” (82)

Для общинного сознания характерны были склонность к восприятию как правило простейших рецептов решения тех или иных проблем, мышление общинника имело синкретичный характер, для него практически не существовало “оттенков”, “полутонов”. По меткому выражению Г.П. Выжлецова, “для русского духа нет полутонов, он мир делит пополам: или – или; для него вера и безверие одинаково безмерны...” (83) С этим связана одна из важнейших особенностей общинной психологии крестьянства – сравнительная легкость перехода к крайностям социального поведения, в концентрированном виде находящим выражение в двух основных полярных поведенческих стереотипах: или – “рабское смирение”, или – “бунт, бессмысленный и беспощадный” (84). Как заметил летом 1917 г. на заседании Главного Земельного Комитета эсер Н.Я. Быховский, “надо ведь не забывать, что русское крестьянство – это каторжники, которых держали в течение долгих веков в каторжной тюрьме, скованных по рукам и ногам. И только теперь они вырвались на свободу. Можно поражаться, что при малокультурности нашей деревни, которую держали до сих пор в темноте, при наличности той злобы, которую питало крестьянство к помещику

сословию, к дворянам, можно поражаться, что жалоб, имеющих здесь, сравнительно еще не так много” (85). Яркую картину перерастания “революции” в “бунт” дал в это же время со страниц “Волжского дня” кадет Б. Соколов: “...Ужас современного периода русской революции как раз и заключается в том, что мы до сих пор не можем слиться в единодушном творческом порыве, а наоборот, на сцену нашей жизни все больше и все чаще в самых недопустимых и губительных проявлениях выступают анархические разрушительные силы... Чем объяснить этот добровольный отказ от свободного творчества и безудержную тягу в мрак анархии и разрушения? Причины найдутся. И среди них одной из важных является наша национальная... стихия безудержного и бессмысленного разрушения во имя самого разрушения, разрушение во имя русского размаха и разгула”... По мнению этого либерального обозревателя, “страна векового рабства, унижительного холопства и крепостничества не приучила народные массы к правосознанию. На этой почве угнетения выросло губительное и позорное, но возведенное нашими славянофилами в идеал, пресловутое “смирение” или, просто говоря, равнодушие раба к политической жизни своей родины. Но на этой же почве рабства при отсутствии элементарного правосознания и чувства гражданственности в народных массах родится также тот идеал, по которому раб – бунтарь стремится стать господином, усвоив в себе все его деспотические признаки и свойства. И вот в русской жизни мы и видим эти вечные колебания между рабским смирением и покорностью сильным мира сего и бунтарским стремлением повластвовать и похозяйничать так, как хозяйничали и разбойничали прежние господа положения” (86).

В связи с этим можно отметить также, что эта стихия безудержного разрушения является постоянно угрожающей крайностью русского культурного архетипа в критические моменты утраты основополагающих ценностей, а ведь именно “к 1917 г. народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет

веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои... - как отметил Г.П. Федотов, - В 1917 г. народ максимально беспочвен, но и максимально безыдеен” (87). Традиционная “русская идея” – национально-патриотическая и православно-монархическая - была фактически девальвирована, но новой, доступной массовому сознанию, “идеи”, способной скрепить устои “демократической” государственности и консолидировать общество, пришедшие на смену самодержавию силы так и не сумели. В условиях “потери почвы” идеологический вакуум в массовом крестьянском сознании заполнялся социалистической идеологией, сыгравшей, как отмечают современные исследователи, роль “квазирелигии”, оказавшись, по сути, “наиболее адекватной политизированной формой эгалитаризма”(88). А такой общинной черте массового сознания, как стремление делить людей на “своих” и “чужих” и готовность к расправе над последними, отвечал активно создаваемый практически всеми политическими партиями левее кадетов новый образ врага - в виде “буржуя” – фактически способствовавший консолидации крестьянских масс на “негативистской” основе и все большей актуализации отрицательных сторон крестьянской “политической и правовой культуры” .

Необходимо отметить, что все нарастающая радикализация крестьянских масс, находившая яркое выражение в традиционном для бунтующей общины захватном движении, постепенно перераставшем во “всероссийский погром”, сочеталась со все усиливающимся равнодушием большинства крестьян к демократическим процедурам и институтам. Это особенно явно проявилось в ходе осенних выборов в волостные земства .

Так, например, в Самарской губернии при выборах по Спасскому избирательному округу из 3500 выборщиков явилось не более 300, по Васильевскому – не более 400 (89). И это являлось характерным для всех

поволжских губерний. “Устали выбирать. Так заявляют крестьяне” – удрученно сообщала “Симбирская Народная Газета”, указывая на “полнейшую какую-то холодную безучастность крестьян к выборам” (90).

“Госказна пуста. Темнота бесконечна. Невежество безгранично, нет ни порядка, ни власти. Каждый чувствует себя суверенным, - обратился с воззванием к населению П.Сорокин – На что еще можно надеяться и на кого опереться ? – На демократию, отвечают мне. На демократию? На какую? Не на ту ли, которая требует демократических законов о выборах, и когда эти законы даны, является к урнам в количестве 3-10 % избирателей” (91).

Симбирские эсеры с горечью констатировали: “А ведь всем казалось, что хуже деревенского мужицкого житья-бытья и быть-то не может. И много светлых людей погибло в тюрьмах, сложило свои головы на плахе только для того, чтобы дать мужику вздохнуть свободно, дать ему возможность развернуться так, как он сам хочет, а не так как указывали становые с урядниками да важные бары, сидевшие в земстве и швырявшие трудовыми мужицкими грошами так, как хочется – это время наконец настало, но крестьянин, получив то, что ему дали другие, вместо того, чтобы с благодарностью взять дорогой подарок и воспользоваться им как можно скорее и лучше, бросил его под ноги, придавил грязным лаптем и сказал: **НЕ ЖАЛАЮ!..**” (92)

Характеризуя глубину социокультурного раскола между российским крестьянством и российской элитой, некоторые западные авторы даже считают, что “российское сельское население жило в несравненно более обособленном мире, чем селяне на западе или даже в странах, которых не коснулась вестернизация. Характер его отношений с чиновничеством и интеллигенцией можно уподобить, во всех смыслах, кроме расового, отношениям между коренными жителями Африки и их колониальными властями. Крестьянство

оставалось глухо к влиянию Запада, лепившего из элиты нации европейцев, и сохраняло верность культурным традициям Московской Руси. Русские крестьяне говорили на своем диалекте, придерживались своей логики, преследовали свои интересы и на бар смотрели как на чужаков, которым приходится платить налоги и поставлять рекрутов, но с которыми у них не может быть ничего общего. Русский крестьянин был предан только своей деревне, родной волости, в лучшем случае смутное чувство патриотизма простиралось на губернию, А в национальном масштабе патриотизм сводился к верноподданничеству царю и подозрительности к инородцам...”(93)

Можно констатировать, что логика событий, развернувшихся в Поволжье в марте-октябре 1917 года, подтвердила эту художественно заостренную оценку отношений, сложившихся между политическими “верхами” и крестьянскими массами в России. Система нормативно-ценностных представлений поволжского, как и российского в целом, крестьянства о “правильном порядке” оказалась в непримиримом противоречии с новыми ценностями, провозглашенными пришедшими после Февраля к власти политическими силами. Именно этот социокультурный раскол между массами и новой “элитой”, идеологически игнорировавшей большинство населения страны, и послужил фактически главной причиной краха повисшей в воздухе “демократии”, что в последнее время начинают признавать также и отечественные историки русской революции. Так, по мнению И.Я. Фроянова, сама Октябрьская революция, “будучи непосредственным откликом на события “текущего момента”, представляла собой в то же время итог длительного... исторического развития России, конечный трагический акт в драматическом противостоянии дворянства и крестьянства. Образно говоря, Русская земля разрешилась от своего 200-летнего бремени народной революцией...” (94) К сходному выводу приходит и В.П. Булдаков, подчеркивая, что “глубинные причины российской революционной

смуты начала XX в. действительно коренятся в расколе – ужасающем взаимоотношении все более европеизирующихся элит и все более склонного к общинной замкнутости крестьянства”(95). Это же давно замечали и многие представители русского зарубежья, которые воспринимали Октябрьскую революцию как “массовый отказ народа от европейской романо-германской культуры...” (96)

Материалы Поволжья убедительно свидетельствуют, что к осени 1917 г. явственно обозначился фактический массовый отказ общинного крестьянства, составлявшего абсолютное большинство населения, от поддержки демократических институтов власти, обусловленный, прежде всего, их неадекватностью политическому и правовому сознанию российского крестьянства. На Московском Совецании общественных деятелей один из докладчиков так подвел итоги “демократии” в России: “Весь опыт революции доказывает, что громадная часть населения России культурно и общественно-политически не подготовлено к широкому государственному самоуправлению на основах права, заботе об общегосударственных и национальных интересах и уважении к неотъемлемым в культурном обществе правам личности”. Докладчик отметил, что утвердилась не демократия, а анархия, что население ожидает гражданская война, а “социалистическое крыло интеллигенции” демагогической пропагандой довели массы “до состояния, при котором ни одно трезвое слово не доходит до народного сознания”. Единственным выходом их создавшегося положения, по мнению докладчика, являлось утверждение диктатуры (97). С этим мнением трудно не согласиться. Вопрос осенью 1917 г. уже фактически заключался лишь в том, какая политическая сила сможет установить эту диктатуру и найдет ли она поддержку со стороны крестьянского большинства.

Ответ на этот вопрос связан с деятельностью ведущих политических партий и

отношением к ним со стороны крестьянства, позиция которого определяла судьбу этих партий.

Примечания

- 1-См., напр., Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М. , 1989. С. 14.
- 2- Там же.
- 3- См.: Фурсов А. И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности. // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М. , 1993. С. 67-68.
- 4- Пайпс Р. Россия при большевиках. М. , 1997. С. 578 , 580-581.
- 5- См.: Гордон А. В. Указ. соч.
- 6- История ВКП(б). Краткий курс. М., 1940. С. 16.
- 7- Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918гг. // Анатомия революции. 1917 год: массы, партии, власть. СПб, 1994. С.230.
- 8- Там же.
- 9- Там же.
- 10- Короленко В.Г. Земли! Земли!: Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. С.108.
- 11- Цит. по: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. М., 1996. Т.2. С.707-708.
- 12- Журнал Чрезвычайного Симбирского Губернского Земского Собрания . Симбирск, 1917, 2 июня, С. 95.
- 13- Там же. С. 99.
- 14- Волжский день. Самара , 1917 . № 98 (9 мая) .
- 15- Бердяев Н. Революция и культура // Российские либералы: кадеты и октябристы. М. , 1996. С. 103-104.
- 16- Цит. по: Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902-1922 // Крестьяне и власть. М. – Тамбов, 1996. С. 17.
- 17- ЦДНИ УО Ф.57. Оп. 1. Д.212. Л.2.
- 18- Короленко В.Г. Указ. соч. С. 18-19.
- 19- Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы

- духовного освобождения. М., 1988. С. 95.
- 20- Симбирская Народная газета. Симбирск, 1917. № 58 (1 октября).
- 21-См.: Герасименко Г.А. Политическое положение саратовской деревни 1917 года // Поволжский край. Саратов, 1988. Вып. 10. С.20.
- 22- Милюков П.Н. История второй русской революции // Российские либералы... С.275-276
- 23- Там же. С. 275
- 24- ГАСО. Ф.1000. Оп.2. Д.6. Л.3 Об.
- 25- Там же. Д.5. Л.53.
- 26- Симбирская Народная газета ... № 9 (11 мая)
- 27- ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.138. Л.206 Об.
- 28- Климушкин П.Д. История аграрного движения в Самарской губернии //Революция 1917-1918 в Самарской губернии. Самара , 1918. Т.1 Отд.2 С.7
- 29- ГАРФ.Ф.579. Оп.1. Д.845. Лл.26-27.
- 30- Там же. Ф.523. Оп.2. Д.20. Лл. 15-16.
- 31- Цит. по: Кабытов П.С, Козлов В.А. , Литвак Б.Г. Указ соч. С.88
- 32- ГАСО. ФП. 3500. Оп.1. Д.201. Л.8.
- 33- ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д.138. Л.207.
- 34- Там же. Ф. 1796.. Оп. 1. Д. 71. Л.198.
- 35-См.: Рамазанов А.Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско-Симбирского Поволжья). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995. С.103.
- 36- Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х тт. М., 1985. Т.ХХI. С.259-260.
- 37-Книпович Б. Очерки деятельности Наркомзема за три года (1917-1920 гг.1920). М., 1920. С.9.
- 38- Пайпс Р. Россия при большевиках... С.582.
- 39- ГАРФ. Ф.1796. Оп.1. Д.5. Лл.6,16,32.
- 40- ГАУО. Ф.677. Оп. 2. Д.101. Л.60.
- 41- См.: Саратовский вестник. Саратов, 1917. № 77 (11 апреля).
- 42- См.: Известия Самарского Совета рабочих депутатов. Самара , 1917, 19 мая.
- 43- ГАСО. Ф.823. Оп.2. Д.11. Л.167.
- 44- См.: Рамазанов А.Г. Указ. соч. С.116.
- 45- ГАУО. Ф.947. Оп.1. Д.91. Л.4. Об. ; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г. – июнь 1918 г.). Сб. док. Ульяновск, 1957. С.54.
- 46- Симбирская Народная газета... № 103.
- 47- Волжский день... № 95 (5 мая)
- 48- См.: ГАСО. Ф.823. Оп.1. (Напр., Д.3...).
- 49- Климушкин П.Д. Указ. соч. С.31-32.
- 50- См., напр., Люкшин Д.И. Крестьяне – общинники Казанской губернии в

социально-политических сдвигах начала XX века. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Казань, 1995. С.17.

51- См.: Рейли Д.Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов, 1994. С.45.

52- См.: Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. Саратов, 1974. С.62-63.

53- ГАСО. Ф.768. Оп. 1. Д.2. Л.9.Об.

54- Рамазанов А.Г. Указ. соч. С.136.

55- См.: Файджес О. Указ. соч. С.232.

56- ГАСО. Ф.823. Оп.1.. Д.2. Л.216 Об.

57- См.: Анатомия революции... С.260.

58- Волжский день... № 222 (12 октября).

59- Там же. №100 (13 мая).

60- ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.68. Л.61.

61- См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.256-257, Т.36. С.115.

62- Там же. Т.32. С.35.

63- Там же. Т.36. С.475-476.

64-Скотт Дж. Оружие слабых: формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1996. С.56.

65- Файджес О. Указ. соч. С.231.

66- Семенникова Л. Октябрь 1917-го... Что же произошло? // Свободная мысль. М., 1992, № 15 (октябрь). С.12.

67-Цит. по: Симуш П.И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. М., 1991. С.234.

68- ГАРФ. Ф.1796. Оп.1. Д.71. Лл.188-188 Об.

69- Симбирское Слово. Симбирск, 1917. № 143 (12 сентября).

70- Солдат, рабочий и крестьянин. Сызрань, 1917. № 8 (6 июня).

71- Лурье С.В. Как погибла русская община. //Крестьянство и индустриальная цивилизация... С.138.

72- Цит. по: Кантор В.К. Стихия и цивилизация: два фактора “российской судьбы” // Вопросы философии. 1994. № 5. С.27.

73- Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М.,1990. С.185.

74- Цит. по: Симуш П.И. Указ. соч. С.234.

75- Симбирская Народная газета... №11 (17 мая).

76- Волжский день... №150 (13 июля).

77- См., напр., ГАРФ. Ф.1791. Оп.6. Д.172. Л.16.; Д.165. Л.38.

78- Там же. Д.165. Л.38.

79- ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 6 Д.164. Л.61.

80- Там же. Л.22.

- 81- См.: Рамазанов Г.П. Указ. соч. С.105-106 .
- 82- Волжский день... №94 (4 мая).
- 83- Выжлецов Г.П. Духовные ценности и судьбы России. // Социально-политический журнал, 1994. № 3-6. С.31.
- 84- См.: Бокарев Ю.П. Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении. // Менталитет и аграрное развитие России. (XIX-XX). М., 1996. С.167-172.
- 85- ГАРФ. Ф.1796. Оп.1. Д.5. Л.24.
- 86- Волжский день... № 144 (6 июля).
- 87- Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. СПб., 1991. Т.1. С.98-99.
- 88- См.: Анатомия революции... С.270,261.
- 89- ГАРФ. Ф.1791. Оп.6. Д.165. Л.26.
- 90- Симбирская Народная газета... № 63 (13 октября).
- 91- См.: Там же. №55 (8 октября).
- 92- Там же. № 51 (13 сентября).
- 93- Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч.1. С.104-105.
- 94- Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С.45.
- 95- Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М. ,1996. С. 9.
- 96- См.: Омельченко Н. А. В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб., 1996. С. 15.
- 97- ГАРФ. Ф.3529. Оп.1. Д.31. Лл.1-2.

2.2. *Отношение крестьян к ведущим политическим партиям Поволжья*

Современными исследователями российской смуты 1917 года отмечается “химеризм политических доктрин” того времени (1), причем в литературе уже было особо подчеркнута важное в контексте данной работы положение о том, что “когда мы анализируем выступления представителей тех или иных партий, нужно обращать внимание не только на партийные программы, но и на умонастроение входящих в партии людей. Возможно, существует некая разделительная граница между носителями одного менталитета и другого безотносительно к программным установкам, которые зачастую оказываются близкими. В какой-то ситуации люди с разными программами могут найти общий язык, а люди с одной программой могут этого общего языка не найти. Все это представляется важным для анализа политических процессов в их развитии. Особенно большое значение при оценке той или иной партии приобретает свойственный ей модуль поведения ... ” (2). К этому стоит добавить слова известного кадетского деятеля В.А. Маклакова, который в своих воспоминаниях справедливо указывал: “Политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. *обывательской* массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии *обыватель*. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить. Суждение обывателя проще” (3).

Таким образом, в этом параграфе предпринимается попытка кратко выделить лишь узловые моменты, характеризующие отношение крестьянства к деятельности основных политических партий, активно функционировавших в

Поволжье от Февраля к Октябрю 1917 года, причем в центре внимания находятся не программные установки различных партий как средство борьбы за массы, а “модули поведения” этих партий и их отношение с “модулями поведения” самих масс, не степень соответствия объективным интересам крестьянства аграрных и прочих партийных проектов, а непосредственно отношение его к самим партиям, какими они представлялись массовому сознанию крестьян вне зависимости от непонятных для него доктринальных построений. При анализе поставленной проблемы необходимо учитывать, что даже весьма образованные люди в России, как, например, популярный московский адвокат Ф.Н. Плевако, и при вступлении в партию заявляли: “Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?” (4) Тем более не разбирались в теоретических тонкостях политических программ поволжские крестьяне, об уровне политической и правовой культуры которых говорилось выше. Газета “Симбирянин” так охарактеризовала “готовность” местного сельского населения к участию в партийно-политической деятельности: “Ни для кого не секрет, какой толстой пеленой вековечной мглы окутана наша деревня. Тяжесть этой мглы, этого одурманивающего тумана, стала особенно сильно ощущаться за последнее время в связи с нашим государственным переворотом. Жизнь всколыхнулась, как взбунтовавшееся море, - она вышла из берегов, потеряв старое русло и, не найдя еще нового, потекла в разные стороны по разным, может быть, совершенно случайным направлениям”. Да и “сами партии, - по образному выражению Л.Г. Протасова, - являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации” (6). Так, например, видный либерал И.И. Петрункевич считал, что российские “либералы, радикалы и революционеры” различались не политическими целями, а темпераментом” (7).

А самарская кадетская газета “Волжский день” в июле 1917 года сообщает: “В провинциальных уездных городишках совершенно нельзя установить, к какой

партии принадлежит тот или иной общественный деятель. Вчера был социал-демократ, сегодня - социалист-революционер, а завтра он будет, наверное, кадетом. Никакой партийной дисциплины и чистоты. Социал-демократы вступают в блок с явными черносотенцами, социалисты-революционеры с какими-то беспартийными субъектами” (8).

Таким образом, крестьяне должны были определить свое отношение к политическим партиям в ситуации, когда, как писал кадетский идеолог А.С. Изгоев, каждая партия “своих соседей ругает “буржуями””. Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков буржуями, а меньшевики доказывают, что большевики - мелкобуржуазная партия” (9).

Причудливость картины российской многопартийности позволяет отдельным современным исследователям сделать вывод, что “партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов” и “российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом “пустоцвет”, способный, однако, провоцировать смуту” (10).

В таких условиях политическим партиям Поволжья и пришлось соперничать в 1917 г. в борьбе за “темные” крестьянские массы, от восприятия которыми партийной агитации и пропаганды в конечном итоге и зависело, какая из партий

придет к реальной власти. Вопрос этот достаточно сложен. Так, О.Г. Буховец справедливо отмечает, что, если “для линейного эволюционизма иницирующее воздействие ... агитаторов на крестьянское движение... представляется как бы само собой разумеющимся и во всяком случае не нуждающимся в верификации”, то “на самом деле подобный наивный реализм ... уводит нас от исторической действительности” (11).

Яркую аутентичную картину воздействия политической пропаганды в деревне воссоздает “Волжский день”:

“Если же вы красноречивы и знаете психологию крестьянина, берущую свою силу из кошмара, фантастического и грубо реального миров, если можете силой своего голоса прекратить не только громкую беседу, но и шепот, если можете забраться в самое сердце этого честного и загадочного дикаря, то успех обеспечен. Вы превратите всю эту массу отдельных личностей в одно громадное, решительное и преданное вам существо. Это существо - ваш раб и враг смертельный противника вашего. И если явится какой-то смельчак, чтобы высказать кой-что не в вашу пользу, то, в лучшем случае, ему не дадут говорить. Провинция полна подозрительности и недоверия. И если кто-либо из товарищей после такого удачного выступления подумает, что здесь все сделано, что народ разделяет с ним одни и те же мнения, что он раз навсегда доказал правоту того, что излагал слушателям, то такой товарищ непростительно ошибается. То, что случилось сегодня - случилось каким-то чудесным образом. Завтра многие придут в себя и скажут, почесывая затылок:

- Одурачил.

Собеседник сразу соображает, о чем идет речь, и в тон отвечает:

- Здорово, куманек, оболванил” (12).

Типичны воспоминания о том времени бывшей крестьянки Самарской губернии М. Хамелевой: “Приезжали представители различных партий. Крестьяне

запутались окончательно в программах партий и горестно разводили руками: “Зачем столько партий. Нам надо только мир и земли. Неужели без партии это нельзя дать”. А женщины прямо заявляли: “Мы за ту партию, которая войну кончит ... ” (13).

Не без хитрецы ссылаясь на свою “темноту”, поволжские крестьяне использовали речи тех или иных заезжих ораторов, партийная принадлежность которых на первых порах не имела для них практически никакого значения, в качестве “авторитетного” обоснования “правомерности” традиционных мирских вожелений. “Крестьяне говорили: “В партиях мы еще не разбираемся, но помещичью землю надо брать сейчас же”, - вспоминает бывший большевистский пропагандист И.А. Петровский о результатах своих поездок по селам Самарской губернии (14), а его “коллега” А.Д. Михайлов указывает, что в ответ на агитацию, предложения программ, книг, газет, “крестьяне выслушивали нас и, почесывая поясницы, невозмутимо заявляли:

- Мы народ темный, ничего не понимаю, нам бы вот поскорей сыновей с войны вернули, да землички того ... побольше ... ” (15).

Отношение крестьян к различным партиям наглядно характеризуют их высказывания после того, как в ходе аграрного движения частновладельческие земли уже были фактически захвачены местными общинами, летом 1917 г. приведенные на страницах журнала самарских социалистов-революционеров “Голос земли”: “Нам теперь никаких политических партий не надо ... землю мы взяли, отнять ее у нас никто не сможет ... ” (16)

Таким образом, пропагандистская работа партий в деревне давала результаты лишь в том смысле, что крестьяне использовали предлагаемые им “модули”, насколько они отвечали общинным “векторам поведения” в ситуациях ослабления государственной власти, а партии объективно способствовали разложению факторов, сдерживающих проявления стихии крестьянского бунта. В

обзорах МВД неоднократно подчеркивалась связь роста правонарушений с тем, что “деревня, очевидно, стала ощущать и воспринимать идеи и программы, выработанные и принятые в городских центрах” (17), что “крестьянство проникается политическими лозунгами” и “ищет закономерных путей для достижения *своих* (выделено автором - М.П.) целей” (18), а местная пресса констатировала “отсутствие надлежащего спокойствия” в деревнях как “результат проповеди бродящих ораторов” (19).

При попытке дифференцировать отношение крестьянства к различным политическим партиям необходимо особо подчеркнуть еще раз сложность поставленной проблемы в связи с уровнем политического сознания “большинства” деревенских жителей, не позволявшего им отчетливо определить свой выбор. Так, например, в сентябре 1917 г. Ардатовский уездный крестьянский съезд Симбирской губернии оказался не в силах разрешить вопрос о поддержке той или иной партии при выборах в Учредительное Собрание и, не придя к определенному решению, разъехался. Та же участь постигла и Сенгилеевский уездный крестьянский съезд (20). Уже даже и после октябрьского переворота большевистские агитаторы в своих отчетах вынуждены были констатировать, что поволжские крестьяне совершенно не отличают одну партию от другой и “вообще здесь политики не знают” (21).

Тем не менее, можно отметить некоторые принципиальные моменты формирования отношения крестьянства Поволжья к основным из действующих здесь партий, учитывая, что каждая из них представляла на рассмотрение данному “общественному субъекту” относительно определенные мировоззрение, шкалу ценностей, модель поведения, в процессе “примерки” которых на личностном уровне осуществлялся некий выбор путем соотнесения традиционных ментальных стереотипов с идеологическими установками разнородных политических сил и

происходило поэтапное движение от политической пассивности к сравнительной политической определенности (22).

Именно этот процесс политической ориентации огромных крестьянских масс и стал предметом острого межпартийного соперничества от Февраля к Октябрю 1917 г. Характеризуя политическую борьбу этого времени, Л.Г. Протасов заметил: “ ... просматривается своеобразное троецентрие: либералы во главе с кадетами, блок умеренных социалистов-эсеров и меньшевиков, большевики. Их взаимодействием определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные и промежуточные партии” (23).

Таким образом, осмысление хода политической борьбы в указанный период связано с выяснением характера взаимосвязей крестьянства, прежде всего, с кадетами, меньшевиками, эсерами и большевиками.

Фактически, от отношения крестьян к партии конституционных демократов зависела после Февраля 1917 г. судьба либеральной альтернативы в России. Но, как уже было отмечено, ценности либерализма (гражданский индивидуализм, представительная демократия, частнособственнические рыночные отношения, идея права и т.д.) вступили в противоречие с массовым сознанием крестьянства, со стереотипами его традиционной патриархально-авторитаристской политической культурой, притяжением общинно-приходских социумов, своеобразным антитехнологизмом “моральной экономики”, правовым нигилизмом (24). Либералы отказались от “субъективно-чувственных” аспектов в решении крестьянского вопроса и бросили вызов общинному крестьянству, подчеркнуто заявляя, что “современную экономическую культуру сделали не народы общинников, а народы собственников” (25). “Партии Народной Свободы” не удалось найти опоры в массовом народном сознании (26), черты которого характеризовались выше. Как признал ее лидер П.Н.Милюков: “Никто не будет

отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения” (27).

В условиях все более обострявшегося кризиса, на фоне пропаганды социализма практически всеми остальными партиями и радикализации масс, кадеты подчеркивали свою “несочувственность” “социалистическим направлениям в аграрном вопросе” и отмене частной собственности на землю (28), что противоречило общинным взглядам народного большинства.

Так, самарский кадет В.А. Кудрявцев в предвыборной брошюре “Что хочет партия народной свободы” подчеркивал необходимость стремиться к тому, “чтобы земельный вопрос был разрешен мирно, справедливо, чтобы всем было хорошо и никому не обидно”. Массам, жаждавшим простых решений, он указывал: “Трудно решить так, чтобы все были довольны. Партия чужда дешевых обещаний”. А акцентирование “внеклассового характера” партии, того, что она “совершенно чужда всему тому, что вносит непримиримый классовый характер” (29) в атмосфере все большего накала страстей также не находило понимания у масс. Фактически, ПНС стала “чуждой” своему народу и своему времени.

К тому же сами выступления кадетских деятелей и предлагаемые ими проекты решения тех или иных вопросов оказывались, как правило, недоступны для понимания широким массам, учитывая уровень их подготовленности к восприятию такого рода информации. Как отмечает В.Г. Кичеев, “... единственной аудиторией, которая могла бы внимать кадетскому слову, оставалась сама интеллигенция” (30). Это признавали и сами кадеты. Так, “Волжский день” сообщал, что выступления агитаторов в сельской местности вносят еще большую путаницу в умы крестьян, где “смешаются в кашу каркарные, земельные и прочие вопросы, и они ничего не поймут” (31). Даже внешний вид представителей кадетской партии восстанавливал массы против нее, ибо “у нашего населения самые смутные понятия о буржуе”: кто чуть получше одет - тот и буржуй и

доверять ему нельзя” (32). В условиях, когда, по свидетельству эсера Г.А. Ландау, “толпы обывателей, одинаково далеких от социализма, демократизма, либерализма, объявили себя... социалистами”, “быть социалистом, заявлять себя таковым, вступать в социалистическую партию стало просто требованием бонтона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы дерзать отмежевываться от социализма” (33), кадет в массовом сознании становится воплощением образа врага. Ответом народа ораторам-кадетам становится: “Мы крестьяне, а вы - буржуй” (34).

В атмосфере “митинговой демократии” кадетские интеллигенты практически не имели шансов на понимание толпы. “Ты не виляй как собака хвостом, говори прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие - в вашем списке. Нет у них, братцы, трудовых людей - все у них купцы, помещики али их сынки или прихвостни их - кричат солдаты - большевики с разных сторон”, - передает в своих воспоминаниях картину обычного солдатского митинга в Самарской губернии бывший солдат Д.В. Белицкий. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути решения наболевших проблем, о том, что “без закона нельзя”, тотчас раздавалось: “Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад и чтобы летел с трибуны головой вниз!” (35)

К осени 1917 г. озлобление крестьянских и солдатско-крестьянских масс по отношению к членам конституционно-демократической партии достигает апогея.

Так, например, в Самарской губернии, при выборах в Бугурусланское уездное земство “группа солдат, увидя мальчика, раздававшего бюллетени кадетской партии и записки с партийными кандидатами с №1, набросилась на него, повалила на землю, вытащила из его кармана все записки и торжествующе разорвала их в клочья” (36).

Как констатировала “Симбирская Народная газета”, “при нашей свободе бьют и много, и часто” (37). И действительно, российская “демократия” в это время является свободой безнаказанного насилия, жертвами которого все чаще становятся кадеты, во многом ставшие для широких масс олицетворением inferнального “зла буржуазии”. Характерно, что эти массовые акты насилия зачастую происходили как раз в ходе “реализации” “демократических” процедур. Так, 17 сентября, в ходе волостных выборов, в с. Дергачах, Новоузенского уезда, Саратовской губернии, толпа избивала членов Избирательной комиссии (в том числе били и избирательными урнами) и всех членов Партии Народной Свободы, оказавшихся в это время на территории избирательного участка, за исключением двух кадетов, спасшихся бегством через окно второго этажа.

В своей жалобе властям члены ПНС в качестве причины этой “народной агрессии” указали на “проповедь товарищей о борьбе с буржуями до победного конца” (38).

Центральный кадетский орган “Речь” сообщил 28 сентября, что при выборах в волостное земство в Кинель-Черкассах, Бугурусланского уезда, Самарской губернии, у бугурусланского комитета ПНС была “конфискована” квитанционная книжка, а секретарь местного Комитета Народной Власти заявил народу, что ПНС - это партия “черносотенная” и “провокационная”, и что сам Керенский, мол, издал секретный циркуляр о том, что эту партию нужно преследовать. В ответ на это возбужденная толпа обещала кадетам “кишки выпустить” (39).

В Елшанской волости, Вольского уезда, Саратовской губернии, толпа избивала и ограбила отрубщиков “за пропаганду Союза земельных собственников и принадлежность к ПНС”.

Характерно отношение к происшедшему со стороны местного уездного комиссара, который как представитель власти “не принял никаких мер, а на

просьбу о прекращении беспорядков, ответил: “Вы надоели мне как собаки, и убирайтесь от меня к черту”” (40).

Таким образом, либералы, пытаясь воплотить в жизнь свои теоретические программы, игнорируя реалии крестьянского сознания, проиграли борьбу за массы, отторгнувшие либеральную альтернативу в конкретно-исторических условиях 1917 г.

Проследить отношение поволжских крестьян к РСДРП(м) как самостоятельному политическому субъекту еще более сложно, так как фактически меньшевики почти не проводили реальной работы непосредственно в среде сельского населения. Тем не менее, рассматривая проблему политической альтернативы 1917 г., нельзя оставить без внимания “модуль поведения” по отношению к крестьянству и соответствующие ему перспективы “обратной связи” партии, которая являлась “мозгом революционной демократии” (41), вела за собой большинство Советов (кроме крестьянских) и профсоюзов, чей политический приоритет признавала эсеровская партия (42), и которая “снабжала всю контрреволюцию теоретическими доводами против большевиков” (43).

Но, являясь влиятельной силой “революционной демократии”, партия меньшевиков не искала опоры в массовом сознании многомиллионного российского крестьянства, ибо, как выразился член ее ЦК Н.А. Рожков, “социал-демократия исходит из одного - из соображений интересов пролетариата”, а если “крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним” (44). А другой ее лидер, А.Н. Потресов, выступая на Всероссийском объединенном съезде РСДРП летом 1917 г., сформулировал позицию меньшевизма по отношению к крестьянству следующим образом: “Русское крестьянство, как ни в какой другой стране, отличается традиционной аморальностью. Мы вынуждены судорожно искать буржуазию. Нам приходится делать это потому, что если мы буржуазию не найдем, кривая мелкой буржуазии нас не вывезет... на мелкой

буржуазии мы завалимся... она меньше всего способна осуществить те творческие задачи, которые стоят перед партией пролетариата” (45). В этих оценках лидеров меньшевизма проявилась не просто политическая близорукость партийных функционеров в конкретно-исторических условиях крестьянской державы, - это было принципиальным отказом этой партии от ставки на стихию крестьянского протеста, от использования взрывной мощи крестьянского вопроса в целях захвата власти. Четко выразил это отношение меньшевиков к крестьянским массам один из вождей российской социал-демократии Ю.О. Мартов, который еще в апреле 1917 г. в частном письме Н.С. Кристи указывал: “... Когда в странах создается революционное положение: старая власть падает, все классы приходят в брожение и является возможность каждой партии спекулировать на том, что ей удастся благодаря революционной ситуации добраться до власти не силой собственного класса, а увлечением за собой других классов, которые, вообще говоря, вроде обычно не идут за ними. В России дело идет о крестьянстве и о солдатах-крестьянах. Могут быть такие положения, когда они готовы пойти за рабочими и помочь им овладеть властью. Но так как крестьянство есть другой класс с иными интересами, то это может произойти не в силу хорошего сознания ими своих интересов, а в силу недостаточного понимания их. Крестьяне могут поддержать захват власти социалистами, но они будут ждать от них либо устранения бедности при сохранении мелкого крестьянского хозяйства, либо “войны до конца” и т.п., и авантюра кончится либо трагическим крахом, когда они раскусят, что ошиблись, либо - всего вернее - тем, что мы, как выразился Энгельс, станем делать дело чужого класса, то есть, чтобы не потерять власть, станем уступать крестьянским (специфическим) желаниям и тем будем [жертвовать] интересами рабочего класса” (46). Эти мысли Ю.О. Мартова исключительно важны для анализа поставленной проблемы. Меньшевики, таким образом, не ставили задачу захвата власти в 1917 г., для которого по их мнению, не созрели исторические условия; не

желали ослаблять “пролетарскую социалистическую революционность крестьянским бунтарством и крестьянскими, якобы социалистическими, иллюзиями”, “отказавшись от авантюристического использования временной ситуации, когда несознательность крестьянских масс может в известный момент ... бросить их в ... объятия” этой партии, и подчеркивали, что не следует “стремиться вызвать такую ситуацию” (47).

Настойчивые призывы меньшевиков ждать Учредительного собрания и их выступления против самовольных захватов земли крестьянами, как шагов в сторону контрреволюции (48), по рассмотренным выше причинам, разумеется, не могли способствовать росту влияния этой партии на крестьянство. Аграрная программа меньшевизма, будучи непонятной крестьянам, не отвечала главным требованиям “текущего момента”: она не потакала эгалитарным устремлениям общинников, не содержала революционной радикальности, соответствовавшей духу своего времени и настроениям масс; она не обещала немедленного решения аграрного вопроса. Это во многом и определило политическую судьбу партии и предлагаемой ею альтернативы, разделившей участь либерализма.

Как удовлетворенно констатировал “Волжский день”, “жизнь поставила социал-демократов меньшевиков и кадетов вплотную к друг другу - это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное - идеологии” (49).

Таким образом, меньшевистская партия, являвшаяся одной из сильнейших в Поволжье, в которую иногда вступали даже местные священнослужители (факт сам по себе примечательный) (50), не только не пользовалась, в силу названных обстоятельств, популярностью в среде крестьянства, но даже напротив, сближается с “образом врага”. Так, например, выступавший на II Самарском губернском крестьянском съезде местный крестьянин Булыхов назвал меньшевиков “врагами крестьянства” (51).

В целом, характеризуя взаимоотношения меньшевиков и масс, можно согласиться с мнением члена ЦК ПСР Г.А. Ландау, что в проповеди социализма, с одной стороны, и в попытках удерживать массы от его “осуществления”, с другой, была заключена “безысходная, самоубийственная противоречивость”, характеризующая идеологию и деятельность всей революционной демократии (52). В плане же реальной деятельности в сельской местности, специально направленной на “завоевание” поволжского крестьянства и мобилизацию его под партийные знамена, меньшевики фактически полностью уступили место своим союзникам по коалиционной политике - эсерам, несмотря на принципиальные различия во взглядах на пути разрешения крестьянского вопроса.

Как отмечает Ю.П. Суслов, “основная борьба за крестьянские массы развернулась между ведущими левыми партиями - “партией крестьян” - эсерами и “партией рабочих” - социал-демократами (большевиками)” (53).

Партия социалистов-революционеров, стремившаяся “опереться в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал на общинное и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности - на распространенное среди них убеждение, что земля - ничья и что право на пользование ею дает лишь труд” (54), долгое время пользовалась почти безраздельным влиянием в поволжской деревне. По свидетельству большевистских агитаторов, вести борьбу за крестьян с эсерами, имевшими чуть ли не в каждом крупном поволжском селе свои партийные ячейки, было очень трудно (55).

Но, анализируя социокультурный аспект отношения поволжского крестьянства к “крестьянской партии”, каковой называла себя ПСР, не следует преувеличивать степень “политических” симпатий деревенских жителей.

Как отмечали осенью 1917 г. сами эсеры, “сказочно быстрый рост партии, головокружительный успех всюду, ясно выраженное сочувствие огромных масс -

все это опьяняло, создавало иллюзию безусловного торжества партийных лозунгов”, но на самом деле ПСР имела “призрачную силу и сомнительную мощь” и была подобна Самсону, у которого Далила сняла волосы, ибо на низах эсеры “реально ничего не могут” (56). А “Волжский день” констатировал в сентябре, что “как ни распропагандирована за последние полгода наша деревня, однако совершенно ясно, что ни о каком делении крестьянской массы на партии и речи быть не может. Ведь как ни кричат теперь, что все крестьяне стали социалистами-революционерами, но ведь всякий, кто знает деревню, кто толковал за это время с крестьянами - всякий знает, что единственная причина сочувствия крестьян партии социалистов-революционеров заключается в громком обещании дать крестьянам всю землю *бесплатно*. Только это демагогическое обещание и привлекает крестьян к социалистам революционерам, только в желании получить землю *даром* и заключается весь социализм наших крестьян” (57).

“Саратовский вестник” передает такую картину восприятия крестьянством эсеровской пропаганды: “Г. Бейлин говорил о могучем эсеровском дубе, разросшемся до самых небес. А потому пророчески вещал, что спасение крестьян только в этой партии. Один крестьянин, слушавший с большим вниманием, но с трудом поспевавший за этим каскадом слов, говорил ...:

- Эх, едят его мухи с комарами! Вот как наши-то эсеры красно говорят. Одно только нехорошо - непонятно!..

Впрочем, одно все поняли хорошо - вся земля должна отойти к трудовому народу”.

По мнению автора цитируемой заметки, этот эсеровский оратор “исполнил свой партийный долг..., совершенно не интересуясь тем, как будет воспринята его пышная фразеология, как она переломится в крестьянском сознании и какие плоды принесет...” (58).

Положение эсеров между двумя революциями 1917 г. было крайне антиномично: одной рукой указывая сельскому миру на вожделенную землю, они раскачивали колоссальную силу, высвобождавшуюся из недр крестьянства, другой - пытались придержать растущий радикализм выведенных из равновесия крестьянских масс. Меншевики, будучи союзниками эсеров в их коалиции с буржуазией, ради сохранения которой последние фактически отказались от проведения в жизнь своей политической программы до созыва Учредительного собрания, подчеркивали: “У социалистов-революционеров два лица, две позиции, две тактики: одна - непреклонная, крикливая - для масс, налево, другая - уклончивая, оппортунистическая, соивчивая - для буржуазии, направо... Для широких масс упрощенные лозунги, которые никогда осуществлены не будут, для превращения же этих лозунгов в жизнь совсем иная тактика, неустойчивая и расхлябанная” (59). А по словам самарских кадетов, “разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же ее назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже о государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу” (60).

Противоречивые усилия эсеров примирить вышедшую из берегов стихию народных масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые В.И. Ленин сравнивал с попытками “усесться между двух стульев” (61), как и следовало ожидать, оказались безуспешны, и массы объективно взяли на вооружение большевистские рецепты немедленного решения наболевших проблем. “Голосуя за эсеров, крестьяне фактически на деле действовали вопреки увещеваний этой партии ...”, - вспоминает самарский большевик Н.Л. Минкин (62). Втянутые, во многом усилиями эсеров, в водоворот политической борьбы 1917 г. крестьяне не желали более ждать. “Вопрос о земле освещен со всех сторон. Хватит языком молоть, а дело теперь за Стенькой Разиным. И теперь это время

настало”, - заявил крестьянский депутат Фролов эсеровскому руководству II Самарского губернского крестьянского съезда (63).

К осени 1917 г. отчетливо проявилась неспособность ПСР справиться с захлестнувшей Поволжье и всю страну волной аграрной анархии. По выражению самарских кадетов, эсеры, “привыкнув вести за собой толпу демагогическими приемами ... тотчас же утрачивают над нею власть, как только этих средств в их распоряжении не оказывается, и идут уже не впереди толпы, а плетутся вслед за нею” (64). Создавшееся положение способствовало успеху большевиков, которые последовательно подстегивали крестьянское движение. Так, подводя итоги III крестьянского съезда в Самарской губернии, “Волжский день” сообщает: “Общее настроение съезда можно охарактеризовать, как несознательно-большевистское. Хотя крестьяне и отмежевывались от большевиков и максималистов, ... но лозунги этих последних оказались все же очень родственными примитивному миросозерцанию большинства участников съезда ... ” (65).

Огромную роль в “отвоевании” большевиками крестьянских и особенно солдатско-крестьянских масс у эсеров, как уже было отмечено, сыграло использование ленинцами наряду с лозунгом немедленного захвата земли и лозунга немедленного прекращения войны. Характерны воспоминания бывшего солдата Самарской губернии М.Т. Тимофеева: “Солдаты массами шли в город, чтобы вступить в партию. Вспоминается момент, когда наша группа шла в город, чтобы оформить вступление в РСДРП(б). Глядим, навстречу нам идет такая же группа солдат-однополчан. Повстречались, они нас спрашивают: “Куда идете?” Отвечаем: “В город, оформляться в партию”. Они усмехнулись и говорят: “Эк, проспали, мы уже вступили!” Спрашиваем: “А в какую же партию вы вступили?” Отвечают: “В свою, крестьянскую, в партию социалистов-революционеров”. Наша группа прыснула смехом и добавила: “Значит вы за лозунг “Земля и воля и война до могилы, то бишь до победы”. Наши друзья были ошеломлены: “Как! -

вскрикивают они, - разве так? А у большевиков какой лозунг? - спрашивают. “А у большевиков, - отвечаем, - лозунг такой: “Долой войну!” Наши однополчане тут же повернули назад оглобли и вместе с нами пошли обратно в город, где они все до одного выписались из эсеровской партии и вступили в ряды большевиков” (66).

Последовательность в применении уже рассмотренных в данной работе средств большевиков в их борьбе за массы приносила им в ходе развития событий от Февраля к Октябрю все большие политические дивиденды на фоне снижения реального рейтинга соперников в сознании масс. Все чаще поволжские крестьяне, услышав простые и понятные им лозунги большевиков, созвучные традиционным общинным взглядам, начинали приходиться к выводу: “Кроме как к большевикам, не пойдем к другим партиям” (67). Нередко в ответ на вопросы землевладельцев об “основаниях” захватных действий крестьян, наиболее активные из них отвечали: “Мы действуем по распоряжению Ленина” (68).

Осенью же 1917 г., несмотря на то, что “стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления большевизма имели разнонаправленные векторы и стали резко расходиться с весны 1918 г., - как считает В.П. Данилов, - крестьянство смело систему самодержавно-помещичьего насилия и реализовало свой идеал уравнительного трудового пользования землей, отдав власть в стране поддержавшим его большевикам” (65).

Характеризуя отношение крестьянства к захвату власти большевиками, следует отметить, что крестьянство к этому времени уже устало от безвластия смутного времени и в массе своей надеялось на установление нового, справедливого (с точки зрения общины) порядка и твердой власти. Поволжская пресса осенью 1917 г. сообщает о жалобах местного крестьянства, “что долго не устанавливают порядка, что пришло такое время, когда даже не знаешь, кто тобой управляет и кому ты должен подчиняться” (70), а “когда масса измучена... она

забывает о принципах, лозунгах и т.п. важных... вещах и бросается в объятия тому, кто обещает ей дать “порядок”, покой и хоть некоторый кусок хлеба...” (71).

Современными исследователями уже подчеркивалось, что “главной, неочтенной пока особенностью общинной революции было то, что она на своем уровне воспроизводила все коллизии властного начала в кризисный для империи период. Крестьяне ждали своей власти и были уверены, что рано или поздно она должна прийти” (72).

По мысли Н.А. Бердяева, “в революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди сильные и способные к диктатуре ... ” (73). Большевики, лишенные комплекса “властобоязни”, свойственного их соперникам, и обещавшие массам решение всех проблем и построение “земного рая” после прихода партии к власти и установления “диктатуры пролетариата”, более других подходили на роль восстановителя “твердой власти”, которая в социокультурном плане подтвердила бы в глазах крестьянства преемственность от традиционного российского самодержавия, увенчав тем самым “стихийный процесс воспроизведения утраченной цельности бытия с помощью новых авторитарных символов” (74).

Красноречивую картину отношения определенной части поволжского крестьянства к деятельности большевиков осенью 1917 г., передают такие воспоминания беспартийного крестьянина с. Никольское, Старо-Рачейской волости, Сызранского уезда, Симбирской губернии, А.В. Зуморина: “ ... в августе по селам стали ездить рабочие, стали звать крестьян к выборам в Учредительное собрание, агитировали за партию большевиков, рассказали об ее программе. Вот тут-то только крестьяне и узнали о той партии, которая стояла за то, чтобы вся земля отошла к ним. Как эсеры ни старались подорвать большевиков, называли эту партию “изменщицей” и т.д., но ничего не могли сделать. “Землю даешь без всякого выкупа” - говорили крестьяне. Кулаки тоже из кожи лезли, чтобы

доказать, что этим, мол, изменникам не верьте, они обманывают, им бы только власть взять, а потом ждите, покажут вам землю ... А фронтовики в ответ кулакам и эсерам только в ус дули: Пускай и что хотят, то и делают, но мы к другим, кроме как к большевикам, не пойдем”. Вокруг этой кучки стали организовываться бедняки и кой-кто из середняков, и к дням Октябрьского переворота у нас в селе имелся кадр, который готов был идти по первому зову большевистской партии за землю и власть крестьян и рабочих. Как чуда какого-то ждала эта кучка переворота ...” (75)

Отношением крестьянства к различным политическим партиям во многом и определялась общая динамика развития событий от Февраля к Октябрю 1917 года.

Примечания

- 1 - См., напр.: Булдаков В.П. Октябрьская революция как социокультурный феномен // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 160.
- 2 - Лупоядов В.Н. Политические партии России в 1917 г. (Проблемы взаимоотношений с органами власти). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1993. С. 147-148.
- 3 - Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника) // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 253.
- 4 - Там же.
- 5 - Симбирянин. Симбирск, 1917. № 84 (29 июня).
- 6 - Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 33.
- 7 - Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч.1. М., 1994. С. 169.
- 8 - Волжский день. Самара, 1917. № 161 (26 июля).
- 9 - Изгоев А. Социалисты и крестьяне. Пг, 1917. С. 5.
- 10 - Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 40, 41.

- 11 - Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 334.
- 12 - Волжский день ... № 161 (26 июля).
- 13 - ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 104.
- 14 - Петровский И.А. В Совете солдатских депутатов // Октябрь в Самаре. Куйбышев, 1957. С. 195: ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 44. Л. 20.
- 15 - ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 89.
- 16 - Цит. по: Точеный Д.С. Борьба политических партий в России по аграрному вопросу накануне Октября (на материалах Поволжья). Куйбышев, 1981. С. 36.
- 17 - ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 89.
- 18 - ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 149.
- 19 - Волжский день ... № 99 (11 мая).
- 20 - Известия Симбирского Совета Крестьянских Депутатов. Симбирск, 1917. № 2 (24 сентября).
- 21 - См.: Герасименко Г.А. Политическое положение в Саратовской деревне осенью 1917 года // Поволжский край. 1988. Вып.10. С. 20.
- 22 - См.: Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социокультурный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 167.
- 23 - Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 32.
- 24 - См.: Леонтьева Т.Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии). // Революция и человек ... С. 92.
- 25 - См.: Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 173.
- 26 - См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 167-168, 261-263; Российские либералы: кадеты и октябристы ... С. 24.
- 27 - ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.
- 28 - Там же. Ф. 523. Оп. 2. Д. 21. Л. 5.
- 29 - Кудрявцев В.А. Что хочет партия народной свободы. Самара, 1917. С. 2, 12, 5.
- 30 - Кичеев В.Г. Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. СПб, 1993. С. 124.
- 31 - Волжский день ... № 98 (9 мая).
- 32 - Там же ... № 99 (11 мая).
- 33 - РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 101, 100.
- 34 - ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 18.
- 35 - ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Л. 44. Об., 49.

- 36 - ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 74.
- 37 - Симбирская Народная Газета. Симбирск, 1917. № 59 (4 октября).
- 38 - ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Лл. 75-76; Ф. 1791. Оп. 6. Д. 167. Л.45.
- 39 - Речь. Пг., 1917. № 228 (28 сентября).
- 40 - ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 167. Л. 114.
- 41 - См.: Миллер В.И. Революция в России, 1917-1918 гг. Пробл. изуч. Дис. в форме науч. докл. по совокупности опубл. тр. М., 1995. С. 41.
- 42 - Большевизм и реформизм: Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979. С. 236.
- 43 - Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. М., 1968. С. 85.
- 44 - Рабочая Газета. Пг., 1917, 25 августа.
- 45 - РГА СПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д.1 2. Л. 18.
- 46 - См.: Меньшевики в 1917 г. В 3т. Т.1. М., 1994. С. 246.
- 47 - Там же. С. 246-247.
- 48 - РГА СПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 1. Л. 50.
- 49 - Волжский день ... 24 мая.
- 50 - См.: Письмо священника Николаевской церкви села Нижняя Кармалка Бугульминского уезда Самарской губернии В. Павлова в РСДРП (меньшевиков) с просьбой принять его в члены РСДРП от 21 августа 1917 г. // РЦХИДНИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 116.Л. 1.
- 51 - Земля и Воля. Самара, 1917, 30 мая.
- 52 - РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Лл. 112, 98.
- 53 - Суслов Ю.П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920 гг.) Дис. на соиск. учен. степ. доктора истор. наук. Саратов, 1995. С.65.
- 54 - Программы политических партий и организаций России конца XIX-XX вв. Ростов-на-Дону, 1992. С. 65.
- 55 - См., напр.: ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 325. Л. 4; ФП. 651. Оп. 5. Д.55.Л. 4.
- 56 - Земля и Воля ... № 119 (4 октября).
- 57 - Волжский день ... № 197 (10 сентября).
- 58 - Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 217 (3 октября).
- 59 - Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 123 (26 октября).
- 60 - Волжский день ... № 194 (6 сентября).
- 61 - Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 137.
- 62 - ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 43. Л. 15.
- 63 - Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда ... Самара, 1917. С. 51.
- 64 - Волжский день ... № 194 (6 сентября).
- 65 - Там же.
- 66 - ГАСО. ФП.651. Оп. 5. Д. 244. Лл. 3-4.

- 67 - Симбирская Народная Газета. Симбирск, 1917. № 38 (26 июня).
- 68 - ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 248. Л. 10.
- 69 - Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902-1922. // Крестьяне и власть. М. - Тамбов, 1996. С. 17.
- 70 - Пролетарий Поволжья ... № 96 (23 сентября).
- 71 - Саратовский Вестник ... № 230 (18 октября).
- 72 - Булдаков В.П. Красная смута ... С. 105-106.
- 73 - Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114.
- 74 - Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Русская история: проблемы ментальности. М., 1994. С. 13.
- 75 - ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 9.

Глава 3. Крестьянское движение и большевизм от Февраля к Октябрю

3.1. Политические настроения крестьянства и начало погромного движения в деревне весной – летом 1917 года

После падения самодержавия в деревне на некоторое время наступило настороженное затишье. Скоропостижная кончина российской монархии с ее привычными для крестьянства традиционными порядками вызвала у последнего, по выражению В.П.Булдакова, “состояние сильнейшей ценностной дезориентированности от наступившего, как им показалось, после Февраля, безвластия”.(1) Как образно описал сложившееся положение писатель В.В. Розанов, “Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “великого переселения народов”... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось – то? Странным образом - буквально ничего. Остался подлый народ...”(2) И этот самый народ, по выражению Р. Пайпса, “избавившись от царизма, на который навешивал вину за все невзгоды, застыл в оцепенении на пороге новообретенной свободы. Совсем как та дама из рассказа Бальзака, которая так долго хворала, что, когда, наконец, излечилась, решила, что ее поразил новый недуг”(3).

Как писала поволжская пресса, “в городах переворот совершился очень легко, не было никаких беспорядков и теперь там установилась спокойная, конечно, по

военному времени, жизнь. Будем усердно просить Бога, чтобы и в деревне все сошло хорошо”(4). Саратовская “Земля и Воля” указывала, что в “деревне крепки еще основы царизма. Может случиться, что город будет подавлен деревней”(5). По сообщению “Саратовского Вестника”, местные крестьяне “долго не могли опомниться и поверить в низвержение старой власти...”(6) А, когда поверили, то отреагировали в разных селах и деревнях по-разному: в одних – “встретили переворот спокойно и объяснили его как последствие неразумного управления царем, в других – “эта весть так всех напугала, что крестьяне думали: теперь уж скоро наступит конец света”(7). Но, в целом, можно отметить, что первая реакция поволжского крестьянства на свержение “батюшки – царя” была весьма умеренной, а в настроении его преобладали поначалу надежды на скорое улучшение своего положения, так как революция для крестьян, по выражению Д. Рейли, “прежде всего, означала отмену несправедливых частнособственнических отношений и приход к власти тех, кто поддерживал их требования о земле” и “неизвестно ни об одном решении или телеграмме сельского схода, где бы выражалось недоверие новому порядку”(8).

Хотя в сохранившихся документах той поры можно встретить и отдельные разрозненные сведения о негативном восприятии переворота со стороны некоторых сельских жителей, проявившемся в “поношении нецензурными словами народной власти”, ибо “какое это правление мужицкое, нагадить на оное и наплевать, теперь-де каждый вор спросит свои права”, но такие высказывания не отражают отношение большинства крестьян, напротив, как правило, спешивших донести новым властям на носителей подобных настроений (9).

Можно считать типичной следующую картину постфевральской ситуации в деревне, данную самарской кадетской газетой “Волжский день”: “Крестьянство, получив “волю”, ждало некоторое время “земли”, в восторженно–ожидательном

настроении, верило, что ему скоро дадут со “всей волей” и “всю землю”, верило вождям, верило обещаниям и больше тому, кто больше обещал, радовалось, что и правительство обещает, а так как вера в силу правительства и в верховную власть сидела в крестьянском мозгу довольно прочно, несмотря на исчезновение станового пристава, урядника и земского начальника, то, естественно, что первые месяцы общего благодушного ожидания производили впечатление некоторой политической идиллии. Эту идиллическую эпоху русской революции можно охарактеризовать так: все обещают, а крестьянин ждет...”(10)

Это кадетское описание подтверждает и меньшевистский “Пролетарий Поволжья”, подчеркивая, что “с февраля – месяца в деревне было тихо. Только желтая и реакционная пресса вопила об “аграрных беспорядках”, под которыми понималась всякая попытка уничтожить прежнюю анархию в земельных отношениях и урегулировать их. Деревня проявила выдержку и самообладание...”(11)

В отчете о поездке по уездам Симбирской губернии член Военного Гарнизонного Комитета Иванов отметил весной 1917 г., что “...население уездов в общем очень спокойно, работа совершается обычным порядком, земельный вопрос в большинстве случаев разрешается мирным путем, никаких захватов помещичьих, удельных, частновладельческих, монастырских и т. п. земель не происходит, а земля снимается за известную арендную плату, определяемую сельскими комитетами...”(12) А местные помещики подчеркивали: “Если не будет пропаганды извне, то есть со стороны рабочих, то можно надеяться, что мы проживем без погромов, ибо население пока спокойно настроено”(13).

Это первоначально–выжидательное настроение крестьянства было по-разному оценено местными партийными организациями. Так, например, если саратовские социал-демократы-меньшевики традиционно с недоверием относились к деревне,

где “не совсем еще изжиты крепостнические понятия” и “еще многие по инерции думают, что дело мужика выполнять приказы начальства, а создавать власть и порядки – об этом “наверху” подумают” (14), то саратовские социалисты-революционеры, которые, напротив, традиционно идеализировали крестьян, восторженно заявляли, что крестьянство “показало такое понимание истинного смысла войны, такую высоту политического сознания, что перед таким фактом не только должны остановиться современники, но его придется объяснить и будущим историкам”(15).

Но новые власти, проявившие роковую политическую близорукость, не спешили дать реальное подтверждение крестьянским надеждам, и, упустив этот период временного доверчивого ожидания, фактически проигнорировали интересы большинства населения страны, что вскоре привело к коренному изменению всей политической ситуации в целом.

Так, в Декларации от 2 марта 1917 г., где были намечены общие экономические и политические задачи Временного Правительства, аграрная проблема не была даже упомянута.(16)

И лишь после того, как крестьянство начало проявлять первые признаки активности и в связи с начинающимися аграрными волнениями Московское общество сельского хозяйства обратилось 15 марта 1917 г. к Временному правительству с требованием “успокоить крестьянство” и “оповестить о предстоящей реформе “сверху”, пока крестьяне не поспешили провести ее “снизу”(17), правительство издало специальное постановление от 19 марта, в котором указывалось, что “земельный вопрос не должен быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата... Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным правительством. Правильное рассмотрение и принятие закона о земле невозможно без серьезной подготовительной работы,

собираания материалов, учета земельных запасов, распределения земельной собственности, выяснения условий и видов землепользования и т. д.”(18) А в постановлении от 21 апреля, предусматривавшем создание земельных комитетов для проведения необходимой реформы, было заявлено, что “важнейший очередной вопрос... - вопрос земельный” – может решить окончательно и правильно Учредительное Собрание, и подчеркивалась необходимость “спокойно ждать нового земельного устройства”(19).

Но уже выведенное из состояния равновесия крестьянство не хотело больше “спокойно ждать”. Эсеровская “Симбирская Народная Газета” в “Обзоре крестьянской жизни за апрель–месяц” констатировала: “Март – первый месяц свободы, прошел тихо и незаметно в русской деревне. Веками забитый и вечно обманываемый крестьянин только прислушивался к несущимся из столицы громовым раскатам революции, но сам почти не принимал в ней участия. С конца марта и в течении всего апреля картина постепенно меняется: деревня втягивается все глубже в круговорот революции”(20).

Принимаемые Временным правительством меры были явно не адекватны растущему массовому радикализму крестьян. Так, министр земледелия А.И. Шингарев в обращении к волостным комитетам 1 мая 1917 г. вновь подчеркнул: “Лишь Учредительное Собрание разрешит великий земельный вопрос, сейчас же надо сохранить все в полной неприкосновенности...”(21)

Но, как верно отмечают исследователи, “смутное время работало на опережение. Нетерпение масс нарастало, все уговоры, увещевания не в состоянии были уравновесить эгалитарные настроения...”(22) Как писал “Волжский день”, “дрогнул фронт. Дрогнула вера в силу власти, в силу правительства сделать то, что оно обещает. Дрогнула вера в силу праздно болтающих. Дрогнула вера во всякие “обещания”, которыми вымощены

одинаково хорошо ад и русская революция. Обещания стали синонимом той русской революционно-политической импотенции, от которой ей суждено погибнуть. Мудрено ли, что в атмосфере этого всеобщего неверия и раздражения против обещаний дрогнула, наконец, и крестьянская вера в обещание получить “всю землю” из рук праздноболтающих”(23).

По свидетельству сызранского большевика Ф.М. Ткачева, в апреле “крестьяне начинают... прихватывать помещичьи земли. Но делали это тактично”. Когда их спрашивают о захвате, они отвечают: “Мы это по соглашению”(24). Более напористо и агрессивно крестьяне начинают действовать по отношению к еще более ненавистным для общины отрубникам и хуторянам – предателям, с точки зрения “мира”. “После 1 марта жизнь наша ни на что не похожа. Дрожишь, за калитку выглядываешь с опаской. Я имею 20 десятин. Но у меня вытравили луг, уничтожают лес, забрали последнего военнопленного. Куда обращаться за помощью. Не в сельский же комитет”(25), - жаловался в мае один из мелких земельных собственников, жизнь которых в деревне становилась все более проблематичной. В своих прошениях властям они указывали, что общинники, питая к ним “вообще какую-то непримиримую вражду”, применяют к ним насилие, арестовывают, угрожают “ножовщиной и убийством”(26). Как отметил видный самарский эсер П.Д. Климушкин, “поднявшаяся деревня, почувствовав за собою силы, перестала признавать частных владельцев за хозяев”(27).

Перейдя за границы дозволенного ранее и ощутив свою безнаказанность, крестьянство все более сдвигало линию дозволенного, - так описывает механизм крестьянского поведения революции западный “крестьяновед” Д.Скотт, - и в конце концов оно полностью вышло из берегов системы недозволенных прежде проявлений(28). Уже в апреле 1917 г. Симбирский губернский комиссар Ф. Головинский телеграфировал в столицу: “...Землевладельцы, даже наиболее

лояльные, и их управляющие устраниются, высылаются, арестовываются; рабочие снимаются,... производится захват земли, устанавливаются произвольные аренды..., старые арендные договоры нарушаются;... начинается опасное движение общественников против отрубщиков...”(29)

В докладной записке министру–председателю Временного правительства от “Союза Симбирских сельских хозяев” последние жаловались: “Пользуясь царящим внутри страны безвластием, крестьяне–общинники, вопреки постановлениям Временного правительства, а так же резолюциям Съездов отдельных организаций, не дожидаясь Учредительного Собрания, путем насилия и захвата разрешают на местах аграрный вопрос, посягая на частную собственность землевладельцев и нарушая закон, стоящий на охране этой собственности”(30).

Как указывалось в аналитическом обзоре аграрного движения на местах, составленном для Временного правительства Главным Управлением по делам милиции МВД от 3 июня 1917 г., беспорядки на аграрной почве вызывались “иногда желанием крестьян свести старые счета с владельцами и администрацией отдельных экономий, иногда потребностью в семенах и продовольственных припасах, но главным образом возможностью получить желаемое сравнительно легко и безопасно, так как владельцы имений и их управляющие почти не оказывали сопротивления предъявляемым им требованиям”(31). Собственники земли, сознавая, что защиты искать им негде, как правило уступали свои права практически без борьбы. Причем на первом этапе погромного движения, начавшегося в сельской местности, поджоги, разгромы усадеб, самовольные обыски, аресты и т. п. “эксцессы” имели место прежде всего там, где ранее, в годы первой русской революции 1905-1907 гг., крестьянские выступления подавлялись вооруженной силой(32).

Как уже отмечалось, огромную роль в обвальном умножении “аграрных беспорядков” сыграли солдаты, которые в подавляющем большинстве случаев и являлись зачинщиками “революции” в аполитичной и инертной поначалу деревне. Так, например, по сообщению сельского корреспондента “Волжского дня” из села Белый Яр Ставропольского уезда Самарской губернии, “тихо и мирно протекала жизнь в нашем селе. Но стали наезжать солдаты, отпущенные на сельские работы и обычный порядок нарушился”(33). По воспоминаниям крестьян, никакой агитации против войны и за немедленный захват земли, поволжская деревня, как правило, не знала до тех пор, пока туда не добирались солдаты, радикальными лозунгами которых быстро и необратимо разрушался весь ход размеренной сельской жизни (34). “...Солдаты вмешиваются в действия законно избранных волостных комитетов, переизбирают комитеты по несколько раз, каждая приехавшая в отпуск или дезертировавшая кучка солдат считает своим долгом обновить комитет, хотя бы это противоречило здравому смыслу... Вообще, солдаты в селах буйствуют и наводят панику на население”, - сообщает в мае “Волжский день”(35). Настроенные крайне нигилистично по отношению к демократическим процедурам и легитимным структурам, солдаты заражали свой нетерпимостью деревенские массы, терявшие веру в долгожданное Учредительное собрание. Так, например, 28 мая 1917г. общее собрание крестьян Репьевской волости Сызранского уезда при участии делегатов с фронта приняло резолюцию с требованием немедленной конфискации всех земель, а “Учредительное собрание, если оно только соберется, пусть станет перед совершившимся уже фактом” (36).

Д. Рейли подчеркивает, что “самочинные действия” в саратовской деревне “объясняются не только экономическими причинами. Несомненно, радикализации настроений крестьянства способствовало присутствие почти 20000 призывников”(37). А, согласно рапорту прокурора Саратовской Судебной

Палаты Министру Юстиции от 23 августа 1917г., “под солдатской шинелью в настоящее время скрываются различные авантюристы и преступники” (38).

Уже для весны 1917г. в Поволжье можно считать типичной жалобу Симбирскому Губернскому комиссару землевладельца П.П. Степанова на приговоры Рождественского схода от 26 марта и от 4 апреля, в которой говорится: “Если волостной сход, в котором не участвовало ни единого интеллигентного человека, руководимый пьяным солдатом Борисовым и двумя–тремя лицами, под впечатлением газетных известий о высылке разных лиц, копировал точно эти известия, то в настоящее время период революционного времени уже миновал и, я полагаю, задача правительственных органов заняться успокоением расходившейся темной массы”(49). П. П. Степанов ошибался. “Период революционного времени” еще не миновал. Настоящая “революция” в деревне только начиналась. Власть демонстрировала полную неспособность остановить развивающуюся анархию на местах, заваливая “расходившиеся темные массы” “запретительными” циркулярами, которые будучи не подкреплены реальными делами, все чаще игнорировались не только самими массами, но и органами местной власти.

Как верно подметили кадеты еще в марте, “только запретить – значит выдвигать меру не осуществимую в революционное время. Анархия недопустима, но анархия рождается не сама по себе, а в силу отсутствия авторитетных указаний, в силу применения норм, не отвечающих современному правосознанию масс”(40). Но это правильное наблюдение не легло в основу административной деятельности Временного правительства, полностью потерявшего контроль за ситуацией на местах, а все его заявления о необходимости решения земельного вопроса в интересах трудового крестьянства России так и остались голословными декларациями. Лето 1917 года

характеризуется дальнейшим ростом аграрного движения (41). В циркуляре управляющего МВД И. Г. Церетели от 17 июля рисуется документальная картина анархии в деревне: “С многих мест поступают сведения, что населением допускаются захваты, запашки, засева чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельских хозяйств экономических требований, что племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается, культурные хозяйства погибают, чужие леса вырубаются, заготовленные для отправки лесные материалы и дрова задерживаются и расхищаются. Одновременно с этим частные хозяйства оставляют свои поля незасеянными, посева, сенокосы неубранными, такие условия ведения местного хозяйства грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства” (42). Сходное с этим описание содержится и в приказе министра продовольствия А. В. Пешехонова “О мерах к устранению препятствий по уборке урожая” от 18 июля, в котором подчеркивается также, что “местные продовольственные и земельные комитеты нередко не только не пресекают в корне такие незаконные, дезорганизующие хозяйственную жизнь и крайне вредные для государственных интересов действия населения, но и сами издают постановления... дающие повод населению к проявлению указанных незаконных... деяний” (43).

На деятельность этих комитетов как на фактор дестабилизации ситуации в сельской местности в целом часто жаловались местные землевладельцы: “Эти разные комитеты начинают уже надоедать нам; бестолковщина и беспорядок, каждая волость представляет отдельную республику; до чего мы доживем при таких порядках?” (44) А делегаты земледельцев Симбирской, Самарской, Саратовской и еще 6 губерний уже в мае в своей докладной записке Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов заявили, что местные общественные организации, “послушные открытой пропаганде об уничтожении всеми мерами частного землевладения”, чинят всевозможные нарушения закона,

произвол, насилия, захваты и т. п. (45). По сути, низовые крестьянские организации в это время лишь оформляли требования общинных сходов, придавая в глазах крестьян видимость законности мерам по реализации вожеленного “черного передела”. Захватные действия “мира” подкреплялись соответствующими постановлениями с обязательным указанием на “народную власть” и государственную необходимость”(46).

При этом, как неоднократно отмечалось в сводках МВД, многие комитеты “были образованы и руководятся лицами, имеющими мало общего с крестьянскими интересами, далекими от деревенской хозяйственной жизни... Осторожная, вдумчивая и уравновешенная крестьянская масса присматривается и ждет, тогда как на поверхности волнуются и агитируют люди, не могущие иметь влияния и власти при нормальных условиях жизни”(47).

Действительно, в условиях российской смуты 1917 г. на поверхность общественной жизни всплыли далеко не лучшие представители народа, чем во многом и была обусловлена динамика политических событий. Доходило и до абсурда. Так, например, летом 1917 г. в Новоузенском уезде Саратовской губернии был убит толпой застигнутый на месте преступления конокрад, по кличке “Обваренный”. Было установлено, что на днях “Обваренный” как раз избран председателем Новоалександровского исполнительного комитета (48). Люди же порядочные, способные принести пользу “при нормальных условиях жизни”, зачастую, придя к выводу, что они “безвластны, все решает толпа”, принимали решение отказаться от занимаемых должностей (49). Самарский меньшевик М.Т. Игаев с трибуны II Самарского губернского съезда констатировал: ”Мы тонем в бесправии и разнузданности, хаос в жизни, буйство и темное смятение в умах”(50).

Этот съезд также занимает особое место в истории крестьянского движения в

Поволжье, так как под мощным давлением “снизу” его руководство было вынуждено принять “Временные правила пользования землей”, принципиально расходящиеся с линией правительства в аграрном вопросе, ибо они подрывали основы частной собственности, не дожидаясь созыва Учредительного Собрания, передав все земли в ведение и под контроль земельных комитетов, назначенных их фактическими распорядителями (51). Это ускорило массовый организованный захват крестьянами частновладельческих земель (52).

Правительство было бессильно бороться с крестьянской стихией, охотно воспринимавшей такие постановления, вполне отвечавшие ее устремлениям, в качестве “закона”. А местные политические деятели были вынуждены радикально “леветь” вслед за крестьянскими массами. Взаимоотношения центральной и местной власти между собой и в отношениях с массами становятся запутанными, противоречивыми. Так, например, чиновник по особым поручениям при министре земледелия В.М. Чернове Я.М. Аксель обвинялся Министерством внутренних дел Временного правительства в том, что его указания и распоряжения по вопросам урегулирования земельных правоотношений в корне расходятся с инструкциями министра – председателя и министра внутренних дел, примером чего может служить командировка Я.М. Акселя в Симбирскую губернию, в уездах которой, благодаря его деятельности принимались постановления, идущие в разрез с принципами аграрной политики правительства и приведшие “на местах к еще большим беспорядкам в области земельного вопроса”(53). В Самарской же губернии эсеровское руководство Губернского Комитета Народной Власти приняло Я.М. Акселя (также эсера) в штыки, так как его излишне “левые”, с точки зрения МВД, предложения по земельному вопросу, оказались слишком “правыми” по сравнению с решениями вышеупомянутого Съезда, в результате чего, оскорбленный недоверием, Я.М. Аксель, еще в молодости “ходивший в народ”, просил себя “арестовать и

заняться проверкой его полномочий”, и, в конце концов, уехал ни с чем (54).

Но поволжское крестьянство и не собиралось вдаваться, подобно местным Союзам земельных собственников, в такие “мелочи”, как вопрос: “являются для населения обязательными постановления местных организаций, если они коренным образом противоречат распоряжениям Временного правительства, в свое время опубликованным (запрос МВД Правлением Бугульминского Союза земельных собственников от 18 июля 1917 г.) (55), оно давно уже, по выражению большевиков, “взяло свое дело в свои собственные руки и двинулось вперед”(56). О том, что сложившаяся в аграрном Поволжье летом 1917 г. ситуация была типичной для России в целом, свидетельствует справка об аграрных беспорядках Главного Земельного Комитета при Временном правительстве, в которой указывалось (в июле), что “Самарская губерния и вообще Приволжский район не отличаются каким-либо специфическим видом агрессивных действий, там происходят **обыкновенные** захваты и разделы имений...” и т. д. (57).

В августе 1917 г. не редки были в сельской местности Поволжья случаи открытого отказа крестьян подчиняться власти и даже актов насилия по отношению к представителям власти со стороны деревенского населения, и создавшееся положение все чаще характеризуется словом “анархия”(58).

Как уже было отмечено, определенную роль в стимуляции крестьянского движения в Поволжье сыграла деятельность рабочих, которые явочным порядком устанавливая 8-часовой рабочий день, показали крестьянам пример, что можно безбоязненно, не дожидаясь никаких законов, самочинно удовлетворять свои нужды (59); а также политическая агитация и пропаганда местных партийных организаций, являвшаяся для крестьян идеологическим обоснованием их погромно-захватных действий.

Как еще в марте 1917 г. писал землевладелец И.Г. Курлин в прошении к Самарскому Уездному Комитету Народной Власти, “в настоящее переходное время, когда власть от старого режима переходит к народу, в имениях землевладельцев, хуторян – крестьян и в селах могут быть выступления разных неуполномоченных лиц, которые смутно и неправильно понимают настоящий момент и Великое слово “Свобода”. Могут быть провокаторы, которые будут нашептывать крестьянам и восстанавливать их против чужого добра и собственности, чем и вызвать анархию и беспорядки по уездам... Могут являться, видимо, разные лица с требованиями, с применением угроз и побоев...”(60) Эти предположения оказались пророческими. Саратовская “Земля и Воля” сообщала в июне, что “демагогам и провокаторам удается иногда делать свое дело. Заманчивыми и красивыми речами они подбивают к захватам и грабежам, возбуждают только страсти, не думая о том, чтобы пробудить разумную мысль и волю и нарочно стараются восстановить народ против тех, кто бы мог прийти к нему на помощь своими знаниями...”(61).И, хотя летом 1917 г., как подчеркивают исследователи, крестьянское движение по большей части возглавлялось социалистами-революционерами (62), но именно в этот период партия эсеров вступила в непримиримое противоречие с крестьянством (63), и фактически крестьянами были приняты лозунги большевиков. Сами эсеры, как и меньшевики, главными виновниками “возбуждения” крестьян считали “тактические предложения большевиков о немедленном захвате крестьянством... частновладельческих и других земель (64), летом поволжские эсеры неоднократно подчеркивали: “Большевики идут в деревню и начинают работать. Поверьте, товарищи, что они знают, что борются не на жизнь, а на смерть. Этого мы не должны забывать...”, “большевики двинулись на завоевание деревни” (65). А. Я. Перехов пишет: “Дьяволизация противника, манипулирование образом врага были характерны для всех политических партий того времени. Митинговая

демократия несла в себе бациллы саморазложения, укрепляла идеологию нетерпимости. Революцию шаг за шагом заменял русский бунт. Страна медленно вползала в хаос. В этой ситуации любая группа радикальных политиков, готовых действовать по принципу “революционной целесообразности”, получала преимущества перед любой партией, которая стояла на демократических позициях”(66).

И партия Ленина сумела воспользоваться этим преимуществом в полной мере. Вступив на путь “черного передела”, крестьяне объективно мостили дорогу этой партии. Большевистский агитатор И. А. Петровский, выступавший перед крестьянами различных сел Самарской губернии, имел все основания указать позже в своих воспоминаниях: “Наши большевистские агитационные поездки по деревням не прошли даром”(67). Как отмечает Д. Рейли, “к концу лета 1917 г... революция на селе стала сливаться с городской”(68). Большевики приступили, таким образом, к финальной части реализации своего замысла по завоеванию власти.

Примечания

- 1- Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 103.
- 2- Розанов. Апокалипсис нашего времени.
- 3- Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1 С. 367.
- 4- См.: Симбирские епархиальные ведомости. Симбирск, 1917. № 7 (апрель). С. 152.
- 5- Земля и Воля. Саратов., 1917. № 2 (15 марта).
- 6- Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 55 (10 марта).
- 7- См.: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство : этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 85.
- 8- Рейли Д. Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов, 1994. С. 20, 19.
- 9- ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 3. Лл. 6, 1.

- 10- Волжский день. Самара. 1917. № 222 (12 октября).
- 11- Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 120 (22 октября)
- 12- ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 55. Л. 42.
- 13- См.: Войткевич Р. Земельная политика временного правительства и ульяновское крестьянство (по архивным документам). Ульяновский общественник. Ульяновск, 1927. № 17 (15 сентября). С. 38.
- 14- Пролетарий Поволжья... № 96 (23 сентября).
- 15- Земля и Воля... № 22 (25 мая).
- 16- См.: Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика //1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 168.
- 17- Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1918. Кн. 2. С. 281.
- 18- Вестник Временного правительства. Пг, 1917. 21 марта.
- 19- Там же. 23 апреля.
- 20- Симбирская Народная газета. Симбирск, 1917. № 11 (17 мая).
- 21- См.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: Документы и материалы. М., 1958. С. 329.
- 22- Теплицын В.Л. Указ. соч. С. 173.
- 23- Волжский день... № 222 (12 октября).
- 24- ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 219. Л. 3.
- 25- Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 102 (11 мая).
- 26- ГАСО.Ф. 768.Оп. 1. Д. 2. Л.5. Об.; там же. Ф.820. Оп.1. Д.1. Лл.153 –153.Об.
- 27- Климушкин П.Д. История аграрного движения в Самарской губернии //Революция 1917 – 18 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т.1. Отд. 2. С. 14.
- 28- См.: Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян //Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 56.
- 29- Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. док. Ульяновск. 1957. С. 33.
- 30- ЦДНИ УО . Ф. 57. Оп.1. Д. 302. Л.1.
- 31- ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л.87.
- 32- Там же. Л. 88.
- 33- Волжский день...№ 106 (20 мая)
- 34- См., напр., ГАСО. ФП. 3500 .Оп.1. Д. 213. Л. 34., Д. 201. Л.8.
- 35- Волжский день ... № 107 (17 мая).
- 36- Борьба за установление... С.51.
- 37- Рейли Д. Дж.. Указ. соч. С. 64.
- 38- ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 1. С. 16.
- 39- ГАУО . Ф. 677. Оп . 2. Д. 53. Л.62
- 40- ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1 . Д. 1 . Л.3
- 41- Там же. Оп.6. Д. 401. Л.9.

- 42- Вестник Временного правительства... 18 июля.
- 43- ГАРФ. Ф. 1796. Оп.1. Д. 2. Лл. 83-85.
- 44- Цит. по: Войткевич Р. Указ. соч. С.38-39.
- 45- См.: Волжский день...№ 98 (9мая).
- 46- ГАСО. ФП.3500. Оп.1. Д. 201. Л.91.
- 47- Там же. Л. 92.
- 48- ГАРФ. Ф.1796. Оп.6. Д.164. Л.22.
- 49- Волжский день ... № 94 (4мая)
- 50- Протоколы 2-го Самарского Губернского Крестьянского съезда...Самара, 1917. С. 4.
- 51- См.:Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 годов в Самарской губернии. Самара, 1927. Т.1. С.382.
- 52- ГАСО. Ф.723. Оп.1. Д.1. Л.48.; Д.94. Л.651
- 53- ЦДНИ УО. Ф. 570. Оп.1. Д.302. Л.4.
- 54- См.: Волжский день... № 156 (20 июля).
- 55- ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.139. Л.6.
- См.: Правда. Пг , 1917. № 32 (14 апреля); Приволжская Правда. Самара, 1917. № 1 (17 марта)
- ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 71. Л. 187.
- См.: ГАРФ. Ф.1796. Оп 1. Д. 71. Лл. 70, 69, 41.
- См.: Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 13.
- ГАСО. Ф. 820. Оп.1. Д.2. Л.21.
- Земля и Воля. Саратов, 1917, № 27 (11 июня) .
- Яковлев Я.А. Крестьянская война 1917 г. //Аграрная революция.М., 1928. Т.2. С.85.; Суслов Ю.П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920 гг) Дисс. на соиск. учен. степ. доктора истор. наук, Саратов, 1994. С.71.
- Суслов Ю.П. Указ. соч. С. 72
- Там же. С. 73.
- Земля и Воля. Самара, 1917, № 51 (9 июля); № 89 (24 августа).
- Перехов А.Я. Октябрь 1917-го – случайность, неизбежность, закономерность? //История России в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону, 1997. С.196-197.
- ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 44. Л.20.
- Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 63-64.

3.2. Аграрная анархия осенью 1917 г. и партия Ленина: дорога к власти

Осень 1917 г. стала временем, в котором отчетливо проявились характерные тенденции традиционной российской смуты, и химера постфевральской “демократии” (правительство которой, по выражению политического обозревателя того времени профессора К.Н. Соколова, стало “политическим трупом задолго до “хирургической операции 25 октября” (1)) была окончательно сметена народной стихией.

“В лице меньшевистской (в широком смысле слова) революционной демократии социалистическая стихия российской общественности потерпела крушение в беспомощных попытках всенародного руководства стихией народной смуты. Меньшевики старательно развязывали стихию, давали ей разгон, неуклюже пытаясь при этом ее сдерживать и ею руководить, но только в большевизме восторжествовавшая стихия нашла своего выразителя. Организуя ее туманные тяготения на почве идеологических формул, частью им отвечающих, частью чужеродных, но во всяком случае в своих фактических последствиях их осуществляющих, большевики, овладев ею, стали ее вождями”, - так после захвата власти большевиками оценил происшедшее член ЦК ПСР Г. А. Ландау (2).

Именно осень - “осень революции - скверное, грязное время”, как констатировала “Симбирская Народная Газета” (3), - стала для партии Ленина звездным часом.

В сознании широких народных - в первую очередь крестьянских, солдатско – крестьянских и рабоче – крестьянских – масс, разочарованных беспомощностью

“демократии” в решении всех важнейших вопросов, стоящих перед властью, развращенных практически полным бесправием, утвердившимся по всей стране на фоне “риторического половодья” властей и партийных функционеров, стали доминировать экстремистские настроения, которым более других соответствовали радикальные лозунги партии большевиков, призывавших к решению всех жгучих вопросов того времени немедленно и насильственно, что находило живейший отклик в психологии вышедшей на улицы толпы. Именно “толпа” в условиях безвластия официальных структур все чаще начинает ситуативно выполнять функции фактического органа власти, прибегая к традиционно свойственным ей методам массового насилия, что привело к стремительному росту погромного движения в городах и селах Поволжья (как и России в целом). Это объективно явилось успехом тактики ленинцев, которые, в отличие от своих аморфных и болтливых соперников, не боялись насилия, а, напротив, всячески стремились придать ему массовый характер. В.И. Ленин подчеркивал: “Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие” (4). Как это уже точно подмечено в литературе, “к этому моменту “большевизм” уже стал знаком насилия, а не партийной принадлежности” (5).

Это изменение в массовом сознании не осталось незамеченным и в лагере противников большевизма. Так, саратовский меньшевистский “Пролетарий Поволжья” в сентябре 1917г. констатировал: “Обнаружился явный сдвиг налево. Симпатии... масс... резко качнулись в сторону большевизма и доставили ему повсюду яркий успех. Большевики являются сейчас неоспоримыми баловнями успеха” (6). А видный саратовский меньшевик В. Майский подчеркнул в это же время: “Я едва ли ошибусь, если скажу, что весь текущий момент стоит под знаком большевизма” (7).

Сдвиг в массовом сознании породил ощущение предчувствия грядущей “бури”, которой так боялись все политические партии, за исключением большевистской. “Еще не голод, даже не недоедание, а уже грозное смятение, тревожное брожение умов. Пахнет грозой”, - пишет эсеровская “Симбирская Народная Газета” (8). Яркая пророческая картина нарисована в сентябрьском номере “Саратовского Вестника”. Его журналист, свидетельствуя о “сдвиге в настроении обывательских масс”, в статье с характерным названием “У последней черты”, предвещает: “Надвигается новая стихия. Какая именно - не знаю. Но думаю, что страшная. И, если и теперь нам не удастся сконструировать власть – сильную, твердую и достойную; если мы будем только “заседать”, сыпать словами и резолюциями, - то эта стихия, эта надвигающаяся на нас загадочная волна выбросит на берег русской государственности такую “черную жемчужину”, что в сравнении с ней “корниловщина” покажется нам ярко – красным рубином...” (9).

Но, увы, власть оказалась не способна внять подобным, не редким в то время, предостережениям, и сложившаяся партийно – политическая система продолжала, по выражению В. П. Булдакова, “работать на самоуничтожение, ибо окончательно разошлась со вставшей на дыбы политической культурой народа” (10).

Крах этой системы был обусловлен, в первую очередь, тем, что заведенная ей в “тупик”, что было вынуждено констатировать в начале октября даже всегда умеренное “Симбирское слово” (11), деревня отчаялась дожидаться Учредительного собрания и напомнила “демократии” о том, что, как отметил в это же время “Пролетарий Поволжья”, “красный петух и вилы не ушли в область преданий” (12). Подстегиваемые радикальными лозунгами, услужливо подсказываемыми прежде всего большевиками, опьяненные близостью вожаемой земли и собственной безнаказанностью, озлобленные

продолжающейся войной и “странными делами”, творящимися в городах, “мужички начали вплотную решать аграрный вопрос – своими силами и своими методами. Это волны, которые вздымаются и растекаются по всей стране”, - вспоминал впоследствии в своих знаменитых “Записках о революции” Н. Н. Суханов (13).

“Страну обуяла анархия”, - пишет саратовский меньшевик Н. Капитоновский (14). Термин “анархия”, наиболее распространенный для оценки событий осени 1917 г. среди их современников, в последнее время вернулся в научный оборот исследователей. Так, поволжский историк общинного движения Д. И. Люкшин подчеркивает: “К осени 1917 г. наступила анархия”(15). В передовице самарской кадетской газеты “Волжский день” так говорится о роли в сложившийся к октябрю 1917 г. “анархии” так называемого “крестьянского движения”: “Когда у нас говорят и пишут об анархии и тех уродливых формах, которые приняла русская революция за последние месяцы, то упускают из виду одну из причин, являющихся, собственно, питательной средой для роста и развития всяких самочинных и анархических действий. Мы говорим о погромах и земельных захватах, в которые вылилось доселе сравнительно мирное аграрное движение...”(16).

Любопытно, как самарские кадеты оценивают характер связи крестьянского “черного передела” с партийными планами большевиков и эсеров: “Народ пошел добывать себе землю путем своим стародавним, бесправным, пугачевским. Вот где почва деревенской анархии, благодарная для естественного большевизма. Обломки государственных скреп и паралич государственной власти на местах только сухие дрова на этот страшный деревенский костер, на котором горят не одни помещичьи усадьбы, но и остатки русской культуры. Период бесплодных обещаний и благодушных ожиданий кончился и открылась мрачная страница

самочинного разрешения земельного вопроса, который также далек от всяких социализаций, как пугачевщина от революции...”(17)

Как отмечают исследователи, сразу же после окончания полевых работ фактически развернулась “настоящая крестьянская война” (18) или “крестьянская революция”, закончившаяся “победой общины над государством и капитализмом” (19). В ходе аграрного движения осенью 1917 г. было практически реализовано крестьянское правосознание (20), на поддержке наилучших сторон которого и основывалась тактика большевиков (21). Как утверждает в своих воспоминаниях бывший глава Временного правительства, “война крестьян с властью” была вызвана действовавшими по инструкции Ленина отсталыми и невежественными элементами”(22). Разумеется, мнение А. Ф. Керенского в данном случае, отражает лишь одну из сторон вопроса о причинах обвальной дестабилизации в аграрной сфере. “Пролетарий Поволжья” справедливо указывает, что “...никогда никакая агитация не имела бы успеха, если бы для нее не было почвы... Только отчаянием, только полнейшей неуверенностью в будущем можно объяснить что массы, столь терпеливые и выдержанные в течение полугода, начинают поддаваться разлагающему влиянию анархии”(23). Отчаяние и озлобление масс, действительно, достигает апогея. “Сколько таившей зависти, обиды вызвано из недр души народной... И мечутся люди несчастные, ищут виновников смуты среди живущих братьев своих и творят зло, не правду – не ведая, что творят! И нет голосов вождей духовных, которые не побоялись бы теперь с силой любви к народу сказать: остановись, не ищи врагов среди ближних. От кого требуешь?! Ведь насильно ничего не получишь прочно навеки. Сильный или бессовестный – все равно отнимет”, - пророчески увещевала прихожан “Симбирская Церковная Правда” (25).

В аналитическом обзоре аграрного движения по 1 октября 1917 г.,

выполненного Главным управлением по делам милиции МВД Временного правительства, четко сформулировано качественное отличие крестьянского движения осенью 1917 от предшествующего этапа: “Таким образом, если тотчас после переворота правонарушения, связанные с аграрным движением, носили спорадический характер, если позднее, в момент наибольшего проникновения в деревню политических лозунгов, они возросли численно, санкционировались различными комитетами и стремились принять форму кажущейся законности, то в настоящий момент они приняли вполне выраженный массовый анархический и явно погромный характер, делающий их опасными для самого существования государства” (26).

9 октября министр внутренних дел А.М. Никитин призвал местные власти “приложить все усилия, чтобы сплотить здоровые элементы населения в целях борьбы с развивающейся анархией, которая неудержимо влечет страну к гибели...”, что получило отражение в поволжской прессе (27).

Материалы Симбирской, Самарской и Саратовской губерний дают впечатляющую картину аграрной анархии, неукротимый характер которой заставлял очевидцев часто сравнивать ее с чудовищной эпидемией, охватившей сельское население Поволжья.

В своей “Истории аграрного движения Самарской губернии”, написанной сразу по горячим следам, эсеровский деятель П.Д. Климушкин указывает: “Поднявшаяся погромная волна охватила как зараза всю Самарскую губернию, доминировала над всем остальным настроением, придавая этой эпохе свою специфическую окраску” (28).

А в саратовской периодической печати осенью 1917 г. сообщается: “Волнения перебрасываются из одной волости в другую, словно эпидемия поражая

население, нарушая его душевное равновесие и будя низменные инстинкты... Местные власти телеграфируют о своем полном бессилии и требуют срочных радикальных мер для ликвидации беспорядков”(29).

“Без вооруженной силы в деревне делать нечего, - сообщает корреспонденту “Симбирской Народной Газеты” председатель одного из райпродкомов губернии, - Нужна власть, сила, а где она? Не на что опереться...” (30)

Лавина крестьянской стихии нарастала с каждым днем. “Каждый день приносит все новые и новые вести о начавшихся аграрных беспорядках в деревне...” (31) – такими констатациями переполнена местная пресса, а канцелярии губернских комиссаров были затоплены грозным потоком призывов о помощи с мест типа: “...идут сплошные погромы... Местные власти бездействуют. Прошу принять меры спасения...”(32). Сохранившиеся документы последних недель постфевральской “демократии” зачастую напоминают оперативные сводки с поля боя. Так, например, управляющий именем Азаревич Байковской волости Сердобского уезда Саратовской губернии сообщает хозяину: “12 сентября. Салтыковские [крестьяне] отобрали овец, меня хотели утопить, отстреливаясь, едва спасся, бросаю имение, более держаться невыносимо. 14 сентября. Согласно разрешению продовольственного комитета хотел перегнать племенных маток в Пензенскую губернию, догнали студенческие, разграбили, заставили вернуться. Положение отчаянное. 21 сентября. Двадцатого салтыковские разгромили дом, мебель, грабят скот, инвентарь, неоднократно обращался к губернскому комиссару, защиты никакой, полная безнаказанность, обратитесь к министру...” (33)

О положении в поволжской деревне накануне Октябрьского переворота красноречиво свидетельствует доклад члена Самарской губернской земельной управы В. М.Фролова о результатах обследования Бугурусланского и

Бузулукского уездов: В Троицкой волости – “никаких сборов... не поступало... потому что местное население не признает никакой власти”; в Натальинской волости - “единственное спасение – это поддержать местную власть со стороны центральной реальной силой”; “появление в Табынской волости - “грозит полной опасностью жизни”, “анархия”; в Емантеевской волости - “давать справки отказались”; в случайно уцелевшем к октябрю 1917 г. образцовом имении Дурасовой “со дня на день ожидать погрома” – так описывает итоги своей инспекции докладчик. Причем “посланные для охраны солдаты не только не охраняют имение, а ходят по селу и сами агитируют за разгром, ликвидацию всего скота, конного завода, овцеводства. Многие старики лет по шестидесяти, - докладывает В.М.Фролов, - мне говорили лично: “Все равно мы эту Дурасиху разгромим”, то же говорит и сельский председатель...” Докладчик предлагает срочно описать имения и взять их под стражу, “ибо настроение населения к такого рода имениям с каждым днем обостряется и не сегодня – завтра начнутся погромы, после чего восстановить такую ценность не представляется возможным в сотни лет”.(34)

О степени соответствия социалистической пропаганде со стороны политических партий и истинных мотивов массового погромного движения в деревне в высшей степени наглядно свидетельствуют следующие факты, изложенные в докладе В. М. Фролова: “В имении Осоргиной масса ценных исторических картин, образцовая постройка и огромной ценности инвентарь, а приехавшие с фронта солдаты уже говорят, что долго держится имение Осоргиной, надо давно было разбить... Завод Дохлова представляет крупную ценность и уже есть со стороны местных граждан заявления: “А что, скоро завод будут ломать, нам хоть кирпичи на печку сгодятся” - эти слова, по моему глубокому убеждению предвещают также погромы” (35).

Нарисованную в этом докладе картину можно считать типичной. При этом необходимо отметить, что в условиях аграрного Поволжья рабочие в провинции были близки крестьянам и по образу жизни, и по своим поведенческим установкам в смутное время. Породившая местный “пролетариат” крестьянская общинная среда генетически запрограммировала и некоторые свойственные ей формы и методы “политической” борьбы. Характерна такая, например, телеграмма, поступившая в адрес Симбирского губернского комиссара : “<В> нашем имении при селе Новой Зиновьевке Карсунского уезда рабочие фабрики Протопоповка 19 октября разграбили весь хлеб и сожгли омет соломы . Сейчас угрожают увести сено, остальную солому и скот. Положение безысходное. Имение при винокуренном заводе. Спирт. Охрана недостаточна. Возможна катастрофа. Просим помощь” (36).

Как образно обобщают некоторые историки революции, “в октябре крестьяне, похоже, были готовы грабить все и всех: отрубщиков, помещиков, евреев, предприятия по переработке сельхозпродукции. Все это сочеталось с откровенной уголовщиной и самосудами...Какую бы социальную базу позднее ни подводили под все это исследователи, хроника крестьянских действий оставляет впечатление войны всех против всех”(37). Региональные материалы Поволжья показывают, что подобные характеристики не далеки от истины. По мнению отдельных поволжских историков, движение крестьянской стихии приняло в целом антигородской и антигосударственный характер – “общинники буквально вцепились в горло своего главного врага – государства, были забыты даже помещики и “мироеды”(38).

Причем, в этой войне крестьян с властью последняя явно потерпела полное поражение. Земля и власть сосредотачивались в руках поземельной общины (39), и в сложившихся обстоятельствах не нашлось силы, которая смогла бы этому

противостоять. “Местные органы власти, дезорганизованные к этому времени, не представляли никакой сдерживающей силы и предотвратить или остановить эту надвигающуюся волну не в состоянии были”, - признает сам “ходивший во власть” П. Д. Климушкин (40). Кроме того, местные органы власти, которые реально были ближе к крестьянскому движению, чем превратившееся к тому времени фактически в фикцию Временное правительство, настигла “волна низвержения”, “вакханалия смещения”, и в такой ситуации люди, “могущие оказать противодействие всякому бесчинству и самоволию, отказывались идти в органы власти, а шли люди, не пользующиеся общественным доверием, крикуны, для которых как раз такая обстановка безвластия являлась их атмосферой. Ясно, такие органы не могли справиться с таким могучим и грозным движением, как аграрное движение...” - делает вывод П. Д. Климушкин (41). Как резюмировал Г. Н. Кочешков, “крестьянские массы оказались неподвластны никакой организации, стихия уничтожила всякое подобие законности и правопорядка, которые пытались создать Временное правительство вместе с демократическими общественно-политическими институтами страны” (42). Усвоившие, что “теперь законы снизу должны иттить” (43), крестьянство неудержимо проводило в жизнь свое “правотворчество снизу”, как это метко сформулировала в жалобе правительству графиня Толстая из Симбирской губернии, “несмотря на все ваши, министров, циркуляры, бумаги...” (44). Типична также жалоба в центр Саратовского “Союза земельных собственников” от 27 сентября на рост “аграрных беспорядков”, с одной стороны, и “бездействие местных властей”, с другой. (45) Но местные власти и не могли противостоять крестьянской анархии. Так, далеко не редким по тем временам является такой, например, ответ симбирского губернского комиссара Ф. Головинского, который на просьбы о “принятии мер” вынужден был телеграфировать: “Лично предпринять ничего не могу, вся надежда на самодеятельность уезда” (46). А прокурор Саратовской

Судебной палаты в своем донесении министру юстиции 6 октября 1917 г. отметил: “Губернский же комиссар правительства не обладает ни авторитетом, ни властью” (47).

Нелепые попытки со стороны власти длительное время осуществлять практически одну лишь “словесно – бумажную” защиту правопорядка в аграрной сфере привели к тому, что в деревне уже не обращали на циркуляры никакого серьезного внимания. В октябрьской статье “Деревенские настроения” “Саратовский вестник” приходит к выводу: “как бы то ни было, приходится констатировать один далеко не отрадный факт: - На деревенского гражданина можно воздействовать только силой...” (48)

Но анархия в деревне зашла уже слишком далеко, а реальными силами для борьбы с бушующей всюду стихией “всероссийского крестьянского буйства” Временное правительство уже давно не обладало (49). К этому времени даже Верховный Главнокомандующий вынужден был констатировать в докладной записке: “Надо признать, что армии у нас нет” (50) Образную характеристику положения в вооруженных силах российской “демократии” осенью 1917 г. дал В.М. Пуришкевич. По его словам, перепечатанным самарской “Солдатской Газетой”, “ни на одного солдата... рассчитывать нельзя, ибо лучшие из них разрознены и терроризированы сволочью во всех решительно полках... Властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправляться уже только публичными расстрелами и виселицами” (51). В.И. Ленин имел полное право гордиться тем, как большевикам удалось разложить войска, “ибо ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом, не могло быть и речи” (52).

Таким образом, представляется спорным мнение, что Временное

правительство осенью 1917 г. “развернуло широкомасштабную репрессивную кампанию”, как это считает Г.А. Герасименко (53), так как для действительно масштабных репрессий не было достаточно вооруженных законопослушных людей. Отдельные же локальные акции не могли стабилизировать ситуацию в целом. Так, например, “Симбирское слово” сообщает 16 сентября 1917 г., что В Загудаевскую волость Симбирского уезда отправилась уже вторая “экспедиция” по учету и вывозу хлеба в составе отряда солдат из “Легиона Свободы” в 40 штыков и комиссии из представителей Губернского Исполнительного Комитета и Солдатского Совета, но, как и предыдущая, наткнулась на решительное сопротивление крестьянства и вернулась ни с чем (54). Известны случаи, когда посланные на защиту интересов власти солдаты, напротив, объединялись с крестьянами и с оружием в руках выступали на их стороне. Так, например, солдаты, командированные по просьбе Симбирского Губернского Исполнительного Комитета в с. Ишеевку, Симбирского уезда, для проведения хлебной монополии, не только не оказали должного содействия в этом, а, наоборот, поддержали крестьян, заявив, что не допустят взять хлеб из амбаров”(55). Тем более, что именно солдаты, как уже было отмечено, и выступали, как правило, “главными революционерами деревни”, сыграв огромную роль в эскалации насилия и “большевизации” масс. Именно на солдат, которых в это время, по словам “Волжского дня”, “можно встретить везде, где соберутся два – три человека” (56), и которые, согласно рапорту саратовского прокурора, являлись “безответственными хозяевами положения” и “главным злом, против которого нет сил бороться” (57), не зря возлагали особые надежды местные комитеты РСДРП(б), не раз обращавшиеся к ним со специальными воззваниями, призывавшими усилить пропаганду большевизма в деревне (58). Солдаты, оказывая детонирующее воздействие на местную жизнь, стали главным орудием анархии в аграрном Поволжье, стремясь выявить свое “резко

большевистское настроение”, по словам П.Д. Климущкина, “в каких-нибудь реальных, видимых формах и, в первую очередь, видимыми и доступными формами является погром “буржуев”, где таковые остались, и частновладельческих имений” (59). Поняв полное свое бессилие остановить аграрные погромы, местные властные структуры (губернские комиссары, губернские, уездные и волостные комитеты и т. п.) пытались настаивать на немедленной передаче всех земель местным комитетам (60), с тем, чтобы предотвратить окончательный разгром еще уцелевших имений. Как, в свойственной ему манере, высказался по этому поводу 17 октября вождь большевистской партии, “вся запуганная восстанием эсеровская шваль вплоть до “Дела Народа” вопит теперь о необходимости передачи земель крестьянам”(61). Эта мера явно запоздала. Красочную характеристику положения в деревне к этому моменту дал генерал А. И. Деникин: “В деревнях земля давно была взята и поделена, теперь догорали помещичьи усадьбы и экономии, дорезывали племенной скот и доламывали инвентарь. Иронией поэтому звучали слова правительственной декларации, возлагавшей на земельные комитеты упорядочение земельных отношений и передававшей им земли в порядке, имеющим быть установленным законом и без нарушения существующих норм землевладения” (62).

Таким образом, накануне Октябрьской революции, крестьянство убедительно продемонстрировало общинные идеалы “социальной справедливости”. П.Д. Климущкин, выделяя осень 1917 г. в “третий и последний период аграрного движения”, подчеркивал: “Характерный и основной его мотив, заставивший нас совершенно обособить его от остальных периодов – это полная ликвидация частновладельческого хозяйства и разгром всего того, что в той или в другой степени напоминало... об их прежних владельцах” (63) .

Осенью 1917 г. крестьяне одолели, наконец, главных врагов крестьянского “мира” - помещиков и “мироедов”-отрубщиков”, которых они ненавидели, пожалуй, еще больше. В земельных управах Поволжья часто, подводя итоги “революционных” действий крестьян, констатировали: “Спор крестьянства с помещиками можно считать решенным... - вся помещичья земля в руках крестьянства. Сложнее с хуторянами – отрубниками, с которыми недоразумения улаживаются с большим трудом...” (64) Но “миры” были единодушны в своем отношении к “изгоям”-“частникам”. Так, сызранская “Земля и Воля” 22 сентября 1917 г. сообщила, что в с. Суринском Сенгилеевского уезда сход в 270 человек единогласно принял решение “упразднить частную собственность на землю и выкинуть поганый рассадник Столыпина – отруба” (65). Уже не надеясь на местные власти, отрубщики, пытавшиеся отстаивать свои права, направляли прошения военному министру. Так, например, граждане поселка Раевки Большекаменской волости Самарской губернии жаловались тому: “общественники... питая к нам, отрубщикам вообще какую-то непримиримую вражду, делают свои постановления в удобном для них смысле и заставляют несогласных подписываться к ним насильно, в случае же отказа или вообще несогласия – арестовывают” (66). В конце концов, отрубщики повсюду вынуждены были “подчиниться стихийности стремления народа к земле”, как отмечалось в докладе Бугульминской земельной управы в октябре (67).

Победившую в деревне анархию партия Ленина использовала в качестве плацдарма для решающего рывка к власти. В своем докладе “Исторические корни Октябрьской революции” академик П. В. Волобуев подчеркнул, что “решающим условием успеха большевиков... в Октябрьской революции было то, что крестьянство России, то есть большинство населения страны, отказало в доверии капитализму ...” (68), а Ю. П. Бокарев, анализируя события 1917 г. , пришел к выводу, что и саму Октябрьскую революцию “в определенном

смысле... можно считать поражением сторонников введения в России частной собственности на землю” (69).

При этом следует учитывать мнение многих исследователей, что само крестьянское движение, несмотря на его огромную роль в политической борьбе, собственно политического характера не носило. Еще известный ученый-аграрник Я. А. Яковлев в своем предисловии к сборнику документов “Крестьянское движение в 1917 г.”, четко сформулировал мысль о том, что оно “не превратилось в организованное революционное движение, не преодолело свойственного крестьянскому движению характера стихийного бунта...” (70)

Большевики, таким образом, оказались единственной политической партией сумевшей для достижения власти использовать ментальные традиции народного стихийного движения, бунтарскую психологию крестьянской общины.

Пока кадеты, эсеры и меньшевики “пугались ужасов” аграрной анархии, вождь большевиков с удовлетворением констатировал: “Никогда еще “погромы и анархия” к таким превосходным политическим результатам не приводили” (71), пока соперники задавались риторическими вопросами и утешались тем, что “едва ли найдется в России хоть одна бесшабашная голова, которая взяла бы на себя смелость трактовать крестьянские выступления, как шаги развивающейся революции”(72), В.И. Ленин указывал: “Разрастается крестьянское восстание”; “События так ясно предписывают нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением. Аграрное движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии, в войске симпатии к нам растут...”; “Коалиция крахнула... вся русская революция пришла к перелому” (73). Пока все другие политические партии убеждали крестьян в необходимости еще немного потерпеть, большевики, поняв, что мужик и солдат не хотят больше ждать, обвиняли коалиционное правительство в измене, призывали к решению всех

важнейших вопросов без всяких “переходных” периодов, для чего предлагали действовать в “тесном союзе” (74) И, как отметил В.И. Гинев, “в сентябре и октябре лозунги большевиков... попадали на почву, гораздо более благодарную, чем это было весной и летом” (75).

Благодаря такой тактике, по выражению Н.Н. Кабытовой, “в поисках мужицкой правды” крестьяне постепенно отходили от эсеров и попадали в объятия большевиков. Последние стремились в ходе своего социалистического эксперимента подпереть мускулистые, но немногочисленные пролетарские плечи мощным крестьянским хребтом” (76).

И действительно, осенью 1917 г. партия эсеров явно теряет свое ранее почти монопольное влияние на крестьянские массы (77), растущей нетерпимости которых более отвечали радикально – экстремистские лозунги большевизма.

Несмотря на то, что эсеры уже после захвата власти большевиками во всех аграрных регионах Поволжья на выборах в Учредительное Собрание имели значительный численный перевес, тактически борьбу за крестьянство большевикам они проиграли, ибо, как уже отмечалось, сила партии заключается вовсе не в количестве записанных в нее членов или поданных за нее голосов, а в фактическом следовании широких масс ее лозунгам, в объективном соответствии поведения масс тактическим замыслам партии.

Как отметили Г.А. Герасименко и Д.С. Точеный, “в сентябре – октябре 1917 года стал совершенно очевидным тот факт, что в будущих политических битвах эсеры в большинстве регионов России, в том числе и в Поволжье, не найдут среди крестьянства *активной* поддержки”(78).

Таким образом, тактика большевиков и стихия крестьянского движения оказались тесно взаимосвязаны между собой. “Крестьянское восстание” В.И.

Ленин определил как “на деле доказанную правоту большевизма” и “переход народа на сторону большевиков”(79). Но фактически и сами большевики стали заложниками этой стихии и, по словам Д. Боффы, в условиях, когда дело в деревне дошло до жакерии, стоило большевикам промедлить, и нетерпение масс обратилось бы против них (80). Захватив власть, партия Ленина в первую очередь поспешила удовлетворить эгалитарные устремления крестьянства оперативно перехваченным у эсеров земельным декретом и узаконить захватный характер крестьянского движения. “Пролетарий Поволжья” констатировал: “С победой новой, так называемой рабоче–крестьянской (а на самом деле крестьянской) революции, воцарилась новая власть...”(81) Этот вывод повторяют и некоторые современные исследователи: “По форме это была пролетарская революция, а по сути – крестьянская” (82).

Примечания

- 1- Соколов К.Н. Политическое обозрение: Трагедия предпарламента // Нива. Пг., 1917. № 46 (ноябрь). С. 722.
- 2- Ландау Г.А. Противоречия революционной демократии (очерки смутного времени). / Рукопись статьи // РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Лл. 97-98.
- 3- Симбирская Народная Газета . Симбирск, 1917. № 55(24 сентября).
- 4- Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 386.
- 5-Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия.М., 1997. С. 107.
- 6- Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 97 (24 сентября).
- 7- См.: Рейли Д. Дж. Саратов и губерния в 1917 году : события, партии, люди. Саратов, 1994. С. 72
- 8- Симбирская Народная Газета. Симбирск. 1917. № 60 (6 октября).
- 9- Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 211 (24 сентября).
- 10- Булдаков В.П. Указ. соч. С. 43
- 11- Симбирское Слово. Симбирск, 1917. № 162 (6 октября).
- 12- Пролетарий Поволжья... № 104 (4 октября).

- 13- Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т.3. С. 221-222.
- 14- Пролетарий Поволжья... № 112 (13 октября).
- 15- Люкшин Д.И. 1917 год в деревне: общинная революция? //Революция и человек. Социально – психологический аспект. М., 1996. С. 35.
- 16- Волжский день. Самара. 1917. № 222 (12 октября).
- 17- Там же.
- 18- Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902-1922 //Крестьяне и власть. С. 6.
- 19- Люкшин Д.И. Указ. соч. С141.
- 20- Рамазанов А.Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско – Симбирского Поволжья). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995. С.128.
- 21- Там же, С. 137.
- 22- Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 157.
- 23- Пролетарий Поволжья... № 120 (22 октября)
- 24- Симбирская Церковная Правда. Симбирск.1917. № 33 (23 сентября).
- 25- Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг.: на материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 213.
- 26- ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 152 Об.
- 27- Волжский день... № 222 (12 октября).
- 28- Климушкин П.Д. История аграрного движения Самарской губернии //Революция 1917 – 1918 годов в Самарской губернии. – Самара, 1918. Т.1. Отд. 2. С. 45.
- 29- См.: Рейли Д. Дж.. Указ. соч. С. 77.
- 30- Симбирская Народная Газета... № 60 (6 октября).
- 31- Пролетарий Поволжья... № 104 (4 октября).
- 32- ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 49. Л. 26.
- 33- Цит. по: Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 168.
- 34- ГАСО . Ф. 823. Оп. 1 Д. 2. Лл. 179 –182. Об.
- 35- Там же. Лл. 182 Об .– 183.
- 36- ГАУО. Ф.677. Оп. 2. Д. 49. Л.24.
- 37- Булдаков В. П. Указ . соч. С. 111 – 112.
- 38- Люкшин Д. И. Указ. соч. С. 129.
- 39- Там же. С. 137.
- 40- Климушкин П. Д. Указ . соч. С. 46.
- 41- Там же.
- 42- Кочешков Г. Н. Российские землевладельцы и их общественно – политические организации в 1917 году. Дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Ярославль, 1995. С. 262.
- 43- Волжский день... №190 (1 сентября).

- 44- ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 172. Л. 89.
- 45- Там же. Д. 461. Л. 59.
- 46- См.: Конькова А. С. Борьба коммунистической партии за союз рабочего класса с беднейшим крестьянством в 1917 – 1918 гг. (по материалам Самарской и Симбирской губернии). М. , 1974. С. 83.
- 47- См.: Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии Саратов, 1947. С. 4
- 48- Саратовский Вестник... № 228 (15 октября).
- 49- Булдаков В. П. Указ. соч. С. 49.
- 50- См.: Миллер В.И. Революция в России. 1917-1918 гг. Проблемы изучения. Дисс. в форме науч. докл. по совокупн. опубл. тр. М., 1995. С.37.
- 51- Солдатская Газета – Самара , 1917. № 180.
- 52- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 10.
- 53- Герасименко Г. А. Трансформация власти в России в 1917г. Отечественная история. М., 1997, № 1, С. 69.
- 54- Симбирское Слово... № 146 (16 сентября).
- 55- ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 391. Л. 87; Д. 172 , Л. 76.
- 56- Волжский день... № 228 (19 октября).
- 57- Афанасьев Н. Указ. соч. С. 47.
- 58- См., напр., Социал-демократ. Саратов, 1917, 14 сентября; 15 сентября.
- 59- Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 45.
- 60- См.: ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 49.; Пролетарий Поволжья... №110 (11 октября); Дубровский С. М. Временное Правительство и крестьянство. // Аграрная революция. М., 1928. Т. 2. С. 78.
- 61- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 400.
- 62- Деникин А. И. Очерки русской смуты. //Вопросы истории. М., 1991. №6. С. 108.
- 63- Климушкин П. Д. Указ. соч. С. 45.
- 64- ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 172. Л. 36.
- 65- ГАСО. ФП. 3500. Оп. 1. Д. 201. Л. 36 Об.
- 66- ГАСО. Ф. 768. Оп.1. Д.2. Л. 5. Об.
- 67- ГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 2. Л. 216.
- 68- Волобуев П. В. Исторические корни Октябрьской революции. //Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 46.
- 69- Бокарев Ю. П. “Умом Россию не понять”: поведение крестьян в революционную эпоху. //Революция и человек... С. 91.
- 70- См.: Крестьянское движение в 1917 г. М., 1927. С. X.
- 71- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 391.
- 72- Пролетарий Поволжья... № 110 (11 октября).
- 73- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 387; С. 340; С. 276-277.

- 74- Там же, Т. 34. С. 275-276; С. 149.
- 75- Гинев В. И. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977. С. 160.
- 76- См.: Самарская летопись. Самара, 1995. С. 157.
- 77- См.: Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Саратов, 1994. С. 76-79.
- 78- Герасименко Г. А., Точеный Д. С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов, 1997. С. 194.
- 79- Ленин В. И. . Полн. собр. соч. Т. 34. С. 400.
- 80- Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 1. С. 50.
- 81- Пролетарий Поволжья ... № 127 (11 ноября).
- 82- См.: Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого: (Глядя из настоящего) – СПб , 1917. С. 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Фантасмагоричность “красной смуты” способна усмирить любую интеллектуальную гордыню” и “тонкая материя” российского бытия находится в более чем своеобразных отношениях с логикой, а потому многообразие ее проявлений всегда готово посрамить любую теорию”, - подчеркивают современные отечественные исследователи социокультурного аспекта русской революции Февраля - Октября 1917 года (1).

Тем не менее, подводя итоги этой диссертационной работы, можно сформулировать некоторые концептуальные выводы.

Именно “крестьянский вопрос”, представлявший собой многоузловую “корневую систему” проблем политического, социально-экономического, социально-психологического характера, в которой переплелись интересы различных массовых слоев российского общества, особенности их менталитета и исторической предрасположенности к активным действиям в условиях российского смутного времени, являлся важнейшим фактором поляризации всех общественных сил в период с марта по октябрь 1917 г. как по России в целом, так и в аграрном Поволжье в особенности.

В широком смысле, крестьянский вопрос был гораздо больше, чем просто вопрос о земле, - это был вопрос о войне и мире, о путях выхода из глубочайшего системного кризиса, об общественном согласии или гражданской войне, об эволюционной или революционной альтернативе, - это был вопрос об историческом выборе дальнейшего пути развития Отечества, который может быть представлен в виде сложнейшей разноуровневой конструкции, сконцентрировавшей в себе все болезненные коллизии общественной жизни России того времени, когда резонировали (наложились друг на друга) глобальные катаклизмы модернизации, войны и революции.

Очевидно, что именно крестьянский вопрос и являлся, в конечном итоге, вопросом о власти, дорожку к которой любой организованной политической силе в сложившихся обстоятельствах могла открыть только поддержка народной стихии, главным выразителем которой были огромные крестьянские и солдатско-крестьянские массы.

Как было показано в работе, в условиях химеризма сложившейся после Февральской революции “российской демократии”, определяющее значение в партийной борьбе за массы имели не программные установки, а “модули поведения” (2) политических партий и их соотношение с “модулями поведения” самих масс, не степень соответствия крестьянским чаяниям аграрных и иных партийных проектов, а отношение крестьянства к самим партиям, какими они представлялись в народном сознании вне зависимости от недоступных ему теоретических хитросплетений. Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было, в первую очередь, соответствовать национально-культурным особенностям народного менталитета, носителем основных сущностных черт которого выступала русская крестьянская поземельная община, а политический успех той или иной партии, таким образом, определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала социальной психологии русского крестьянства, насколько ее тактика корреспондировалась с его поведенческими стереотипами, насколько лозунги этой партии были понятны русскому крестьянину и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, то есть, в конечном итоге, насколько данная партия адекватна массовому сознанию в конкретной исторической ситуации.

И лучше всех это поняли и сумели использовать большевики, не спешившие связывать себе руки детально продуманной аграрной программой (3), а сделавшие акцент на адресно выверенные лозунги, отвечавшие социокультурному уровню масс. И большевики оказались единственной политической силой России 1917

года, которая смогла обратить грозную крестьянскую стихию в инструмент для достижения своих партийных целей, исполнив, таким образом, завет К.Маркса о том, что именно в лице крестьянства “пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню” (4).

В осмыслении глубинных истоков событий 1917 г. важное место занимает исследование возможностей осознания крестьянскими массами проводимой государством и партиями политики, то есть уровня политической и правовой культуры российского крестьянства. Используемые в работе материалы Симбирской, Самарской и Саратовской губерний дают основания констатировать, что уровень этот был крайне низок. Постфевральская “демократия” утвердилась лишь в формально-институциональном смысле, но в плане же социокультурном, социально-психологическом она осталась лишь партийно-правительственным мифом, ибо не имела опоры в массовом сознании.

Основой “политико-правовой культуры” масс фактически продолжали служить вековые традиции общинности с ее своеобразным авторитарным коллективизмом и отрицательным отношением к индивидуализму, категорическим неприятием идеи частной собственности на землю, правовым нигилизмом, доходящим до полного презрения к праву, если оно не обеспечено соответствующим репрессивно-властным механизмом.

Для крестьянского массового сознания характерно стремление к единообразию практической жизни и мышления, в критических ситуациях - отсутствие “полутонов”, склонность к восприятию только простейших рецептов решения тех или иных проблем, готовность к расправе с “врагами”, в разряд которых может быть отнесен любой, чье мнение не сходится с мнением крестьянского “мира”. Важной особенностью общинной психологии является возможность мобильного перехода к крайностям социального поведения, в

концентрированном виде проявляющемся в двух основных поведенческих стереотипах: рабское смирение или “бунт, бессмысленный и беспощадный”. Именно в осмыслении кажущейся “бессмысленности” крестьянского бунта, по мнению автора, и следует искать ключ к пониманию революционной смуты 1917 года.

Игнорирование природы и механизма накопления крестьянского бунтарства сложившейся после Февраля политической системой привело к тому, что она стала работать на самоуничтожение.

Традиционная “русская идея” - национально-патриотическая и православно-монархическая - была девальвирована, скрепить же устои новой российской государственности новой идеологией пришедшие на смену самодержавию силы не смогли, так как не облекли соответствующие “демократические” ценности в понятные народу национальные одежды, принятые массовым сознанием; и окончательно дискредитировали их в глазах народа затянувшейся сверх всякой меры нерешенностью насущнейших задач, стоявших перед властью.

Впервые введенные в России “свободы”, оказавшись в противоречии с архетипами поведения абсолютного большинства населения России, не были подкреплены ни развитой правовой системой, ни единством всех институтов власти, ни соответствующей деятельностью силовых структур по обеспечению порядка, и в конце концов были уничтожены народной стихией, выразителем которой сумел стать на определенное время большевизм, оказавшийся, по выражению Н.А. Бердяева, “наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием” (5).

Отношение поволжского крестьянства к политическим партиям, активно действовавшим в регионе, также обусловлено в первую очередь

социокультурными параметрами. В сферу партийных интересов втягивались массы людей, не различавших партий между собой, не готовых к самостоятельному анализу ставящихся перед ними проблем, не способных критически осмыслить речи заезжих “орателей”, восприятие которых носило, по преимуществу, ситуативно-эмоциональный характер, не вполне понимавших связь между политикой и своими действительными интересами. Не следует поэтому переоценивать степень “политизации” крестьян и придавать их стихийно-локальному поведению статус осознанного политического характера. Но политическая функция крестьянства гораздо сложнее сложившихся в историографии схем: оно не было просто “социальной базой” партии эсеров или “союзником пролетариата” - крестьянство оказывало мощное многоаспектное воздействие на весь ход общественных процессов самим традиционным укладом своей жизни, психологическими стереотипами, выработанными общиной, системой своих базовых ценностей и эгалитарных “радикально-консервативных” устремлений. Можно предположить, что крестьянство оказало на партии большее влияние, чем партии на крестьянство, и вопрос этот, по мнению автора, еще нуждается в дальнейшем изучении.

И все-таки пропагандистская работа партий в деревне давала определенные результаты: крестьяне использовали предлагаемые им “модули” лишь постольку, поскольку они отвечали традиционным общинным “векторам поведения” в ситуациях ослабления государственной власти. Партийные лозунги выполняли в известном смысле маскировочную функцию, придавая стихийному крестьянскому самоуправству видимость политической целесообразности.

Представляется вполне закономерным тот факт, что в экстремальных условиях все более нараставшего общегосударственного кризиса, либеральные ценности, искусственно трансплантируемые кадетами в чуждую им историческую среду, без соответствующей идеологической “прививки” массам и органичного

включения их в состав доступной народу “национальной идеи”, а также без обеспечения их силой государства, не нашли поддержки со стороны массового сознания, в котором все более стали доминировать экстремистские настроения. Элементарное непонимание крестьянами смысла кадетских речей, усугубляемое “антибуржуйской” пропагандой практически всех остальных партий, также способствовало тому, что бессознательно-доверчивое отношение масс к “демократической власти” вскоре сменилось жадой расправы над “изменниками делу революции”. Это привело к политической изоляции “Партии Народной Свободы”, ставшей “партией вчерашнего дня”, и к краху либеральной альтернативы в России.

Эсеры, пользовавшиеся огромной популярностью в крестьянской среде благодаря традиционному лозунгу “Земля и Воля” и аграрному проекту, в наибольшей степени соответствовавшему уравнилельно-перераспределительным идеалам крестьянского “мира”, сыграли важную роль в радикализации общинных масс, раскачивании крестьянской стихии, во многом спровоцировав погромное движение в сельской местности и дестабилизацию всей социально-политической системы. Но, перейдя от пропаганды революционного пути решения земельного вопроса к попыткам конструктивного решения вопросов государственного значения конституционным путем, неонародники утратили контроль над развязанной стихией движения масс. На растущей нетерпимости последних завоевывала свой политический капитал партия Ленина, выдвигавшая простые рецепты немедленного и насильственного решения всех вопросов и демонстрировавшая готовность удовлетворить любые требования масс, оперативно облекая их в соответствующие лозунги.

Эсеры же, по признанию члена ЦК ПСР Г.А. Ландау, наивно пытались подорвать авторитет большевизма “обещаниями почти того же, что и он обещал, но только - чуть поменьше” (6). Таким образом, противоречивость политики

эсеров, усугубленная также отсутствием единства внутри партии, на фоне радикального озлобления масс и разочарования их в легитимных процедурах, привела к тому, что большевики, которые, напротив, активно поощряли рост массового насилия на аграрной почве, сумели тактически обыграть своих крестьянофильствующих конкурентов и превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего “союзника”, почерпнув, по словам В.И. Ленина, “свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага” (7).

Весь ход событий с марта по октябрь 1917 г. фактически представлял собой процесс трансформации критической массы социального конфликта, квинтэссенцией которого был крестьянский вопрос, в социальный взрыв, итогом чего стала победа большевизма, являвшегося, по мнению Г.П. Федотова, “несомненно самым почвенным из русских революционных движений” (8). И если тотчас после падения самодержавия крестьянские выступления носили спорадический характер, к лету существенно возросли, но еще пытались сохранять видимость “законности”, то осенью крестьянское движение фактически приняло антигосударственный характер, деревню захлестнула анархия (9).

Оправившись от перенесенного поначалу психологического шока, вызванного потерей “почвы” в связи с крушением монархии и соответствовавшей ей традиционной идеологии, оказавшись в ситуации отсутствия сдерживающих опасные для государства общинные формы поведения факторов, ощутив недееспособность “демократической” власти и безнаказанность противоправных выступлений, крестьяне обвальюно множат “аграрные беспорядки”; таким образом, объективно взяв на вооружение большевистские лозунги, - несмотря на эпизодичность работы ленинцев в сельской местности и отсутствие там организационных ячеек их партии. Как признавал позже видный саратовский

большевик В.П. Антонов: “В силу объективных обстоятельств мы не были наказаны за нашу слабую работу среди крестьянства. Стихия нас вывезла” (10).

Ставка на “стихию”, на изначально разрушительные формы революционной работы, на низшие струи революционного потопа, захлестнувшего как поволжскую глубинку, так и всю Россию, обусловила успех большевизма в массах, об уровне политической и правовой культуры которых говорилось выше. Основными проводниками влияния большевиков в деревне стали ожесточенные войной и революцией солдаты, сыгравшие роль детонатора во всеобщей эскалации насилия, терроризировавшие конструктивную часть сельского “мира”, сметавшие последние остатки права в деревне. Наступившая там анархия, зачастую именуемая тогда “аграрным большевизмом”, явилась, по сути, массовым отказом большинства населения от поддержки легитимных структур и сдвигом страны от разочаровавшей ее “демократии” к традиционализму, который под видом “социалистических” идеалов и с помощью демагогических лозунгов сумели мобилизовать под свое красное знамя большевики, на гребне крестьянской анархии утвердившие “диктатуру пролетариата”.

Большевики, до конца оставаясь партией радикальной оппозиции, не “скомпрометировавшей” себя участием в немогущей демократической коалиции (что было очень удобно в условиях кризиса), обещая каждой недовольной группе населения то, чего она более всего желала, стали в процессе разлива народной смуты в 1917 году больше, чем просто партией, - они сыграли роль своеобразного энергетического центра, организующего хаос движения масс, притягивающего всех недовольных, сумевшего аккумулировать умело разжигаемые антивоенные, “антибуржуйские”, антисобственнические настроения и использовать стихийно-бунтарскую психологию восставшей толпы, архетипы которой коренились в общинном сознании. Внимательные современники в качестве причины успеха большевиков в 1917 г. подчеркивали, что “ ... психология - анархическая

психология большевизма - была до сих пор наиболее ярким и наиболее действенным фактором этой истории” (11).

Осенью 1917 г. большевики захватили власть на волне погромов, ставших, как писал 25 октября саратовский “Пролетарий Поволжья”, непосредственным результатом “большевистской тактики, бессознательно применяемой крестьянами, но сознательно одобряемой большевиками” (12).

Октябрьский переворот легитимизировал захватный характер крестьянского “передела”, что и стало решающим фактором победы партии Ленина, который впоследствии подчеркивал: “В октябре 1917 г. мы брали власть вместе с крестьянством в целом” (13).

Таким образом, колебания в массовом сознании общинников от упоения анархическим идеалом безвластия до признания необходимости твердой власти, в социокультурном плане сохранявшей преемственность от традиционного российского самодержавия, закономерно закончились приходом такой власти, которая последовательной жестокостью своего насилия смогла обуздать беспощадность русского бунта.

Успокоенное перехваченным большевиками у эсеров на время закрепления новой власти земельным декретом, отвлеченное от происходящих в центре событий “черным переделом” на местах, нейтрализованное иллюзией осуществления вековых чаяний, локализованное всевластием сельских сходов под лозунгом “Вся власть Советам”, абсолютное большинство населения России предоставило политическую арену в полное распоряжение большевикам и не спешило оказать организованного сопротивления пришедшей на смену “демократии” диктатуре, хотя и относилось к большевикам с опасением. Как показала дальнейшая история, опасения эти были не напрасны.

Данное исследование позволяет сделать и некоторые практические выводы.

Необходимо помнить, что широко идеализируемые черты русского национального характера, действительно имеющие огромный положительный потенциал, далеко не исчерпывают весь спектр реальных проявлений российской ментальности и имеют свои оборотные стороны, чреватые проявлением самых разрушительных потенций, если политики забывают, что в основе стабильности любого нормального общества лежит массовое политическое сознание, имеющее исторически обусловленную социокультурную специфику, которую нельзя игнорировать.

Любые масштабные реформы не должны осуществляться при отсутствии их общенациональной концепции, способной выступить в качестве консолидирующего начала, преобразующего традиционные черты массового сознания в конструктивный фактор гражданского общества; и, уж тем паче, они не должны проводиться в конфликте с основополагающими ценностными установками народа, что может спровоцировать стихийный бунт, чреватый распадом общества и государства.

Таким образом, в этой диссертационной работе рассмотрены различные аспекты темы, связанной с социокультурным взаимовлиянием партии большевиков и крестьянских масс в период от Февраля к Октябрю 1917 года.

Представляется перспективным продолжение комплексного обобщающего исследования данной темы как на базе “нового прочтения” местных источников и последующей реконструкцией региональных сюжетов, так и компаративистский труд в масштабе всей страны.

Автор полагает, что подобные исследования должны способствовать пониманию природы и механизма массовых движений в России, проведению политики, адекватной массовому сознанию, и своевременному блокированию деструктивных тенденций в поведении масс и политических партий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 - См.: Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С.11, 59.
- 2 - См.: Лупоядов В.Н. Политические партии России в 1917 г. (Проблемы взаимоотношений с органами власти). Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1993. С.147-148.
- 3 - См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.37.
- 4 - Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8. С.607.
- 5 - Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М., 1990. С.114.
- 6 - Ландау Г.А. Противоречия революционной демократии (очерки смутного времени). Рукопись статьи // РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.39. Л.120.
- 7 - Ленин В.И. Там же. Т.12. С.34.
- 8 - Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992. С.299.
- 9 - См., напр., аналитический обзор МВД Временного правительства - ГАРФ. Ф.1791. Оп.6. Д.401. Л.152 Об.
- 10 - Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. М.-Л., 1925. С.134.
- 11 - Набоков В. Шесть месяцев революции // Вестник Партии Народной Свободы. 1917, №19.
- 12 - Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. №122 (25 октября).
- 13 - Ленин В.И. Там же. Т.38. С.192.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опубликованные источники.

1.1. Документы партийных и общественных организаций, тематические сборники материалов, справочные и статистические издания.

- Блюменталь И.И. Революция 1917 – 1918 годов в Самарской губернии (Хроника событий). Самара : испарт Самарского ГК РКП(б). Т.1. 1917 (март – декабрь). – 445 с.
- Борьба за власть Советов в Симбирской губернии (февраль 1917 – июнь 1918). Сб. восп. Ульяновск: Ульяновская правда, 1957. – 292 с.
- Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. док. Ульяновск: Ульяновская правда, 1957. – 344 с.
- Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М.: Сов.энц., 1987. – 639 с.
- Война крестьян с помещиками в 1917 г. (Воспоминания крестьян). М.: Крестьян. газета, 1926. – 77 с.
- Журнал Чрезвычайного Симбирского Губернского Земского Собрания. Симбирск, 1917, 2 июня.
- За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. Саратов: Приволж. кн. изд., 1968. – 287 с.
- КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 5июля – 5ноября 1917 г. Сб. док. М.: Госполитиздат, 1957. - 566 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Ч. 1. – 392 с.

- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М.: Политиздат. 1970. Ч.1. – 534 с.
- Красная быль. Сб. истор. матер. Самар. губ. бюро истпарт. Самара, 1923 (март). Кн.2. – 205 с.
- Красная быль. Самара, 1923 (октябрь). Кн. 3. – 186 с.
- Красная летопись. Сб. матер. по истории Симбирской организации РКП(б) и революционного движения в Симбирской губернии. Симбирск: Истпарт ГК РКП(б), 1923. – 60 с.
- Крестьянское движение в 1917 г. Сб. док. М.-Л.: Госиздат, 1927. – 442 с.
- Большевики в 1917 г. М.: Прогресс – Академия, 1994. Т.1. – 752 с.
- Октябрь в Самаре. Сб. восп. Куйбышев: Кн. изд., 1957. – 300 с.
- Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сб. док. М.: Госполитиздат, 1957. Т.1. Март – октябрь 1917. – 533 с.
- Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Док. и матер. Куйбышев: Кн. изд., 1957. – 521 с.
- Политические партии в России: Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1995. – 872 с.
- Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии, 1902 – 1917 годы. Куйбышев: Кн. изд., 1969. – 623 с.
- Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М.: МГУ, 1991. – 237 с.
- Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 1995. – 461 с.
- Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1947. – 590 с.

- Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и Протоколы общегубернского сословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. – Самара, 1917.
- Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958. – 307 с.
- Протоколы VI съезда РСДРП(б). Август 1917 г. М.: Госполитиздат, 1958. – 487с.
- Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М.: Изд. АН СССР, 1957. – 875 с.
- Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. – 935 с.
- Революционное движение в России в мае – июне 1917 г. М., 1959. – 738 с.
- Революционное движение в России в июле 1917 г. М., 1959. – 639 с.
- Революционное движение в России в августе 1917 г. М., 1959. – 835 с.
- Революционное движение в России в сентябре 1917 г. М., 1961. – 676 с.
- Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1 – 24 октября 1917 г.). М., 1962. – 837 с.
- Россия в мировой войне 1914 – 1918 г. (в цифрах). М.: ЦСУ СССР, 1925. – 103с.
- Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. – 423 с.
- 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян). М.: Политиздат, 1967. – 288 с.
- 1917 год в Саратовской губернии. Сб. док. Саратов: Кн. изд., 1957. – 658 с.
- Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917 – 1918 г. Саратов: Приволж. кн. изд., 1968. – 419 с.

1.2. Теоретические труды идеологов и деятелей политических партий.

- Абрамова. Крестьянин и рабочий (Партии социал-демократов и социалистов-революционеров). Самара: ПСР, 1917. – 12 с.
- Воблый К. Земельный вопрос в программах различных партий. Киев: Союз частных земельных собственников, 1917. – 30 с.
- Дербер П.Я. Обзор земельных программ различных партий. Б. м. Б. г. – 41 с.
- Иванов Н. Русские партии и аграрный вопрос. Пг.: ПСР, 1917. – 38 с.
- Изгоев А.С. Социалисты во второй русской революции. Пг.: ПНС, 1917 – 82с.
- Изгоев А.С. Социалисты и крестьяне. Пг.: ПНС, 1917 – 13 с.
- Иосифов А. С кем идти? (О партиях буржуазных и социалистических). Пг.: Рев. мысль, 1917. – 32 с.
- Канчер Е.С. Аграрный вопрос и политические партии в России. Пг., 1917. – 30с.
- Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Пг., 1918. – 249 с.
- Кауфман А.А. Крестьяне и земля. М.: Леман и Сахаров, 1917. – 32 с.
- Кудрявцев В.А. Что хочет партия народной свободы. Самара: ПНС, 1917 – 16 с.
- Ленин В.И. С чего начать?// Полн.собр. соч. Т.5. с. 1 – 13.
- Ленин В.И. Революционный авантюризм // Т.6. с. 377 – 398.
- Ленин В.И. Две тактики социал–демократии в демократической революции // Т.11. С. 1- 131.
- Ленин В.И. Отношение социал – демократии к крестьянскому движению // Т.11. С. 215 – 224.
- Ленин В.И. Первая победа революции // Т. 12. С. 27 – 35.

- Ленин В.И. Пересмотр аграрной программы рабочей партии // Т.12. С. 239 – 270
- Ленин В.И. Задачи рабочей партии и крестьянство // Т.14. С. 209 – 213.
- Ленин В.И. Политические партии в России // Т.21. С. 275 – 287.
- Ленин В.И. Рабочий класс и рабочая печать // Т.25. С. 227 – 234.
- Ленин В.И. О двух линиях революции // Т.27. С. 76 – 81.
- Ленин В.И. Письма издалека // Т.31. С. 9 – 59
- Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Т. 31. С. 87 – 94.
- Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции // Т.31. С. 149 – 186.
- Ленин В.И. Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству // Т.31 С. 237 – 265.
- Ленин В.И. Съезд крестьянских депутатов // Т.31. С. 270 –273.
- Ленин В.И. На зубок новорожденному ... “новому” правительству // Т.32. С.33-35.
- Ленин В.И. О “самочинном захвате” земли // Т. 32. С. 131-134.
- Ленин В.И. Большевизм и “разложение” армии // Т.32. С.255 – 257.
- Ленин В.И. Политическое положение (четыре тезиса) // Т.34. С. 1 – 5.
- Ленин В.И. К лозунгам // Т.34. С.10 –17.
- Ленин В.И. О конституционных иллюзиях // Т.34. С. 33 – 47.
- Ленин В.И. Проект резолюции о современном политическом моменте // Т.34. С.144 – 150.
- Ленин В.И. Задачи революции // Т.34. С.229 – 238.
- Ленин В.И. Марксизм и восстание // Т.34. С. 242 – 247.
- Ленин В.И. Кризис назрел // Т.34. С. 272 – 283.
- Ленин В.И. К рабочим, крестьянам и солдатам // Т.34. С. 284- 284.
- Ленин В.И. Письмо в ЦК ... // Т. 34. С. 340 – 341.

- Ленин В.И. Письмо к товарищам // Т.34. С. 398 – 418.
- Ленин В.И. Второй всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов // Т.35. С. 7 – 29.
- Ленин В.И. Пророческие слова // Т.36. С. 472 – 478.
- Ленин В.И. VIII съезд РКП(б) // Т.38. С. 125 – 215.
- Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Т.40. С. 1 – 24.
- Ленин В.И. Детская болезнь “левизны” в коммунизме // Т.41. С. 1 – 104.
- Ленин В.И. Речь в защиту тактики Коммунистического интернационала // Т.44. С.23 – 33.
- Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции // Т.45. С.278 – 294.
- Маркс К., Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Соч. М.: Госполитиздат. 1957. Т.8. С.115 – 217, с. 607 (примеч.)
- Маслов П. Политические партии и земельный вопрос. Симбирск: Совет р. и с.д., 1917. – 30 с.
- Маслов С.Л. Социализм и крестьянство. Пг.: ПСР, 1917. – 27 с.
- Рожков Н. Аграрный вопрос в России и его решение в программах различных партий. М., 1917. – 32 с.
- Розенберг В. Крестьянский вопрос в наши дни (Накануне революции и на другой день после нее). Пг.-М., 1917. – 40 с.
- Трудовое крестьянство и его задачи: Сб. ст. / Чернов В.М., Быховский Н.Я., Дедусенко А.Ф. Пг.-М.: Рев. мысль, 1918. – 240 с.

1.3. Мемуары.

- Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника). // Военно-исторический журнал 1993. № 10.

- Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М.: Воениздат, 1992. – 287 с.
- Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М.: Наука, 1991. – 518 с.
- Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1991.-383 с.
- Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника) // Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: РОССПЭН, 1996. – С. 229 – 265.
- Милюков П.Н. Воспоминания (1859 – 1917). М.: Современник, 1990. Т.2. – 445с.
- Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001.- 767с.
- Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарии западного историка. М.: Современник, 1991. – 381 с.
- Октябрьская революция : Мемуары. М.: Терра, 1999. – 414 с.
- Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М.: Терра, 1992 – 302 с.
- Струве П.Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. -349 с.
- Струве П.Б. Размышления о русской революции. М.: Знание, 1991.- 62 с.
- Суханов Н.Н. Записки о революции. М.: Политиздат, 1992. Т.3. – 413 с.
- Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. – 446с.
- Троцкий Л.Д. Моя жизнь : Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. - 624 с.

- Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. М.: Международные отношения, 1993. – 407 с.

2. Архивные фонды.

2.1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации).

- Ф. 523. Партия Народной Свободы.
- Ф. 579. Милюков П.Н.
- Ф. 1788. МВД Временного правительства.
- Ф. 1791. Главное Управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан МВД Временного правительства.
- Ф. 1796. Главный Земельный Комитет Министерства земледелия Временного правительства.
- Ф. 3529. Государственное совещание 1917 г. в Москве.

2.2. РГА СПИ (Российский государственный архив социально – политической истории).

- Ф.70. Истпарт.
- Ф. 274. ЦК ПСР.
- Ф. 451. Организационный комитет РСДРП(м).

2.3. ГАСО (Государственный архив Самарской области).

- Ф. 768. Самарский Уездный Земельный Комитет.
- Ф. 813. Самарский Губернский Комитет Народной Власти.
- Ф. 814. Самарский Губернский Комиссар Временного правительства.
- Ф. 820. Самарский Уездный Исполнительный Комитет Народной Власти.
- Ф. 823. Самарский Губернский Земельный Комитет.
- Ф. 1000. Попов Ф.Г.
- ФП. 651. Самарский партархив: Воспоминания участников Октябрьской революции в Среднем Поволжье.

- ФП. 3500. Истпарт Самарского ГК РКП(б).

2.4. ГАУО (Государственный архив Ульяновской области).

- Ф. 677. Симбирский Губернский Комиссар Временного правительства.
- Ф. 823. Симбирский Уездный Комиссар.
- Ф. 947. Симбирский Губернский Земельный Комитет.

2.5. ЦДНИ УО (Центр документации по новейшей истории Ульяновской области).

- Ф. 57. Истпартотдел Ульяновского ГК ВКП(б).

3. Периодическая печать 1917 года.

- Вестник Временного Правительства. Пг.
- Вестник Партии Народной Свободы. Пг.: еженедельник конституционно-демократической партии.
- Волжский день. Самара: газета ПНС.
- Волжское слово. Самара: беспартийная социалистическая газета.
- Вперед. М.: Орган Московской организации РСДРП(м).
- Голос Крестьянского Союза. М.
- Дело народа. Пг.: Орган ЦК ПСР.
- Земля и воля: крестьянская газета. М.: ПСР.
- Земля и воля. Пг.: ежедневная народная газета Петроградского обкома ПСР.
- Земля и воля. Самара: издание Самарского Комитета ПСР.
- Земля и воля. Саратов: ПСР.
- Земля и воля. Симбирск: издание Симбирского губернского Совета крестьянских депутатов и Комитета ПСР.
- Земля и воля. Сызрань: Сызранский Комитет ПСР.
- Известия Всероссийского Совета Крестьянских депутатов. Пг.
- Известия Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов. Самара.

- Известия Симбирского Совета крестьянских депутатов. Симбирск.
- Нива. Пг.: журнал литературы, политики и современной жизни.
- Правда. Пг.: орган ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б).
- Приволжская Правда. Самара : газета РСДРП(б).
- Пролетарий. Пг.: Центральный орган РСДРП.
- Пролетарий Поволжья. Ежедн. рабочая газета. Саратов: Орган Саратовского комитета РСДРП (объединенной).
- Рабочая газета. Пг.: Орган ОК и ЦК РСДРП(м).
- Речь. Пг.: Орган ЦК ПНС.
- Самарские губернские ведомости. Самара: Городской вестник.
- Саратовские губернские ведомости. Саратов.
- Саратовский Вестник. Саратов: ежедн. общ. полит. газета (орган Саратовского комитета “Единство”).
- Саратовский Листок. Саратов: газета политич., общ. и литературн.(орган ПНС).
- Симбирская Народная газета. Симбирск: орган ПСР.
- Симбирская Церковная Правда. Симбирск: орган РПЦ.
- Симбирские губернские ведомости (с № 35 – “Известия Симбирского губернского исполнительного комитета”). Симбирск.
- Симбирские церковные ведомости. Симбирск: журнал РПЦ.
- Симбирское Слово (с № 202 “Симбирянин”). Симбирск: орган Симбирского городского самоуправления.
- Солдат, рабочий и крестьянин. Сызрань.
- Солдатская газета. Самара: орган Самарского Совета военных депутатов.
- Социал-демократ. М.: орган Московского Бюро ЦК и Московского комитета РСДРП.
- Социал-демократ. Саратов: РСДРП(б).

4. Литература.

4.1. Диссертации и авторефераты.

- Барынкин В.П. Крестьянство западных губерний центра России накануне Октябрьской революции (по материалам Калужской, Орловской, Смоленской губерний). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Брянск, 1997. – 24 с.
- Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. М., 1997. – 63 с.
- Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX-XX в.в. – 1917 г. (по материалам губерний земледельческого центра страны). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. М., 2001. – 46 с.
- Гнутов М.А. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (апрель 1917 г. – июль 1918 г.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1951. – 335 с.
- Дубровин Д.А. Либеральная альтернатива общественного развития России в начале XX века. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 2000. – 207 с.
- Дягилев В.В. Альтернативные решения аграрного вопроса в России (на материалах государственных органов и политических партий начала XX в.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1994. – 185 с.
- Еферица Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии в период с 60-х годов XIX в. по 30-е годы XX в. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Саранск, 1995. – 314 с.

- Земцов Б.Н. Социально-психологические предпосылки революции 1917 г. в России. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1999. – 474 с.
- Кичеев В.Г. Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. СПб., 1993. – 196 с.
- Кочешков Г.Н. Российские землевладельцы и их общественно-политические организации в 1917 году. дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Ярославль, 1995. – 400 с.
- Крупнов С.А. Борьба большевиков Симбирской губернии за крестьянство в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1950. – 240 с.
- Лукманов А.Х. Деятельность общероссийских политических партий в армии (февраль – октябрь 1917 года). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. М., 2000. – 400 с.
- Лупоядов В.Н. Политические партии России в 1917 г. (Проблемы взаимоотношений с органами власти). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1993. – 197 с.
- Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Казань, 1995. – 21 с.
- Миллер В.И. Революция в России 1917 – 1918 г.г. Проблемы изучения . Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук (дисс. в форме научн. докл. по совокупности опубл. тр.). М., 1995. – 76 с.
- Парусова П.И. Борьба большевистской партии за крестьянство в период двоевластия (март – июнь 1917 г.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Л., 1955. – 281 с.

- Полещук А.Ф. Самарские большевики в борьбе за Советскую власть. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1947. – 239 с.
- Рамазанов А.Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско-Симбирского Поволжья) Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Самара, 1995. –167 с.
- Рашитов Ф.А. Революция 1917 года : партии и политический выбор России. Дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Саратов, 1994. – 363с.
- Сельцер Д.Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного центра России, март 1917 – март 1918 г.г. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Тамбов, 1990. – 292 с.
- Состин Д.И. Влияние политических партий на крестьянство Дона, Кубани, Ставрополя между революциями 1917 г. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Ставрополь, 1995. – 198 с.
- Стороженко Г.В. Борьба партии большевиков за крестьянство в 1917 г. (февраль - октябрь 1917 г.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1947. – 205 с.
- Суслов Ю.П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917 – 1920 гг.). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Саратов, 1995. – 502 с.
- Фадеев С.И. Установление Советской власти в Самарской губернии. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1947. – 281 с.
- Чертищев А.В. Деятельность социалистических партий по формированию и развитию массового политического сознания в действующей армии России в годы первой мировой войны, июль 1914 – октябрь 1917 г.г. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук, 1996. – 222с.

- Шардыко И.В. Политические партии в борьбе за реализацию аграрного вопроса (на материалах Беларуси, 1917 – февраль 1918 г.г.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Минск, 1993. – 232 с.
- Шестак Ю.И. Тактика большевиков по отношению к левым течениям мелкобуржуазной демократии (1917 – 1922 гг.). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. истор. наук. Л., 1982. – 39 с.
- Ямщиков С.В. Армейские массы в 1917 г. (на материалах Тверской губернии). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Тверь, 1995. – 241 с.

4.2. Книги и статьи.

- Агарев А. Большевики против мелкобуржуазной партии эсеров // Пропагандист. 1939. № 16. С.4 – 12.
- Аграрная революция. М. : Комм. академия, 1928. Т.2. Крестьянское движение в 1917 г. – 230 с.
- Анатомия революции : 1917 год в России : массы, партии, власть. СПб. : Глаголь, 1994. – 444 с.
- Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. М.-Л.: Госизд., 1925. – 310 с.
- Антонов–Саратовский В.П. Саратов с февраля по октябрь 1917 г. // Пролетарская революция. 1924. № 24.
- Арсентьев А. Крестьянские организации перед Октябрем 1917 г. // Борьба классов. 1936. № 11.
- Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции. // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М.: изд. Моск. ун-та, 1990. – С. 20 – 54.
- Асташов А.Б. Крестьянский менталитет и проблема национальной самоидентификации России в годы первой мировой войны. // Россия в

XX веке: Проблемы изучения и преподавания: Материалы науч. конф. М.: РГГУ, ИАН, 1999. – С. 52 – 54.

- Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году: из истории политических партий в России между двумя революциями. Л.: Лениздат, 1973. – 456 с.
- Астрахан Х.М. Крушение идейно-политических позиций мелкобуржуазных партий России в 1917 г. Март – октябрь. // История СССР. 1977. № 4. С.20-36.
- Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов: Облгиз, 1947. – 168 с.
- Ахиезер А.С. Философия истории, историческая наука и современность. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 76 – 80.
- Байрау Д. Янус в лаптях. Крестьяне в русской революции, 1905 – 1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19 –31.
- Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917 – 1922. М.: изд. АН СССР, 1972. Ч.1. – 209 с.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. – 222 с.
- Бердяев Н. Революция и культура // Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 102 – 108.
- Блок А.А. Россия и интеллигенция. М.: Вуз. кн., 2000. – 96 с.
- Бокарев Ю.П. Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. – С. 162 – 172.

- Бокарев Ю.П. “Умом Россию не понять”: поведение крестьян в революционную эпоху.// Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. – С.80 – 81.
- Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910 – 1920 гг.). М.: Мысль, 1969. – 172 с.
- Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами, течениями. М.: АН СССР, 1983. – 239 с.
- Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. Куйбышев : Кн. изд., 1957. – 290 с.
- Боффа Дж. История Советского Союза. Пер. с ит. М.: Междунар. отношения, 1990. Т.1. – 629 с.
- Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. – 397 с.
- Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии “человека с ружьем” // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 212 – 218.
- Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. истор. РАН, 1996. С. 4 – 17.
- Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. – 375 с.
- Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России. // Вопросы истории. 2000. № 1. С.29 – 45.

- Булдаков В.П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991. – С.8 – 48.
- Булдаков В.П. Октябрьская революция как социокультурный феномен // Россия в XX веке: историки мира споря. М.: Наука, 1994.
- Булдаков В.П. Путь к Октябрю. // Октябрь 1917 г.: величайшее событие века или социальная катастрофа. М.: Политиздат, 1991. – С.19 – 49.
- Булдаков В.П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций // Историческая наука в меняющемся мире. Казань : изд. Казан. ун-та, 1994. Вып.2.
- Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX в. как общинная революция // Там же. С.154 – 157.
- Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгорархив, 1996. – 398 с.
- Быховский Н.Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов, 1917 г. М.: Аграрн. пробл., 1929. – 438 с.
- Васильев М. Октябрьская революция в Саратове. // Пять лет пролетарской борьбы 1917 – 1922. Саратов: Гос. изд., 1922.
- Великий Октябрь и защита его завоеваний. М.: Наука, 1987. – 479 с.
- Верменичев И. Аграрное движение в 1917 г. // 1900 – 1991. Пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. – 479 с.
- Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995. – 399 с.
- Войткевич Р. Земельная политика временного правительства и ульяновское крестьянство (по архивным документам) // Ульяновский общественник. 1927. № 17 (15 сентября). С. 38 – 39.

- Волобуев П.В. Исторические корни Октябрьской революции. // *Анатомия революции*. СПб.: Глаголь, 1994.
- Волобуев П.В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты) // *Октябрьская революция. Народ : ее творец или заложник?...* М.: Наука, 1992. – С.9 – 29.
- Воронович А.А. Ленинская аграрная программа и ее осуществление в СССР. М.: Соцэкгиз, 1961. – 555 с.
- Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы “великих потрясений” (1905 – 1917 гг.). М., 2000. – 418 с.
- Вронский О.Г. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX-XX веков. М., 1999. – 108 с.
- Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX – XX в.в.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999. – 153 с.
- Вронский О.Г. Крестьянство и власть (1903 - 1923). Тула, 1993. – 139 с.
- Выжлецов Г.П. Духовные ценности и судьбы России // *Социально-политический журнал*. 1994. № 3 – 6. С. 16 –32.
- Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. М.: Партиздат, 1933. – 295 с.
- Герасименко Г.А. Народ и власть, 1917. М.: Воскресенье, 1995. – 286 с.
- Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации 1917 – первой половины 1918 г.г. в советской исторической литературе. // *Исторический сборник*. Саратов: Сарат. ун-т, 1973. С.125 – 136.
- Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов : изд. Сарат. ун-та, 1974. – 341 с.

- Герасименко Г.А. Общественные исполнительные комитеты 1917 года в исторической литературе // История СССР. 1990. № 3. – С. 104 – 115.
- Герасименко Г.А. Политическое положение в Саратовской деревне осенью 1917 года // Поволжский край. 1988. Вып.10. – С.18 –36.
- Герасименко Г.А. Трансформация власти в России в 1917г. // Отечественная история. 1997. № 1.
- Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1977. –324 с.
- Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности. // Русская история: проблема менталитета. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1994.
- Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л.: Наука, 1977. – 295 с.
- Гнутов М.А. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (апрель 1917 – 1918) // Краеведческие записки. Вып. 1. Ульяновск: УГПИ,1957.
- Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989. – 219 с.
- Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М.: Наука, 1982. – 384 с.
- Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября (1917 – середина 30-х г.г.) : очерки. М.: Наука, 1981. – 367 с.
- Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М.: Сов. писатель, 1990. – 396 с.
- Гусев К.В. Небольшевистские демократические партии в революциях 1917 г.// Россия в XX веке: историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С.175 – 181.

- Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. – 383 с.
- Гусев К.В., Полушкина В.А. Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий. М.: Политиздат, 1983. – 80 с.
- Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902 –1922 // Крестьяне и власть. М. – Тамбов: МШСЭН, ТГТУ, 1996. – С.4 – 23.
- Дубровский С.М. Крестьянство в 1917 г. М.-Л.: Гос. изд., 1927. –148 с.
- Дьячков В.Л. Русские крестьяне и государство (о волнении некоторых формирующих факторов на создание и судьбу деревни)// Крестьяне и власть. Тамбов: ТГТУ, 1995. – С.24 – 27.
- Зайцев В. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения Советской власти. М.: Госполитиздат, 1953. – 190 с.
- Зайцева Н.В. Новейшая историография крестьянского движения в Поволжье и на Урале. // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара: Самар. ун-т, 1991. – С.20-31.
- Земля Самарская: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев: Кн. изд., 1990. – 318 с.
- Земцов Б.Н. Революция 1917 г.: Социальные предпосылки. М.: МГТУ, 1999. – 235 с.
- Зинченко Г.И. Ленинская аграрная программа и ее осуществление . М.: Знание, 1969. – 16 с.
- Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: изд. Моск. ун-та, 1990. – 298 с.

- Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос, провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М.: Наука, 1981. – 166 с.
- Ионенко И.М., Шестаков В.А. Октябрь в Поволжье. Историографический обзор новых исследований // Поволжский край. Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1973. Вып.2. С.180 – 197.
- Исторический опыт трех российских революций. М.: Политиздат, 1986. Т.2. – 415 с.
- История ВКП(б). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1940. – 352 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2000. – 236 с.
- История советского крестьянства. М.: Наука, 1986. Т.1. – 455 с.
- Кабанов В.В. Влияние войн и революций на крестьянство. // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – С.142 – 147.
- Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община.// Историч. записки. М.: Ин-т ист. АН СССР, 1984. Т.12. – С.87 – 112.
- Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в.// Вопросы истории. 1993. № 2. – С.34 – 47.
- Кабытов П.С. Великий Октябрь: некоторые проблемы историографии. // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара: Самар. ун-т, 1991. – С.4 – 8.
- Кабытов П.С. Обзор источников по аграрной истории Поволжья (1907 – 1917) // Поволжский край. Саратов, 1975. Вып. 4. – С.163 – 177.
- Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Куйбышев : изд. Сарат. ун-та (Куйбышев. филиал), 1990. – 146 с.
- Кабытов П.С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX века. Куйбышев: КГУ, 1988. – 72 с.

- Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. – 239 с.
- Кабытова Н.Н. Власть и общество в Российской провинции: 1917 год в Поволжье. Самара: Самар. ун-т, 1999. – 258 с.
- Кабытова Н.Н. Земства или Советы: российская властная альтернатива в 1917 году // Самарский земский сборник. Самара: Самар. ун-т, 1995. Вып.3 С.20-25.
- Кабытова Н.Н. Власть и общество в Российской провинции: 1917 год в Поволжье. Самара: Самар. ун-т, 1999.- 258 с.
- Кабытова Н.Н. Муниципальные выборы 1917 г. в Самаре // Самар. земск. сб. 1997. № 1.
- Кабытова Н.Н., Шестаков В.А. Революционная борьба крестьянства Поволжья в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции (обзор литературы, вышедшей в 50 –70-е годы)// Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев: КГУ 1975. – С.74 – 79.
- Казарезов В.В. Крестьянский вопрос в России (конец XIX – первая четверть XX в.в). М.: Колос,2000. т.1. – 471 с.
- Канищев В.В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Тамбов: ТГУ, 1995.
- Кантор В.К. Стихия и цивилизация: два фактора “русской судьбы”// Вопросы философии. 1994. № 5.- С.27 – 46.
- Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские в большевизме: Опыт аналитической антологии. СПб.: изд. РХГИ, 1999. – 439 с.
- Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917 – 1929. М.: ИнтерВерсо, 1990. – 208 с.

- Классовая борьба в поволжской деревне в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев: КГУ, 1987. – 164с.
- Климушкин П.Д. История аграрного движения Самарской губернии // Революция 1917 – 1918 годов в Самарской губернии. Самара: изд. Комуча, 1918. Т.1. Отд. II.
- Книпович Б. Очерки деятельности Наркомзема за три года (1917 – 1920 гг.). М., 1920.
- Кожин В.В. Победы и беды России: Русская культура как порождение истории. М.: Алгоритм, 2000. – 444 с.
- Комин В.В. Банкротство буржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Моск. рабочий, 1965. – 644 с.
- Коновалов В.С. Аграрный вопрос в России в начале XX столетия. Обзор. М.: ИНИОН, 1996. – 158 с.
- Конькова А.С. Борьба Коммунистической партии за союз рабочего класса с беднейшим крестьянством в 1917 – 1918 г.г. (по материалам Самарской, Саратовской и Симбирской губерний). М.: Изд. Моск. ун-та, 1974. – 153 с.
- Короленко В.Г. Земли! Земли!: Мысли, воспоминания, картины. М.: Сов. писатель, 1991. – 222 с.
- Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М.: Наука, 1975.
- Кострикин В.И. Крестьянское движение накануне Октября в советской историографии // Вопросы истории. 1977. № 11. – С.47 – 63.
- Кравчук Н.А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март – октябрь 1917 г.). М.: Мысль, 1971. – 278 с.
- Крестьяне и власть: материалы конференции. Тамбов: ТГТУ, 1995.–112с.

- Крестьяне и власть: М.-Тамбов: МШСЭН, ТГТУ, 1996. – 182 с.
- Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М.: Аспект Пресс, 1996. – 352 с.
- Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев: КГУ, 1982. – 166 с.
- Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993. – 274 с.
- Крицман Л. Пролетарская революция и деревня. М.-Л.: Гос. изд, 1929.- 576 с.
- Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. – 319 с.
- Курсков Н.А. Роль земельных комитетов в крестьянском движении в 1917 г. (на материалах Самарской губернии). // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX в.в. Куйбышев: КГУ, 1986. – С. 163 – 169.
- Лавров В.М. “Крестьянский парламент” в России (Всероссийские съезды Советов Крестьянских депутатов в 1917 – 1918 годах). М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – 237 с.
- Левятова Х. Борьба большевистской партии за разрешение аграрного вопроса в период от февраля к октябрю 1917 года // Ученые записки УГПИ. Ульяновск, 1957. Т.12. Вып.1.
- Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. – С.29 – 44.
- Леонтьева Т.Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек. Социально- психологический аспект. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – С.92 – 115.

- Литвак Б.Г. О периодизации крестьянского движения в России // Вопросы истории. 1986. № 3.
- Лопаткин А.Н. Аграрная программа большевиков в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Знание, 1956. – 48 с.
- Лопаткин А.Н. Из истории разработки аграрной программы большевистской партии. М.: Госполитиздат, 1952. – 312 с.
- Лупоедов В.Н. Политические партии России (февраль – октябрь 1917 г.): некоторые проблемы историографии. М.: Наука, 1993. – 180 с.
- Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993.
- Люкшин Д.И. 1917 год в деревне: общинная революция ? // Революция и человек. М., 1996. – С.115 – 142.
- Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 г., март – октябрь. М.: Наука, 1981. – 400 с.
- Медведев Е.И. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев: Кн. изд., 1970. – 189 с.
- Медведев Е.И. Октябрьская революция в Самарской губернии. Куйбышев: КГПИ, 1957. – 46 с.
- Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге // Ученые записки КГПИ. Вып. 24. Т.1. 1958. – 636 с.
- Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX в.в.). М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
- Минц И.И. История Великого Октября. В 3 т. М.: Наука, 1967. Т.1. – 930 с. Т.2. – 1151 с.
- Миронов Б.И. Социальная история России периода империи (XVII – начало XXв.). В 2 т. СПб.: изд. Дмитрий Буланин, 1999. – 566 с.

- Михайлов Л.С., Мерзлякова Л.И. Крестьянский вопрос в орбите политической борьбы (начало XX века – 1920 год)// Постигая прошлое и настоящее. Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1994. Вып.3. – С. 83 – 98.
- Моисеева О.Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 г. М.: Наука,1967. – 206с.
- Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб.: Наука, 1992. – 463 с.
- Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Кн. изд., 1962. – 622 с.
- Непролетарские партии России: Урок истории. М.: Мысль,1984. – 566 с.
- Овруцкая С.Ш. Провал попыток сдержать крестьянское движение осенью 1917г. (по материалам Саратовской губернии). // Поволжский край. 1975. № 3.
- Октябрь в Поволжье. Саратов: Приволж. кн. изд, 1967. – 611 с.
- Октябрь 1917 года: величайшее событие века или социальная катастрофа. М.: Политиздат, 1991. – 240 с.
- Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М.: Наука,1992. – 431 с.
- Октябрьская революция: ожидания и результаты // Отечественная история. 1993. № 4.
- Омельченко Н.А. В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб.: изд. РХГИ,1996. – 550 с.
- Орлов Б. Российская социал-демократия: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 1998. – 55 с.

- Орлов Н.Б. Социальные взрывы: природа и динамика развития // Социальные реформы в России: теория и практика. Вып. 2. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – С.13 – 19.
- Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1974. – 350 с.
- Осипова Т.В. Союз рабочих и беднейших крестьян в Октябрьской революции (некоторые итоги и задачи изучения проблемы).// История СССР. 1977. № 4. С.37 – 49.
- Очерки истории Саратовского Поволжья (1894 – 1917). Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1999. Т.2. Ч.2. – 430 с.
- Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев: Кн. изд., 1960. – 371 с.
- Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов: Приволж. кн. изд., 1965. Ч.1. – 392 с.
- Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов: Приволж. кн. изд., 1964. ч.1. – 512 с.
- Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. – 662 с.
- Пайпс Р. Русская революция. В 2 ч. М.: РОССПЭН, 1994. Ч.1. – 397 с. Ч.2. – 583с.
- Пантин Е.Г., Плимак И.К. Драма российских реформ и революций: (Сравнительно-политический анализ). М.: Весь мир, 2000. – 360 с.
- Партия и Великий Октябрь. Историкографический очерк. М.: Политиздат, 1976. – 294 с.
- Перехов А.Я. Октябрь 1917-го – случайность, неизбежность, закономерность?// История России в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С.196-197.

- Першин П.Н. Аграрная программа большевиков в буржуазно-демократической и социалистической революциях. Киев: изд. Киев. ун-та, 1959. – 79 с.
- Першин П.Н. Аграрная революция в России. А.: Политиздат, 1966.–400 с.
- Першин П.Н. Очерки земельной политики русской революции. М.: Лига аграрных реформ, 1918. – 122 с.
- Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т.2. – 719 с.
- Политическая история России в партиях и лицах. М.: ТЕРРА, 1993. – 365 с.
- Политические партии и общество в России 1914 – 1917 г.г. М.: ИНИОН РАН, 1999. – 328 с.
- Политические партии России: История и современность. М.: РОССПЭН, 2000. – 631 с.
- Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. – 415 с.
- Поршнева О.С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Социальная история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2000. – с. 57 – 83.
- Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара: Самар. ун-т, 1991. – 161 с.
- Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. – 368 с.
- Революция и человек: Социально – психологический аспект. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – 223 с.

- Рейли Д.Дж. Политические судьбы Российской губернии: 1917 в Саратове. / Пер. с англ. Саратов: Слово, 1995. – 395 с.
- Рейли Д.Дж. Саратов и губерния в 1917 году: события, партии, люди. Саратов : Колледж, 1994. – 121 с.
- Ремезова Т. Советы крестьянских депутатов В 1917 г.// Историч. записки. Т.32. М., 1950.
- Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1999. – 250 с.
- Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: РОССПЭН, 1996.–304 с.
- Россия в XX веке: историки мира спорят. М.: Наука, 1994. – 750 с.
- Русская история: проблема менталитета. М.: Ин-т рос.ист. РАН, 1994. – 153 с.
- Сальникова А.А. О социальной психологии крестьянства в 1917 г. Историографические и источниковедческие аспекты // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара, 1991. – С.41 – 48.
- Седов А.В. Движение крестьян России за массовую организацию низовых крестьянских комитетов в 1917 г. Горький: Горьк. гос. ун-т, 1975.– 106 с.
- Седов А.В. Крестьянские комитеты в 1917 г. Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1990. – 156 с.
- Седов А.В. Роль крестьянских комитетов в аграрном движении 1917 г. Горький: ГГУ, 1977. – 50 с.
- Сельцер Д.Г. Главный Земельный Комитет: из истории подготовки аграрной реформы в 1917 г. // Крестьяне и власть. М. – Тамбов, 1996. – С.89 – 98.

- Семенникова Л. Октябрь 1917-го. Что же произошло? // Свободная мысль. 1992. № 15.
- Семьянинов В.П. Дооктябрьские волостные Советы 1917 г. в историографических исследованиях // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982. С. 119 – 128.
- Семьянинов В.П. Советы крестьянских депутатов в 1917 – первой половине 1918 г.г. в историографических исследованиях // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1986. – С. 23 –41.
- Симуш П.И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991. – 254 с.
- Скотт Дж. Орудие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. М., 1996. – С. 26 – 59.
- Слепченко Г.И. О некоторых вопросах стратегии и тактики партии большевиков в мирный период развития социалистической революции. // Ученые записки УГПИ. Ульяновск, 1957. Т.12. Вып.1.
- Смирнов А.С. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки к Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.). М.: Госполитиздат, 1957. – 159 с.
- Смирнов А.С. Большевики и крестьянские восстания в сентябре – октябре 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1981. № 3. – С. 56 –67.
- Смирнов А.С. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М.: Политиздат, 1976. – 232 с.
- Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 г. М.: Мысль, 1979. – 245 с.
- Соболев П.Н. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в Октябрьской революции. М.: Госполитиздат, 1958. – 340 с.
- Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1981. – 293 с.

- Сорокин А.К. От авторитаризма к демократии: к истории несостоявшегося перехода // Полис. 1993. № 3.
- Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. – 366 с.
- Старцев В.И. История Октября в новейшей литературе // Коммунист. 1988. №15. – С. 117 – 121.
- Суслов Ю.П. Ленинская аграрная программа и борьба большевиков Поволжья за ее осуществление. Март 1917 – март 1918. Саратов: изд. Саратов. ун-та, 1972. – 177 с.
- Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1997. – С.168 – 181.
- Тихонова Н.Е. Зависимость взглядов и поведения от ценностных ориентаций // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994.
- Точеный Д.С. Банкротство политики эсеров Поволжье в аграрном вопросе (март – октябрь 1917 г.) // История СССР. 1969. № 4.
- Точеный Д.С. Борьба политических партий в России по аграрному вопросу накануне Октября (на материалах Поволжья). Куйбышев: КГПИ, 1981. – 84 с.
- Точеный Д.С. Литература об Октябрьской революции в Среднем Поволжье в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // История партийных организаций Поволжья. Вып. 2. Саратов, 1973.
- Точеный Д.С. Эволюция политических настроений и общественного сознания крестьянства Среднего Поволжья (1917 – 1918 гг.) // Вопросы

аграрной истории Среднего Поволжья (XVII – начало XX в.в.). Саранск, 1970.

- Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Ленинский декрет о земле и погромное движение в симбирской деревне в 1917 – 1918 г.г. // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1994. Вып.3.
- Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Мысль, 1967. Т.1. – 567 с.
- Троцкий В.В. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. М.- Самара: Партиздат, 1932. – 39 с.
- Троцкий В.В. Революционное движение в Средне-Волжском крае. Самара: Гос. изд., Средневолж. обл. отд-ние, 1930. – 176 с.
- Троцкий В.В. Самарская организация ВКП(б) в годы войны и Октябрьской революции. Самара: Самар. ГК ВКП(б), 1927. Ч.1. – 238 с.
- Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. – 207 с.
- Уайлдман А.К. Армия и вопрос о легитимности власти в 1917 г. // Анатомия революции. СПб., 1994. – С.238 – 251.
- Утенков А.Я. Работа большевиков среди трудящегося крестьянства накануне Октября. М.: Госполитиздат, 1958. – 159 с.
- Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 г.г. // Анатомия революции. СПб, 1994. С.230 – 237.
- Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира. Социализм и “культ личности”. М.: Политиздат, 1991. – 317 с.
- Федоринов В.Е. Общественно-политическая мысль России конца XIX – начала XX века о концепции политической партии. М.: изд. РУДН, 2000. – 240 с.
- Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1991. Т.1. – 350 с.

- Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917 – 1918 г.г. Иерусалим: СТАВ, 1982. – 400 с.
- Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России в 1918 – 1921 г.г. Иерусалим: Лексикон, 1987. – 251 с.
- Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого: (Глядя из настоящего). СПб.: изд. СПб. ун-та, 1997. – 159 с.
- Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993.
- Харченко К.В. Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 г.г. М.: Русский двор, 2000. – 265 с.
- Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М.: ЦСУ СССР, 1926. – 172 с.
- Хрящева А.И. Крестьянство в войне и революции статистико-экономические очерки А.Хрящевой. М.: ЦСУ СССР, 1921. – 45 с.
- Цейтлин Р.С. В борьбе за солдатские массы: (Большевики и их политические противники в тыловых военных округах Восточной России в мирный период развития революции 1917 г.). Казань: изд. Казан. ун-та, 1987. – 184 с.
- Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социальный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек. М., 1996.- С.166 – 171.
- Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905 – 1907 ----- 1917-1922 г.г. // Пер. с англ. М.: Весь мир, 1997. – 560 с.

- Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. – 279 с.
- Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 130 – 136.
- Шестаков А.В. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М.-Л.: Гос. изд., 1927. – 88 с.
- Шестаков А.В. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов // Пролетарская революция, 1927. № 5.
- Шестаков А.В. Крестьянство в Октябрьской революции. Харьков: Пролетарий, 1925. – 31 с.
- Шестаков А.В. Октябрь в деревне. М.: Кооп. изд., 1925. – 32 с.
- Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1979. – 135 с.
- Щагин Э.М. Аграрно-крестьянские проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции в современной советской историографии // Проблемы историографии и источниковедения истории трех российских революций. М.: МГПИ, 1987. – С.85 – 100.
- Ягодкин В.Д. Октябрь на родине Ленина. М.-Самара: Средне-Волж. краев. гос. изд., 1932. – 72 с.
- Яковлев Я.А. Крестьянская война 1917 г. // Аграрная революция. М.: Комм. Акад., 1928. Т.2. – С.83 – 94.